

НАШ СОВРЕМЕННОК

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», МОСКВА

4.

АПРЕЛЬ 1974

Год издания одиннадцатый

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Олег КУВАЕВ. Территория. Роман.	2
Владимир СОЛОУХИН. Два рассказа.	91
Дмитрий БЫСТРОЛЕТОВ. Para bellum. Приключенческая повесть. (Продолжение).	117

ПОЭЗИЯ

Леонид МАРТЫНОВ. Из новых стихов.	88
Гилемдар РАМАЗАНОВ. Дружбы пламенные искры. С башкирского. Переводы Винцента Шаргунова и Григория Глазова.	115

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Иван ВИННИЧЕНКО. Жаркие две недели. Из ставропольского дневника.	139
--	-----

КРИТИКА. ИСКУССТВО

Дмитрий ЖУКОВ. Самое колыбельное. О творчестве Виктора Лихоносова.	163
Сергей ТРИГОРЬЯНЦ. Портрет петровского времени.	172

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А. ТУРКОВ. «Душа, такая золотая».	179
В. МАМОНТОВ. На пути к роману.	180
А. КАРЕЛИН. Глубины и мели.	183
А. ВАНЮКОВ. Социалистический реализм сегодня.	185

ЮМОР

Николай ЕЛИН, Владимир КАШАЕВ. Закон Ньютона.	188
Валерий ШАМШУРИН. Свадьба в городе.	190
Леонид БЕЛЯЕВ. Месть.	190
Вениамин ЖИРНОВ. Горе крокодила. Комариный писк.	190
Дела семейные. Рисунки В. Воеводина.	191

О НАШИХ АВТОРАХ. 192

Олег Куваев

ТЕРРИТОРИЯ

РОМАН

ВСЕСТОРОННЕЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТА.

«...Золото — прекраснейший из металлов. Что происходит с драгоценными камнями, за которыми едут на край света! Их продают и превращают в конце концов в золото. С помощью золота можно не только делать все что угодно в этом мире, с его помощью можно извлечь души из чистилища и населить ими рай...».

Христофор Колумб. Письмо королю Фердинанду.

«В их пустынях есть рудники, и самородки бывают такими большими, что видны, как трава на песке».

Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди. «Промывальни золота и россыпи драгоценных камней».

«...В один из этих дней случилось, что Его Величество (Рамзес Великий) восседал на великом троне из электрона*, увенчанный короной с двойным убором из перьев, чтобы подумать о землях, из которых доставляется золото, и чтобы обсудить планы сооружения коподцев на безводной дороге, ибо он слышал, что в земле Акита встречается много золота, но путь туда совершенно лишен воды».

Надпись на Кубанском камне. 1282 год до н. э.

«...Царь Соломон также сделал корабль в Еционь-Гавере, что при Елофе... в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир*, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов**, и привезли царю Соломону...».

Третья книга Царств, гл. 9, стих 26—28.

Офир искали в Аравии, Индии, Африке, на Цейлоне и в Южной Америке.

Примечание автора.

* Электрон (греч.) — сплав золота с серебром.

** Талант (греч.) — мера веса древнего мира.

Поводом и целью похода аргонавтов также служило золото.

Второе примечание автора.

«Я царствую!.. Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!»

А. Пушкин. «Скупой рыцарь».

«Спрячь золото верней!
Смотри, следят за нами.
Спрячь золото верней!
Свет солнца страшен мне:
Меня ограбить может пламя
Его лучей.

Спрячь золото верней:
Не здесь, а под семью замками,
Не здесь, а дальше, где-то там,
Зарой поглубже в мусор, в хлам,
Под хворост, за дровами...

Но как узнать, но как узнать,
Откуда вора можно ждать!»

Э. Верхарн. «Золото».

«Металл он и есть металл. Но этот — глупый металл. Из железа паровоз, или трактор, или башню какую. Из алюминия самолет, из меди провод. А из этого сплошная судимость».

Безвестный шурфовщик.

«...только что поделенное богатство — пустяки по сравнению с теми, какие нас ожидают; ведь знаем же мы теперь, какие здесь великие города и изобильные золотые прииски — всё это наше и все мы станем богачами...».

Бернал Диаз. «Записки солдата».

«...Да будем золоти, яко золото се...».

Древняя славянская клятва.

«Все бросали свои обычные занятия и шли за золотом. Чиновники правительства, волонтеры, пришедшие для завоевания Калифорнии, бросали свои места. Офицеры, ожидавшие заключения мира с Мексикой, оставались одни, без прислуги, и губернатор Монтерея, полковник волонтеров Меси, в свою очередь, исполнял обязанности артельного повара. Купеческие суда, зашедшие в порт Сан-Франциско, были оставлены командой... Строгая дисциплина военных судов не в силах была удержать матросов от бегства. Только что родившиеся поселения опустели и посевы хлеба, поднявшиеся замечательно хорошо, гибли по недостатку рук...».

Описание калифорнийской «золотой лихорадки», сделанное горным инженером Дорошиным. Отчет о командировке в Калифорнию. «Горный журнал», 1850 г.

1. ЛЕТО

1

Чинков, по прозвищу Будда, сидел в странном кресле, пожалуй больше смахивающем на трон, чем на служебную мебель. Кресло было из черного дуба с прямой, уходящей под потолок спинкой с медными блестячками в виде орнамента. Под стать креслу, костюм на Чинкове был темный, рубашка темная, черный галстук и лицо тоже темное, чугунного цвета, руки — на подлокотниках тронного кресла, взгляд тяжело опущен. Все, кто с Чинковым работал, знали эту привычку — сидеть в идольской позе. В управлении стояла летняя тишина. Лишь из дальнего конца коридора, где размещалась рация, иногда доносился писк морзянки.

Заныли стекла, стена управления вздрогнула, раздался дизельный рев. Из порта полз очередной трайлер. Фиолетовая пыль взметнулась над крышей соседнего барака. Чинков поднялся и с неожиданной для тучной комплекции живостью пересек кабинет.

Лидия Макаровна, его секретарша, сидела перед зачехленной машинкой, смотрела в стенку и курила. На столе неряшливой горкой дыбились докуренные до мундштука папиросы «Норд». Своей одеждой — не то китель, не то жакет из синего шевиота, — привычкой палить папиросы «до фабрики», собранной кое-как прической Лидия Макаровна напоминала замотанных вдов военного времени, хотя война давно уже кончилась.

— Прошу записать приказ, — голос у Чинкова был напряженный и тонкий, как это часто случается у крупных людей. — Сегодняшнего числа предписывается главному инженеру Чинкову вылететь в Город на совещание главных инженеров «Северного строительства». Подпись: главный инженер геологического управления Поселка Чинков.

— И. о. господа бога, — не пошевелившись, вставила Лидия Макаровна.

— Что-нибудь случилось? — вежливо осведомился Чинков.

— Гармыдр, — кратко пояснила Лидия Макаровна.

— В чем, по-вашему, это... явление?

— Была случайно у бухты. Зашла случайно в барак-на-косе. Тот самый, что вы называете «общежитие для ИТР». На дворе июль. Мальчики три месяца в тундре. А лед по углам до сих пор не растаял.

— Это забота начальника управления Фурдецкого, — сухо сказал Чинков.

— Вот-вот! Вернутся из тундры мальчики. Выберу я себя в местком, — Лидия Макаровна мстительно затаилась, — и объявлю я вам, падишахам, войну до взаимного уничтожения.

— Прошу отставить ненужные разговоры. Прошу отпечатать приказ, узнать о самолетах, билет и машину.

— Величие планов и дел, — вздохнула Лидия Макаровна. — Гр-р-ран-диозные перр-р-р-спективы. Лауреатские списки, банкеты. Особо повышенные оклады. А мальчики, прости господи, как кони в тундре под рюкзаками. И хотя без мальчиков вы, наместники, гроша ломаного не стоите, не будет мальчиков — дворниками вас не возьмут, барак просушить некому. Перебьются-де мальчики. Когда великого человека просто так презирают, это, наверное, очень обидно, Илья Николаевич?

— Смотря за что презирают, — серьезно ответил Чинков. — За работу никто никого презирать не может. Я счастлив, что это так. Стаги, ваши беззащитные мальчики прекрасно ориентируются в подобных вопросах. Они — юрные инженеры. Вас же волнуют поверхностные обстоятельства, которые...

Чинков не договорил и быстро повернулся к двери. Дверь, точно он владел телекинезом, стала медленно и бесшумно открываться. За ней стоял Куценко, промывальщик шлихов и личный адъютант Чинкова.

— Уж давно все готово,— нетерпеливо сказал он.— Уж ноги сами идут. Может, сегодня, Илья Николаевич? Посмотрите?

В гулких коридорах управления пахло пылью, карболкой, полушубками — запах вокзала, который вдруг опустел. В угловой комнате на столах лежали ватные костюмы, брезентухи, сапоги.

— Сапоги вам я взял все-таки на размер больше, потому что ступня широкая,— заботился Куценко.— Может, примерите? Рюкзаки выбрал с мягкими лямками. Плечи у вас, извините, пухлые. Твердая лямка начнет врезаться, пережимать кровеносные сосуды. Эт-ти брезентухи видом пугают, но я скажу...

Чинков по-девичьи хихикнул. Куценко вскинулся.

— Странно слышать из ваших... уст собственные уроки,— сказал Чинков.— Я помню, чему вас учил, Клим Алексеевич. Ватные костюмы?

— Старожилы снегом грозят. Если в июне жара — в июле обязательно падает снег.

— Как-нибудь перетерпим. Не вижу продуктов. Где лоток?

— Приказа не было,— пробормотал Куценко.

— Слушайте приказ: выбросить все лишнее. Приготовить недельный запас продуктов на двух человек. Взять лоток. Пойдем поисковым маршрутом направлением к базе Восточной партии. Выход — как только вернусь из Города. Ясен приказ?

— Может, второй лоток взять, если маршрутом?

— Я возьму с собой свою голову,— без улыбки ответил Чинков.

Когда Чинков вернулся, на столе у Лидии Макаровны был порядок. Пепельница вытряхнута, в машинке свежий лист.

— Повезло,— сказала она.— Через два часа будет рейсовый борт. Машину обещали через полчаса.

— Я готов,— по-детски безмятежным голосом сообщил Чинков.

Он вернулся в кабинет и снова принял прежнюю позу: голова опущена, руки — на подлокотниках, на зеленом сукне стола ни бумажки, ни карандаша, ни даже пылинки.

С рейда донесся сиплый пароходный рев. Какое-то судно, опорожнив трюмы, спешило уйти, покинуть берега Территории по чистой воде.

— Пароходы и то сбегают. О господи! — по-бабьи вздохнула Лидия Макаровна и принялась печатать приказ.

Среди множества фотографий, сделанных человечеством, есть такая: молодые люди в унтах, собачьего меха куртках, длинноухих якутских шапках стоят на фоне бревенчатого барака, окруженного редкими лиственницами. На бараке — лозунг: «Привет совещанию горняков «Северного строительства». У молодых людей на фотографии гладкие волевые лица, очень светлые глаза, во всем облике — победность, которая неизменно вырабатывалась в те годы на Реке у всех, кто уцелел, не сломался. Впрочем, на земле «Северстроя» слабый не жил. Слабый исчезал в лучший мир или лучшую местность быстро и незаметно. Кто оставался, тот был заведомо сильным.

Но все-таки та фотография считалась особой. Из группы молодых людей один погиб, один стал академиком, остальные просто вошли в легенду. Эта легенда закреплена в изданных книгах, газетных статьях, разного рода фольклоре и, если всего этого мало, — во многих десятках тонн золота.

Третьим слева на ней — Илья Николаевич Чинков, уже тогда Будда. Молодым инженером он по собственному желанию попал на Реку. К здешней инопланетной жизни Чинков пришелся с точностью патрона, досланного в патронник. Здесь ценили крупных людей. Но еще студентом Илья Николаевич был настолько солиден, что иной доцент выглядел рядом с ним как пацан. В «Северстрое» не терпели балаболок и выше всего ценили исполнение слова «приказ». Чинков был всегда молчалив и вламывался в работу, как танк в березки. Никто не удивился, что через два года он стал начальником крупной разведочной партии на притоке Реки. К тому времени и относится фотография.

В атмосфере удачи, крупных планов и дел Чинков вдруг подал руководству «Северстроя» рапорт. Он просил перевести его в заштатное геологическое управление на берегу Ледовитого океана. Человек с твердой репутацией удачливого «золотаря» просил перевести его в оловоносную провинцию. Управление Поселка, куда он просился, было знаменито одним: геологи его считали свихнутыми людьми, старообрядцами геологии. Ноги — средство передвижения, геологический молоток — инструмент познания, все остальное — от лукавого. Так старый, глухой монастырь хранит обряды, сданные в архив пастырями, близкими к прогрессу и светской власти.

О причинах рапорта Чинкова в Городе много гадали. Одни решили, что Будда стремился в захолустье, чтобы написать диссертацию. В «Северстрое» не одобряли диссертаций. Другие высказали догадку, что он намерился проверить свою фантастическую удачливость на олове. Считали и так, что Будда возжаждал власти, неограниченной воли, которую за дальностью расстояния — все-таки пять летних часов — мало чем мог ограничить Город. Но не нашлось никого, кто спросил бы его о причинах перевода в заштатное управление. Внешность Чинкова — чугунное его лицо, на котором глаза были спрятаны за тяжелыми веками, — не располагала к расспросам.

Каждый раз, прилетая в Город, Чинков останавливался в одном и том же номере гостиницы. Коллеги его поселялись у знакомых, друзей по давним походам, совместной работе или в их пустых квартирах, если те уезжали в отпуск. На худой конец — в номерах люкс, приличествующих их положению. Чинков друзей не имел, и его постоянный номер был очень скромным: умывальник, койка, письменный стол.

В номере он привычно глянул в окно на сопки, плешивые после вырубок. Затем вынул из портфеля свою черную папку и не спеша направился в управление. Он опоздал, и требовалось ждать перекура. Напротив гостиницы шумел асфальтовый пятачок. На одном углу пятачка стояло здание круглосуточного телеграфа, на другом — автостанция. Чинков не спеша прошел вверх, где Город взбегал на гору, чтобы затем оборотиться к океану. Город выглядел очень современным, культурным, потому что он не рос, а был махом воздвигнут в эпоху архитектурных излишеств.

Здание геологического управления, выстроенное из серого массивного камня, было самым крупным в Городе. Напротив находился сквер с памятником Ленину. Сквер окружали тоненькие березки, посаженные в субботник два года назад. Чинков открыл высокую дубовую дверь управления.

Оказалось, что совещание еще не начиналось, потому что главный инженер управления Рыбкин задержался в политотделе. Старожилы, основоположники, корифеи золотой промышленности, чесали языки в коридоре — мужчины с тяжелыми подбородками, сверхчеловеки. Каждый

нес за плечами груз легендарных лет. Каждый высадился здесь на пустой берег океана. Спины их по сей день были прямыми, и каждый, если даже позади числилось два инфаркта, считал себя способным на многое. Так оно и было, потому что любой из седых мужиков, стоявших сейчас в коридоре, прошел жестокую школу естественного отбора. Они гоняли собачьи упряжки во времена романтического освоения Реки, гибли от голода и тонули. Но не погибли и не потонули. Глушили спирт ящиками во времена славы, но не спились. Месяцами жили на допинге, когда золото требовала война, и не свихнулись. Тех, кто свихнулся, спился, утонул, — тех не было здесь, и даже память о них замылась.

Чинков вошел в коридор как равный к равным. Походка его изменилась. Он легко и точно нес тяжелое тело, держал папку за угол кончиками пальцев — весь независимость, доброжелательность и легкая настороженность. Друг друга корифеи приветствовали с шумом и манерами беспризорников, но никто не устремился навстречу Чинкову. Лишь кивки, «о, привет!» и еще — заинтересованные косые взгляды. Чинков был самым молодым среди прославленных и седых, насильно ворвался, раздвинул их ряды. Даже преждевременная полнота отделяла его от основоположников. Они — сухопарые аристократы-основатели, он — плебей, выскочка, продолжатель. И Будда, темнолицый, улыбчивый и тяжелый, встал в стороне, прочно заняв кусок продымленного пространства. «Плевать, я сам по себе, я сам себе корифей».

Наконец появился Робыкин. Он шел в окружении приближенных и походил на стремительно летящий бильярдный шар — низенький, коротконогий, круглый, с какой стороны ни глянь, сверкающий бритой головой и улыбкой. Робыкин на ходу здоровался с корифеями, но мимо Чинкова прошел, не заметив. Они почти в одно время попали на Реку, оба — горные инженеры. Соперничество вначале было шутивым. Но позднее Чинков перебежал дорогу Робыкину, занял административный пост начальника экспедиции, куда вначале назначался Робыкин. Открыл россыпь и получил лауреата. Звезда Робыкина всходила с запозданием, но круто. Полгода назад он стал главным инженером центрального геологического управления «Северстроя», и был слух, что станет начальником.

Корифеи расселись в его кабинете и задымили, хотя Робыкин специальным приказом по управлению запретил курить в рабочих помещениях. Но корифеям он не мог ничего запретить, потому что от них зависела его сила и власть. Такова была одна из странностей «Северстроя» — никто из прославивших его людей, тех, кто открыл Реку, основал Город, не назначался в высшее руководство. Возможно, в этом был повинен сугубый нрав корифеев, возможно, «Северстрой» требовал от руководителя специальных талантов и знаний. Корифеи правили на местах, в глубинных поселках. Но, как преторианская гвардия, объединившись, они могли сместить любого руководителя «Северстроя».

Робыкин звучным руководящим голосом — когда только успел научиться — сказал про заботу государства о геологах и, следовательно, об их ответственности. Дежурная часть речи шла под шум разговоров, чирканье спичек.

— Черт вас возьми! — неожиданно изменил тон Робыкин. — Бодягин! Не лапай соседа, это тебе не коллекторша. Василий Феофаныч! Запкнись.

«Ай молодец, Котя, — подумал Чинков о Робыкине. — Неужели я мало его ценил? Это опасно...»

— За последние три года добыча золота на Реке резко упала, — сказал Робыкин. — Это всем вам известно. Новых месторождений не от-

крыто, прирост золотых запасов незначителен. Если будет так продолжаться, полетит моя голова, но и вас всех ждет унылая почетная пенсия...

Корифеи разом притихли. А Робыкин снова ораторским тоном заговорил о том, что знает каждый студент. Всякое месторождение имеет конечную тенденцию к истощению.

— Давай про Реку, Котя! — рявкнул кто-то из корифеев.

И снова мертвая тишина.

— С Рекой аналогичный случай, как говорят в анекдотах, — громко ответил Робыкин. — Многие наверху и здесь считают, что она уже кончилась. Снимали сливки в первые годы «Северного строительства». Ураганная добыча во время войны... Нужны новые россыпи. Или нас выгонят и поставят более умных и полезных для государства.

— Не пугай, Котя! Всю жизнь пугали, — сказал тот же голос. — Пока мы живы, валюта для государства будет.

И опять Робыкин преобразился. Взмахнул короткими руками, стал веселый, улыбочивый, как лягушонок из детской книжки.

— Вопрос: кого пугать? Ответ: самих же себя. Мы все связаны с Рекой намертво. И выход вы знаете сами: глубокая разведка, глубокие поиски. Все, что валяется сверху, мы взяли. Теперь надо идти дальше и глубже. Для этого нужны деньги. Очень большие. Есть план сократить все расходы, кроме расходов на золото. Например, Территория. Мы добываем там олово. Мы ищем там слово. Так требовалось в годы войны. Сейчас олово не проблема. Зачем нам олово Территории?

— На всякий случай, — сказал кто-то.

— На всякий случай нам нужно золото. Есть предложение сократить расходы по Территории. Может быть, прикрыть геологическое управление Поселка. Оставить там минимальный штат, пусть занимается съемкой. Это называется концентрация средств...

Все, не скрываясь, оглядывались на Чинкова. Но тот сидел, опустив голову, ряды сидящих сместились и образовали просвет. С одной стороны Робыкин, сверкающий бритым черепом, за поднятым на возвышении столом, с другой — Чинков, со склоненной головой, у стенки. Минута была настолько неловкая, что хрипатый и прямой как нож корифеевский голос сказал:

— В Поселке лишь одно из семи управлений. Прикрыть его можно. Но где остальные деньги? На Территорию и Чинкова мне наплевать. Ну ты дай мне три миллиона...

— В руководстве есть план, — сказал Робыкин, — и задача настоящего совещания...

Дальше Чинков не слушал. Ему вспомнился запах кедрового стланика. Уверенность в счастье, звезды, которые сопровождали его в беспощадных маршрутах. Дым забытых костров, палатки давних ночевок. «Нужны деньги, чтобы добыть деньги, нужны деньги, чтобы добыть деньги», — крутилась в голове глупая мысль. Давило сердце. Чинков украдкой отвинтил в кармане трубочку валидола, исподлобья оглядевшись, выбрал момент, сунул под язык таблетку. В «Северстрое» было принято щеголять валидолом, некоторые спирт им закусывали. Но Чинков скрывал недуги. Ему требовалось выглядеть вечным. Ах, товарищ Робыкин, мерзавец Котя. Выбрал момент для сведения счетов. Корифеи, как дети, видят только одну цель, одну опасность. Вперед и прямо, ломая все по бокам.

Объявили перекур. Старожилы, основоположники, мамонты золотой промышленности. снова чесали языки в коридоре. Мужчины с тяжелыми подбородками, прямыми спинами, изношенными сердцами. Морщины

были точно скальпелем врезаны в их лица и шеи. Громкие голоса — нависла опасность, и старые кони били копытами.

«Их удача — в прошлом, их звезда — в прошлом. Сейчас они были просто старые ездовые псы, которые тянут нарту валюты для государства». Так думал Чинков. Он стоял теперь уже вовсе отдельно. Они считают — конец Чинкову, а он даже еще и не начинал. «Пора, — сам себе сказал Чинков. — Пора. Настало время»:

Он повернулся и пошел прочь по длинному коридору центрального управления. Спinoй он чувствовал недоуменные взгляды. Даже чей-то сдержанный изумленный оклик. Но Чинков не повернулся. Папочка кокетливо взята за уголок, легкая походка. Грациозный бегемот в дорогом темном костюме.

...В тот же вечер, нарушив все мыслимые законы субординации «Северного строительства», Чинков самовольно покинул совещание и на первом подвернувшемся грузовом ЛИ-2 вылетел обратно в Поселок. ЛИ-2 шел пустым. Чинков в одиночестве сидел в темно-зеленых дюралевых недрах. Хлопала неприкрытая дверца хвостового отсека. Дверь в кабину пилотов также была открыта. Чинков видел затылки и спины пилотов, широкие от сидячей жизни. Северстроевские летчики знали, кого везут. Для них он был столп, знаменитость, для них он был в сонме богов и, значит, свой человек. Перехватывая металлические ребра фюзеляжа, Чинков прошел вперед, закрыл дверцу в кабину пилотов, аэродромным башмаком заклинил хвостовую дверь. Он сел на металлическую скамеечку и закрыл глаза. Куценко! Жизнь и здоровье промывальщика Куценко интересовали его сейчас больше, чем жизнь и здоровье министра или начальника «Северстроя», чем свои собственные. «Интуицией чаще всего обладают люди талантливые и малоразвитые». (Анри Пешар, французский психолог).

Моторы ЛИ-2 монотонно гудели «боум-боум-боум». Чинков сидел на металлическом кресле и, казалось, дремал. Глаза закрыты, лицо спокойное. На коленях — черная папка и благонаравно сложены руки с очень маленькими женственными кистями. Выдавало, что Чинков не спит, лишь некое движение пальцев, как будто перебиравших листы неизвестного дела.

Чинков и в самом деле мысленно просматривал, перебирал узкие листочки, исписанные собственным бисерным почерком, — содержимое папки. На каждом — мысль, довод, догадка или соображение. Привычка записывать возникла у Чинкова в первые дни первооткрывательской славы. И началось все со странного факта: когда россыпь, открытая им, была оконтурена и разведана, Чинкова поразило, что контур и положение россыпи полностью совпали с тем контуром, который был нарисован в его воображении два года назад. Он узнал на итоговой карте зеленый мерцающий пласт, приходивший к нему во сне или просто при закрытых глазах.

Разведка россыпи стоила многие сотни тысяч рублей. Россыпь же, открытая чинковским воображением, была, так сказать, бесплатной. Если не считать напряжения чинковского мозга.

Интуиция в те годы безусловно числилась среди идеалистических штучек. Но Чинкову было плевать на термины. Его интересовала интуиция как инженерный метод познания мира. Среди множества людей своей специальности Чинков молился только на одного — академика, с которым когда-то снялся на фотোগрафии. Академик обладал чрезвычайной интуицией. Он первым угадал золотой пояс Реки. Нынешние корифеи «Северного строительства» пришли следом за ним. Их фамилии спрягаются во всех геологических монографиях мира, у себя в государ-

стве они числятся под рубриками особо ценных людей. Честолюбивые молодые люди пришли в нужное время в нужное место. Но место и время им указал академик, умерший в сорок семь лет.

Чинков знал, что если в области «Северного строительства» есть шанс для него, Чинкова, то этот шанс — Территория. Полярное государство из гор и тундры. Одно крохотное управление, которое занимается оловом. Олово и золото несовместимы в одной геологической провинции — такова заповедь «Северстроя». Территория — страна олова, это знают все северстроевские вахтеры. Интуиция есть прямой метод познания, сочетающий знание исходного материала, длительное напряжение мозга и удачное сцепление мыслей. Это знает Чинков. Если ты нерешителен, слаб, ты — ничтожество в рядах «Северстроя». Если слаб, но удачлив, ты — все-таки личность. Если ты удачлив, способен на риск и упорен — ты личность со всех сторон. Он, Чинков, и есть такая многократная личность. Академик, открывший золотоносный пояс Реки, утверждал, что «истинного поисковика может дать лишь сочетание профессора и шамана».

2

Начальник Восточной поисковой партии Владимир Монголов в очень дурном настроении сидел над картой в камеральной палатке. Напрасно он вглядывался в карту, стараясь найти ошибку в размещении канав, шурфов, шлиховых проб. Все было сделано так, как положено быть. И все же порядок ускользал от Монголова. А он в свои пятьдесят три года привык к порядку, потому что жизнь его прошла под словами «приказ» и «необходимо». Он служил кадровым офицером, потому что его направили в армию, потом стал горняком, ибо так требовалось, стал оловянщиком, потому что стране позарез было необходимо олово, пошел на фронт, когда началась война, и оставил войну по приказу, ибо в олове война нуждалась больше, чем в командире батарее. Он был специалистом по поискам касситерита — главной оловянной руды. Здесь, в самом дальнем углу «Северного строительства», имелся касситерит, он создал Поселок, на олове специализировалось их управление. Монголов считал, что и его личная жизнь связана с оловом. Но в этот сезон, с самого начала его, Монголов чувствовал смутную, глухую тоску, как будто утром, идя на работу, встретил вдруг старого недруга, неприятного, точно озноб, человека. И этим напрочь испортил день.

Проект на поиски касситерита в долине реки Эльгай писал Монголов. Проект был логическим продолжением предыдущих сезонов. Но касситерита в долине реки Эльгай не оказалось. Вопреки всякой логике. Не было в кварцевых жилах, где били канавы, не имелось в шлиховых пробах по долине реки, не встречалось в шурфах. Вместо этого в шлихах лезло недоброй славы здешнее золото. Именно это больше всего и раздражало Монголова, потому что здесь уже начинался непорядок, хаос, предположения.

Странная и печальная история золота Территории тянулась очень давно. История поисков твердо установила — нет на Территории золота, есть гнусный мираж, профанация, обман и самообман. Мираж — когда крошечные золотые пылинки, видимые лишь под лупой или микроскопом, вылазят в каждом лотке, но нет весового золота, нет настоящих проб. Есть истории, слухи, легенды, сказки, главы в бойких книжонках, написанных дилетантами, статейки там разные про романтику поисков и загадки природы. А Катинский? Прекрасный оловянщик, давний друг Миша Катинский. Три года назад он руководил партией на соседней реч-

ке Канай. Задачей партии было установление границ оловоносной провинции. Катинский в трех шурфах обнаружил пробы с весовым золотом. Написал докладную с обоснованием разведки не на касситерит, а на золото. Где сейчас инженер и давний друг Миша Катинский? В Средней Азии! Сказал при отъезде, что подросли дети, требуется твердая рука отца.

Монголов в десятый раз провел по гладко выбритой щеке. Во всей партии брился только он, и только он считал необходимым ходить в стираном свитере, начищенных сапогах. Монголов взял тонко очиненный карандаш и чуть дрогнувшей рукой провел место очередной шурфовочной линии. Специфика геологии в том, что ты никогда не можешь назвать результат. Не исключено: он вылезет в последний день в последнем шурфе или последнем шлихе, промытом замотанным за сезон промывальщиком. Но нюхом старого поисковика Монголов чувствовал, что олова в этом году не будет. Неудачный, глупый и нехороший сезон. Наверное, пенсия подает сигнал, стучится в дверь дрожащей рукой. Да, пенсия, и все уже в прошлом. Но жизненная наука заключается в том, что никогда не надо сдаваться раньше конца. И никогда не надо спешить раньше начала. Зачем поспешил Миша, Михаил Аркадьевич Катинский? Может, ему тоже пенсия постучала? Или суетная жажда славы затмила ясность ума? Инженер должен исходить из реальности мира.

Монголов снял с гвоздика у двери офицерский плащ. Под плащом прятался короткий винчестер. Монголов надел плащ, перекинул ремень винчестера через плечо и машинально хлопнул по карману. В кармане звякнули патроны. Монголов собрал со стола карты, положил их во выюнный ящик, навесил замочек и ключ положил в карман. Символически, но так полагается. Он тщательно притворил фанерную дверь камеральной палатки. В низовьях горела тундра. От дыма воздух казался белесым.

Монголов пересек ручей, впадавший в реку у базы. О сапоги стукнулся, метнулся хариус, рябь пошла по воде. От устья ручья Монголов свернул в кустарник. Точеная, прямая его фигура плыла над кустарником, приклад винчестера торчал над узким аккуратным затылком. Монголов легко выбирал дорогу, и шаг его был легок, как у юноши на лесной тропинке.

Он вышел на высокую речную террасу. Впереди долина реки как бы кончалась, упираясь в тупоносый горный утюг. Там река Эльгай раздваивалась, делилась: Правый Эльгай и Левый Эльгай — две равнозначные речки. Донесся глухой хлопок взрыва — шурфовщики работали. Вскоре Монголов увидел, что они стоят у темного пятна грунта, на котором белел вороток, и смотрят куда-то за реку, в сопки. Потом уселись, все так же разглядывая дальние сопки. Над ними кружилось плотное — палкой бей — облако комаров.

Седой, крупноголовый, чуть сутулый мужик со страшным шрамом, идущим от угла рта к уху, вежливо встал навстречу начальству, улыбнулся изуродованной улыбкой независимо и доброжелательно. Монголов поздоровался с ним за руку. Он уважал Седого. Шурфовщик Гиголов, по кличке Менялка, длинноволосый развинченный парень, приподнял кепочку, не отрывая взгляда от далекой сопки:

— Здравсте, Владимир Михалыч, товарищ начальник,— и сообщил: — Там к нашей базе кто-то двое идут.

Монголов не придал его словам никакого значения.

— Где Малыш? — спросил он.

— Пробы моет. С утра таскал, теперь моет,— ответил Седой.

— Точно! Топают двое,— провозгласил Менялка.

По остроте зрения невозможно было с ним состязаться. Серые, веч-

но дурашливые глаза его обладали дальнзоркостью хорошего морского бинокля.

— Ид-дут к базе. А в рюкзаках у них спирт. Ха-ха! — Менялка теперь юродствовал. — Начальник, выдашь по кружечке? Выпью и спляшу индийский танец под названием «Ганга». Есть такая река на берегу теплого синего океана. Среде храмов, пагод и идолов.

Менялка встал в раскоряченную позу восточной танцовщицы, вскинул руки, одна ладонь сломлена вниз, вторая — вверх, как грязный бутон, и задергался развинченным телом. Развернутые носки драных сапог притопывают по осоке, на немытом лице покой и загадочное блаженство.

— Вырезок человечества, — кратко определил Седой.

Палило солнце. На желтой осоке, на сером грунте полярной земли валял дурака нечесаный человек в драной рубаше. Пахло сыростью, горьковатым запахом взрывчатки, дымом горящей тундры.

— Давай, Ганга, в шурф. Выкачивать будем. — Седой нацепил на крюк воротка бадью.

— В сырость и глубь земных недр! — Менялка поднял брезентовую куртку, шагнул к бадье, последний раз глянув на сопку. — Оба толстые, как больные. Прут нахально прямо на базу, — дополнил он. Голова Менялки, стоявшего в бадье, была уже на уровне среза шурфа. Он терпеливо и бесстрастно взирал на Монголова, как некий Христос, не возносящийся, а уходящий вглубь.

Монголов по следам рассыпанного при переноске грунта пошел к реке. Малыш в коротких и толстых резиновых сапогах стоял в воде и медленно качал лоток. Он не вздрогнул, не оглянулся на шум шагов. Даже сквозь верблюжий свитер было видно, как ходят по его спине мышцы. Вниз по течению от лотка уходила желтая муть.

— Как дела? — спросил Монголов. Малыш медленно разогнулся и повернулся к Монголову корпусом. Внешне промывальщик напоминал литую глыбу с мягкими кошачьими движениями. В Поселок он попал из цирка, где работал силовым акробатом.

Бережно слив из лотка последнюю воду, Малыш бесшумно и даже изящно вышел из воды, вытер об узкое бедро ладонь и так же бережно пожал руку Монголова. Именно ровная вежливость, а не умение разнимать драки двумя движениями пальцев, создала Малышу авторитет среди вольных людей, не боявшихся ни финки, ни лома, ни расправы многих с одним.

— Как? — повторил Монголов. Вместо ответа Малыш кивнул на влажные мешочки с уже отмытыми пробами и подал Монголову большую шлиховую лупу в медной оправе.

— Ты продолжай, — сказал Монголов, наклоняясь над первым мешочком. Но Малыш остался стоять на месте, лишь переступал с ноги на ногу. Монголов быстро просмотрел пробы. Мутные зернышки кварца, черная пыль магнетита, и кое-где чуть заметно отсверкивали блески золотых «знаков». «Что я психую, — желчно думал Монголов, — такие «знаки» под Подольском намыть можно. А вот намой ты под Подольском касситерит».

В то же время он не переставал думать о тех двоих на склоне сопки. «Оба толстые, как больные, прут нахально прямо на базу», — сказал Менялка. Рация у них с весны вышла из строя, ядерная война начнись — не узнают. Пастухи? Пастухи толстыми не бывают. Идут не таясь, идут со стороны, где работали канавщики, — значит не из «этих», не из случайных. Пожалуй, некому быть, кроме главного инженера Чинкова, который временно был и главным геологом. Кто-либо из начальства все равно должен посетить партию. Значит, идет Чинков и с ним сопровож-

дающий с автоматом для соблюдения техники безопасности. Главного инженера Монголов знал плохо.

— Все отмытые пробы доставь сегодня на базу,— сказал Монголов. — К двенадцати ноль-ноль.

— Приказ начальника закон для...— как-то неестественно улыбнулся Малыш.

— Кажется, главный инженер к нам идет.

— Порядок в танковых частях,— Малыш опять улыбнулся, на сей раз своей неизменной детской улыбкой.

Простая эта улыбка Малыша всегда выбивала Монголова из равновесия. За много лет он хорошо изучил экспедиционных рабочих. Он любил и уважал их, как, допустим, командир мог бы любить и уважать свой непутевый, но надежный в бою взвод. Кому как не Монголову, прожившему жесткую жизнь геолога и солдата, было знать, что за праведным ликом сплошь и рядом прячется квалифицированное дерьмо. За косяхой небритой личиной сидит бесстрашный умелец, за гордыней прячется самолюбие и желание быть в деле честнее и лучше других. И еще Монголов знал истину, без которой не может быть командира,— грань, где кончается попустительство и стоит слово «приказ». Знали эту грань и его работяги. Но Малыш не подходил под каноны.

— Пойду встречать, — Монголов поддернул ремень винчестера и еще раз посмотрел на сопку. Если Чинков идет с той стороны, значит он был на канавах, и обстановка ему известна. Идти на канавы незачем.

— Владимир Михайлович! — окликнул его Малыш.

— Слушаю.

— Все нормалеус. Пробы будут как штык,— вяло сказал Малыш. Монголов несколько мгновений молча смотрел на него.

...У него опять зануло в желудке, под солнечным сплетением. Два года назад врач неопределенно находил то ли язву, то ли преддверие язвы. Отпуск кончался, а законы «Северстроя» строги. Боль была тупой и тягучей. Монголов даже скривил лицо. Мысли прыгали: приход Чинкова, глупые знаки золота и отсутствие касситерита. Вспомнив окрик Малыша, Монголов даже остановился. Что именно его насторожило? Нет, ничего. Что-то с нервами не в порядке. Наверное, от жары. Монголов шел прямо, сжав губы, и даже несколько по-строєвому печатал шаг, так сильно хотела его душа четкости и порядка.

Когда он дошел до палаток, Чинков был уже там. Он монументально сидел на консервном ящике, и было похоже, что главный инженер управления всегда тут сидел и будет сидеть. Мешковатая брезентуха придавала Чинкову простецкий вид. Они поздоровались.

— Вы на канавы зашли?

— Да-да, — соболезнующе покивал головой Чинков. — Полностью пустые канавы, такая жалость. А что шлихи?

— Пока все пусто.

— В полном противоречии с проектом. А что все-таки они говорят?

— Слабые золотые знаки. И ничего больше.

— Знаки обязаны быть. Конечно же так,— пробормотал Чинков.

— Пойдемте посмотрим карты и пробы.

— Охотно! — Чинков встал, тонко и весело крикнул: — Алексеич!

— Тут! — с готовностью ответил голос из-за палатки. Только сейчас Монголов увидел второго. Точно в такой же брезентухе, как и Чинков, чуть поменьше в объеме, так же черноволос. Они походили друг на друга, как вынутые одна из другой матрешки.

— Знакомьтесь: Клим Алексеевич Куценко. Лучший промывальщик Реки. Представьте — откликнулся на приглашение, приехал.

— Чай и уху? — спросил Куценко. Монголов чуть не рассмеялся.

Голос у Куценко был точно чинковским, глухой и тонкий. Вся рота похожа на командира.

— И уху! — утвердил Чинков. — Ведите, Владимир Михайлович.

В камеральной палатке Чинков осторожно уместился на самодельном стуле и даже улыбнулся Монголову. Зыбкое благодушное поведение Чинкова насторожило Монголова. Уж очень все не вязалось с жесткой репутацией Будды. В палатке было сухо, жарко и темно. Солнце грело торцевую стенку, и мозаика комаров на потолке переползала лениво, менялась.

— Скажите, Владимир Михайлович, — тихо, даже как-то интимно, спросил Чинков. — Вы могли бы поверить в здешнее золото?

— В промышленное золото здесь я не верю.

— А почему?

— Считаю, что несерьезно. Пошлый ажнотаж.

— Золото всегда сопровождает пошлый ажнотаж, — наставительно произнес Чинков. — Вы, по-видимому, не любите золото, Владимир Михайлович?

— За что я должен его любить? Я не одалиска и неподпольный миллионер.

— Ну что вы! Вы, конечно, не одалиска.

«Что он ваньку валяет? Зачем?» — с внезапным раздражением подумал Монголов.

— Повсеместное распространение знаков и случайные пробы ничего не доказывают, — резко сказал он. — Хуже того, дают почву для спекуляций.

— Ныряет, выныривает и снова ныряет, — загадочно пробормотал Чинков. Монголов видел лишь его склоненную голову с могучим покатым и гладким лбом.

— О чем вы? — спросил Монголов. Чинков молчал. За палаткой послышалось ворчание Куценко, шаги.

— Пойдемте! — быстро сказал Чинков. Они вышли из палатки. Промывальщик Куценко крался по берегу с детским розовым сачком, каким ловят бабочек, вглядывался в воду. Чинков воззрился ему в спину, приглашающе помахал рукой. Из палатки рабочим вдруг вышел Менялка. Не известно было, как он ухитрился попасть в лагерь раньше Монголова и почему был одет лишь в нижнее белье китайского производства.

— Каменюку швырни, — шепотом, неизвестно к кому адресуясь,скомандовал Куценко.

Менялка с готовностью сорвался с места, поднял булыжник и замер.

— Пониже меня метров на десять бро-ось!

Менялка охнул, швырнул камень, взлетели желтые, просвеченные солнцем брызги. Куценко сделал неуловимое в быстроте и точности движение сачком, и в нем заплесал крупный хариус. Чинков залился тонким счастливым смехом:

— Не правда ли, цирк? Пятый год не могу привыкнуть.

— Гиголов, ты здесь зачем? — спросил Монголов, хотя отлично знал, зачем Менялка появился на базе.

— Живот болит.

— Возьми аптечку на складе.

— Пройдет. Все проходит, как сказал древний мудрец, — скромно ответил Менялка.

— Ты большие-то не швыряй, дурило. В океан рыбу прогонишь, — нетерпеливо обратился к нему Куценко.

Чинков подошел к рюкзаку и начал с легким посапыванием копать-

ся в нем. У Монголова вдруг закружилась голова, и он подумал, уверовал вдруг, что в главном инженере, пожалуй, сидит какая-то чертовщина, что он, Монголов, присутствует при непонятной игре. Он даже выпрямился и одернул складки несуществующей гимнастерки под несуществующим ремнем и мысленно произнес приказ: «Отставить, Монголов!». Все это случилось за ту минуту, пока главный извлекал из рюкзака завернутую в шапку бугылку коньяка «Армения». Он посмотрел ее на свет, оглянулся, и тотчас, точно привлеченный этим магнитным взглядом, из-за обрыва реки показался Куценко с хариусами, оттягивающими мокрую сеть сачка.

Следом, не сводя дружеского и обожающего взгляда со складок на затылке промывальщика, поспешал Менялка.

— Штаны не надо носить? — спросил насмешливо Будда.

— Счас, — Менялка с деланным смущением устремился к палатке. Вышел из палатки в штанах, но с кружкой. Чинков окончательно развесялился.

— Прошу простить, бутылка одна, — сказал он, наливая Менялке.

Менялка отошел к палатке-складу и тонко посвиристал. От берегового обрыва к нему тотчас запрыгал толстый желтый зверек.

— Иди, дуреха, иди, — бурчал Менялка. — Сыру дам. Хошь отечественного, хошь голландского, от империалистов.

— Евражка, — сказал Монголов. — Прошлый год они у меня журавля держали. Степу. Отравился чем-то и умер. Такое было горе, представить трудно. Не лезь, не мешай, начальник, нам Степу жалко, ты не знаешь, какой он был человек.

— Да, кадры... — согласился Чинков.

Они снова прошли в камеральную. В полумраке ее коньяк, налитый в кружки, казался густым, как олифа. Чинков со слоновьей грацией сидел на стуле. Вошел Куценко, принес две открытые банки шпротов, пачку галет в алюминиевой миске. «Уха будет через пятнадцать минут», — сказал он и вышел. Было нестерпимо тихо. Западная стенка палатки нежно окрасилась розовым. От этого было грустно. Боль в желудке не отпускала Монголова. Он знал, что от коньяка ему будет хуже — придется пить соду и, пожалуй, не спать ночь. Но в «Северстрое» от выпивки отказывались только под предлогом болезни. Монголов считал, что, если дела в партии идут неудачно, про болезнь говорить он не имеет права. «Не ко времени, ах, не ко времени», — думал Монголов.

— Не считаете ли вы нужным провести шурфовку сверху? Подсечь оба притока? — спросил Чинков.

«Вот оно что! Значит, все-таки просто идиотское золото, — подумал Монголов. — Вежливо. Но твердо. Твердо. Но вежливо. Пойду на обострение».

— Нет, — сказал он вслух. — Не считаю. У партии есть проект. Проект составлен на касситерит. Касситерит, как известно, легче золота. Если он есть в верховьях, он был бы и здесь. Линии вверх будут пустой тратой государственных денег.

Монголов ждал, что в соответствии с обычаями «Северстроя» следует: «А вы считайте, что это приказ». И он будет вынужден подчиниться. Но Чинков молчал. Он сидел все так же, наклонив голову, и вдруг мгновенно и остро, точно шелкнул фотоаппарат, глянул в глаза Монголову.

— Где ваши люди? — спросил Чинков.

— Съемщик должен сегодня вернуться. Шлиховая группа вышла в многодневный маршрут. Кстати, они пройдут район Катинского, если вас это интересует. Захватят мой район прошлого года. Я должен понять, где и, главное, почему выклинился касситерит. На западной гра-

нице планшета он есть. На самом планшете пока не обнаружено даже признаков. Восточнее — бассейн реки Ватап. О нем мы вообще ничего не знаем.

— Вы читали докладную Катинского?

— Конечно, читал. И дал дружеский совет выбросить.

— Почему?

— Ясно, как устав гарнизонной службы. Никто здешнего золота не видел в глаза. Если бы это был любой другой минерал, о нем бы просто забыли. Но золото обладает... свойством. Теряют голову даже опытные инженеры, как Михаил Аркадьевич Катинский. Мы с ним поссорились из-за докладной записки. Игра в честолюбие за счет государства. Здешние знаки можно намыть в Белоруссии, на Кавказе, даже в Подмосковье, — Монголов вдруг почувствовал себя усталым и старым из-за того, что вынужден был говорить очевидные вещи. — Я говорю очевидные вещи, — сказал он. — Ваш коньяк, моя база. Кто должен сказать первый тост?

— Вы переписываетесь с Катинским?

— Редко. Новогодние поздравления.

— Может быть, он вернется?

— Думаю, нет. Недавно он защитил диссертацию по полиметаллам. Твердое положение. Его сильно обидели в Городе. Он не вернется.

— Возвращаются неудачники, — рассмеялся Чинков. — Не так ли? Поэтому выпьем за тех, кому нет нужды возвращаться.

Они выпили.

— Просто должны быть причины для возвращения, — переждав коньячный ожог в желудке, сказал Монголов. — У Катинского нет причин.

— Я рад, что вы отправили шлиховую группу за пределы Эльгая. Рад, что несмотря ни на что они пройдут район Катинского.

— Я веду нормальные поиски касситерита.

— В этой связи не хотите ли вы шагнуть за реку Ватап? Для обследования гранитных массивов?

— Все дело в реке Ватап. Потребуется на неделю снять людей с шурфовки, чтобы организовать переправу. Между тем жара. Мерзлота вот-вот поплывет. Людей с шурфовки нельзя снимать. Боюсь, что без лодок переправа вообще невозможна.

— И все-таки... — Чинков снова налил коньяк в кружки. Дверь палатки открылась, вошел Куценко с кастрюлей ухи. Он поставил уху на стол, быстро принес миски, галеты и тут же вышел.

— В такой маршрут должна идти группа или очень опытный тундровик. Карта нагорья приблизительна. Шальное лето. Всего можно ждать. Паводки, ливни, снег. Со дня на день.

— А что ваш съемщик?

— Нормальный молодой специалист. Работает у меня второй год. Старателен. Он должен сегодня вернуться.

— Он, кажется, мастер спорта? — сонно спросил Чинков. Монголов понял, что Чинков изучил анкеты.

— Спорт есть спорт. Работа есть работа. Это разные вещи.

— Самолюбив?

— Как всякий молодой специалист. Пожалуй, чуть больше, — Монголов невесело усмехнулся. — Медведь тут на базу пришел. Он на него с ножиком бросился. Для проверки душевных сил.

— И что же?

— Медведь убежал. Оказался умнее.

Ночью Монголов не спал. Желудок не болел, было ровно и горячо, но смутное недовольство снова вернулось к нему. Беседа с Чинковым

оказалась странной, уклончивой и непонятной. Монголов не стыдилась прожитой жизни. Он не прятался за спины других на фронте. Выбрал профессию, тяжелее которой не так уж много профессий. Работал в местах, хуже которых разве что полярные острова. Он открыл две оловоносные россыпи и тем оправдал свою жизнь на земле. У него прошло немало неудачных, пустых сезонов, но чувства ошибки не было, так как новый сезон тянул за собой другой, как линии геологических границ тянулись за пределы планшета, отведенного на данное лето. Монголов, это Чинков угадал, всегда неприязненно думал о золоте. О золоте — минерале, самородном металле, приобретшем властную силу над миром. Люди, околдованные этой силой, перекапывают тысячи тонн земли. Создают города, поселки и прииски, чтобы добыть металл, который не служит в орудийных ствóлах или инструменте, подобно стали. Не идет на бронзу, на пайку, антикоррозийные покрытия, подшипники, сплавы, подобно олову. Слитки в подвалах банков. Коронки, часики, кольца, монеты, сережки, броши, кулоны, перстни, браслеты — украшательство, фанфаронство, наглый и жирный блеск. Желтое фанфаронство. Глупость людей, наваждение человечества.

Монголов услышал шаги. Кто-то вышел из камеральной палатки. Зашуршал спальный мешок, и по тяжелому дыханию Монголов понял, что это Чинков. Решил, видимо, спать на улице. Будда уже не ходит в поле.

Чинков, забравшись в кукуль, спальный мешок из оленьего меха, смотрел на светлое небо, прохладный шар солнца, уже готовившийся к подъему от темных валунов сопок. Комары поодиночке с коротким посадным писком атаковали лицо. Шумела река, и, как всегда по ночам, слышался стук перекачиваемых водой камней. Не хватало лишь шума тайги. Там, где Чинков ходил в прославившие его маршруты, всегда была лиственничная тайга. Что значит «опытный человек»? Когда-то он тоже был совершенно неопытным. Но он воспринимал жизнь как наступление, а не как оборону. Не верить всегда безопаснее. Логика бесильных. Сколько искалеченных лошадей осталось в тайге? Лошадям такая работа была не под силу. Но он нашел россыпь.

Чинков с трудом выбрался из тесного кукуля и раздул еще тлевший костер. Он не заметил выглянувшего из палатки Монголова. Под мешком у Чинкова лежал полушубок, он вытащил его и надел прямо на тело.

Монголов из палатки видел неподвижную фигуру у бледного света костра. Он знал, что Чинков не заметит его, и долго смотрел на освещенное восходом чугунное лицо главного инженера. Пожалуй, сейчас Монголов понял, за что Чинков получил прозвище «Будда». Но он не знал, что Будда в сей миг чувствует себя полным сил, честолюбия и веры в успех молодого человеком и что громоздкое, расплывшееся за последние годы тело не мешает ему, что он глубоко и ровно вдыхает дым костра, горький запах горящей на западе тундры, запах сырости и слегка плесени — сложный аромат Территории.

Пригревшись под полушубком, Чинков задремал. Он очнулся, когда ему послышались шаги, и в следующий миг он увидел у костра согнувшегося под рюкзаком парня. Парень, засунув большие пальцы рук под лямки рюкзака, стоял и в упор рассматривал Чинкова. У того мелькнула сонная еще мысль, видение, что это он сам и есть, что время вдруг вернулось, и у костра стоит вернувшийся из маршрута горный инженер Чинков. Видение исчезло. Перед костром стоял усталый парень с лицом, опухшим от комаров.

— Вы Баклаков?

— Да.

— Садитесь,— Чинков окончательно стряхнул сон. Теперь уже он в упор разглядывал Баклакова, скинувшего рюкзак. Лицо у Баклакова было некрасивое, нос уткой, лицо деревенского простяги-парня.

— Устали?

— Нормально,— с недоумением сказал Баклаков. Вопрос по экспедиционной этике был неприличным.

— Что-либо интересное?

— Нормально,— повторил Баклаков. Как всегда после комариного дня, его слегка лихорадило. Он хотел чая, хотел спать и сильно робел. За весну он успел наслышаться всяких историй о новом главном инженере.

— Что бы вы думали об одиночном маршруте дней на пятнадцать—двадцать?

— Можно сделать,— сказал Баклаков и снова не удержался. — Нормально.

— Нормально его выполнить невозможно. Маршрут по гранитным массивам, с большим количеством образцов для анализа. К реке Ватап, через нее и далее в Кетунгское нагорье. Пятьсот-шестьсот километров. Ориентировочно.

— Сделаю,— сказал Баклаков.

— Вы действительно уверены в себе?

— Уверен в себе. Нормально.

— Как вы думаете переправляться через Ватап?

— Не знаю. Надо посмотреть на реку, потом принимать решение.

— Кстати, что значит в переводе «Ватап»?

— Серая вода,— сказал Баклаков.

— Мне сказали, что у вас нет дисциплины. Медведи, какие-то глупые ножики.

— От скуки,— Баклаков покраснел.— Я готовился к съемке. Поиски и работа в одной долине не для меня.

— Да-да,— покивал головой Чинков.— Горные хребты открывать интереснее. Судя по всему, этот дальний маршрут—то, что вам надо. Не так ли?

— Если прикажут.

— Идите спать. Мы с товарищем Монголовым примем решение.

— Слушаюсь,— сказал Баклаков. За два северстроевских года он привык, что с начальством не спорят, не разговаривают, а отвечают на вопросы.

Баклаков отнес рюкзак в палатку, бросил на улице спальный мешок и, не раздеваясь, лег на него, закутав голову бязевым полотнищем палатки. В глазах поплыла серая вода, катилось течение, и он заснул.

Проснулся он от того, что кто-то тянул его за сапог. Баклаков выпутал голову из палатки и увидел сидящего на корточках Куценко.

— Илья Николаевич требует,— шепотом сказал он.

Из палатки вышел Монголов.

— Владимир Михайлович! — окликнул его Чинков. По-видимому, он так и не ложился спать.

Монголов, снимавший свитер перед тем, как идти к реке умываться, повернулся.

— Я согласен с вашим решением отправить Баклакова в многодневную рекогносцировку,— громко и весело сказал Чинков.

Монголов ничего не ответил. Взял полотенце, зубную щетку, пошел к реке. Так же молча прошел обратно, мокрые волосы приглажены, вид свежий и аккуратный. Чинков, в овчинном своем полушубке, сидел у костра, как татарский хан. Рядом переминался Баклаков. То ли еще не проснулся, то ли не знал, что сказать.

— Сергей! Принеси карту Дамера. Вьючный ящик, четвертая папка,— приказал Монголов. Баклаков ушел.— Я не понимаю, зачем этот цирк? — сухо спросил Монголов.

— Боялся, что вы будете возражать. Решил поставить вас перед фактом. Не будете же вы ронять авторитет руководства перед юным специалистом.— Чинков весело улыбался. Белые зубы, глаза — щелочки. Татарин!

— Вы могли просто приказать.

— Тогда бы я взял на себя ответственность. А мне сейчас не нужны ЧП. Управлению не нужны ЧП, связанные с моей фамилией.

— Бойтесь?

— Бог с вами, Владимир Михайлович. Оглянитесь. Вокруг вас «Северстрой». А я Чинков. Таких, как я, здесь не судят.

— Зачем вам этот маршрут?

Чинков вовсе прикрыл глаза и с легким посапыванием стал шарить в карманах брюк. Вытащил легкий пакетик. На желтой бумаге-крафт тускло светился золотой песок. Чинков пошевелил его пальцем.

— Смотрите, какая неравномерность,— ласково сказал он.— От мелких и средних зерен до пылевидного.

— Откуда?

— Намыли в верховьях вашей реки. У Куценко, знаете, редкий нюх. Редчайший. Обе пробы взял на сланцевой щетке.

— Он не взял на тех щетках касситерит?

— К сожалению. Я просматривал все шлихи до доводки. Такое ощущение, что в ваших шурфах должно быть весовое золото, Владимир Михайлович. На речке Канай его обнаружил в двух пробах Катинский. В верховьях — я.

— У меня хорошие промывальщики. Но проверять—ваше право.

— Зачем? — удивился Чинков.— Если я проверяю, то лишь себя.

— У меня хорошие промывальщики,— повторил Монголов и пошел в палатку.

Когда Баклаков вернулся с картой, у костра снова татарским ханом сидел лишь один Чинков. Баклаков оглянулся, разыскивая Монголова.

— Почему, Баклаков, вы не спросите меня, зачем я вас посылаю в Кетунг? — не поднимая глаз, спросил Чинков.

— В «Северстрое» спрашивать начальство не принято,— тихо сказал Баклаков.

— А вы плюньте на «принято» и «не принято». Меня интересует, существуют ли массивы, нарисованные на карте, которую вы держите? Что они собой представляют? Образцы! Предварительное описание. Может быть, в них есть рудные жилы.

— Понятно,— сказал Баклаков.

— Это не все. В нашей власти направить сюда тысячи рабочих, колесные тракторы. Государство направит сюда караваны судов, флотилии самолетов. Поняли?

— Так точно.

— Вы прапорщик, что ли?

— Нет.

— Тогда почему это «так точно»?

— Не знаю. Вырвалось.

— Дайте карту. Я намечу маршрут, потом все обсудим.

3

Шлиховая группа, о которой сообщил Чинкову Монголов, шла в это время по горным ручьям. В узких долинах зеленела осока, тонко пищали кулики.

Их было двое: прораб-промывальщик Салахов, когда-то работавший в партии Катинского, и остроносый, застенчивый работяга, получивший кличку Бог Огня за умение разжигать костер. Через каждые три километра они брали пробу: с косы, с отмели, с борта долины. Пробы брал Салахов. Бог Огня, как только приходили на место, в мгновение ока находил карандашные прутки топлива, ложился на гальку, и тотчас из живота у него начинал валить дым, он откатывался в сторону, и у костерка уже стояли две консервные банки. Бог Огня заваривал чифир, мелкими частыми глотками выпивал свою кружку и шел мыть шлих. Когда он доводил шлих перед тем как слить его в мешочек, — улыбался острой счастливой улыбкой, хотя трудно себе представить счастливым человека с распухшими от ледяной воды кистями, согбенной над лотком спиной и гарантированным на остаток дней ревматизмом. Потом сидел у костра, уставившись на покрытые пеплом угли. Черт знает, что творилось под облезлой шапкой из заячьего меха.

Они шли дальше, день за днем приближаясь к речке Канай, где когда-то Катинский обнаружил три пробы с весовым золотом. Ночевали они в одноместной палатке, тесно прижавшись друг к другу. Бог Огня спал бесшумно и крепко. Лишь иногда во сне шевелил руками, точно качал лоток или ладошкой прикрывал слабый огонь воображаемой спички. К Салахову же ночью почти всегда приходили разные тундровые мемуары. Если приходили совершённые в жизни ошибки, он перелезал через Бога Огня к выходу. Разжигал костер из заготовленных на утро веточек и долго сидел — в светлой тьме, окутавшей Территорию. Среди тишины, нарушаемой лишь стуком перекачиваемых ручьем голышей, Салахов думал о жизни.

Жизнь Салахова, по кличке Сашка Цыган, делилась на три этапа. В первом этапе была школа, армия, служба в десантных войсках. После армии он вернулся домой и женился. Устроился шофером на консервный завод. Валентина, его жена, была красивой, горячей в постели и жадной. Она хотела, чтобы все в доме вызывало зависть соседей, и еще, чтобы имелся недостаток тайный, неизвестный соседям. Из-за этого сержант-десантник Салахов связался с «левым» товаром, вывозимым с завода. Получил восемь лет...

Два последних года он ходил рабочим в полевые геологические партии. Там он приобрел специальность промывальщика и после освобождения устроился в геологическое управление.

Классные шоферы в Поселке зарабатывали дурные деньги, но Салахов считал, что баранка не приносит ему счастья. Так начался третий этап его жизни. Зимой он жил в общежитии, которое в Поселке именовалось — «барак-на-косе». Там зимовали все неженатые итээр управления, все инженеры, техники и прорабы. Салахов странным образом почувствовал себя легко и свободно среди веселых ребят. Никто и словом не помнил ему прошлую жизнь. Для всех он был ровней. Лишь самого себя не простил Салахов. Он продал честь сержанта десантных войск. Попал под власть горячего бабьего тела и — продал. Салахов быстро понял, что для парней, населявших семидесятикоечный барак с сугробами по углам, главным в жизни были не деньги, не жизненные удобства, даже не самолюбие. Они весело и твердо подчинялись неписаному своду законов. Твоя ценность по тем законам определялась, во-первых, умением жить в коллективе, шутить и сносить бесцеремонные шутки. Еще главнее было твое умение работать, твоя ежечасная готовность к работе. И еще главнее была твоя преданность вере в то, что это и есть единственно правильная жизнь на земле. Салахов истово принял неписанный кодекс. Ошибиться второй раз он не мог. Жизнь — как затяжной парашютный прыжок. В затяжном парашютном прыжке двух ошибок под-

ряд не бывает. Если ж случилось, то ты уже мертвый. Ты еще жив, еще работает дрожащее от ужаса сердце, но ты уже мертвый.

...Чем ближе они подходили к старой базе Катинского на речке Канай, тем меньше Салахов спал. Он работал у Катинского два сезона; именно Катинский сделал его промывальщиком. И сейчас Салахов думал о том, не сдешевил ли он дважды? Если так, то он уже мертвый, нет исправления, и за любым углом ждет судьба. Катинский ничего об этом не знал. Если бы он был здесь, Салахову было бы легче.

Когда они пришли на старую базу, Салахов долго ходил, пинал поржавевшие консервные банки и невесело улыбался воспоминаниям. Чтобы не думать о Катинском, он старался думать о своей Валентине. Она давно уже вышла замуж, все прошлое было нечастаящим, но Салахов травил рану, вызывал злобу и ненависть. Сволочи, куркули проклятые, ничего в жизни не знают, кроме ковров, телевизоров, сберкнижки. Ничего, кроме кофточек в чемоданах, знать не хотят. На дефиците мозги свихнули.

На базе Катинского, на всей этой речке, Салахов мыл шлихи сам. Но напрасно он вглядывался в серый остаток на дне лотка. На месте, где когда-то Катинский намыл весовые пробы, не было даже знаков. Салахов отбрасывал лоток и с непонятной яростью устремлялся копать новую пробу.

4

Крупный горный заяц ошалело выскочил из-за камня, метнулся вверх и замер на фоне бледного неба. Заяц казался почти голубым. Было видно, как ветер шевелит шерсть на спине и как вздрагивают заячьи уши. Сергей Баклаков тихо, беззлобно выругался: «Ах, клизма без механизма!». Сейчас, на вторые сутки, он жалел, что вместо винтовки взял пистолет, оружие идиотов, но и тот с ремнем, кобурой и пачкой коротких патронов валялся на дне рюкзака. Баклаков нагнулся и прямо от земли швырчком закрутил в зайца камень. Тот сделал некое гимнастическое движение ушами и сгинул, растаял в вечернем воздухе.

Баклаков вышел на перевал. Впереди массив круто обрывался, внизу лежала желтая тундра с бликами озер. Совсем далеко на горизонте тянулась черная полоса, прорезанная кое-где водными отсверками. Это и была легендарная река Ватап на подступах к дикому нагорью Кетунг.

Баклаков рассчитал, что на маршрут ему потребуется пятнадцать дней. Десять на переходы — по сорок пять километров в день, остальное — запас. Он захватил с собой минимум продовольствия: чай, сахар, вермишель, галеты, сливочное масло. Маршрутную палатку — крохотную, из бязи сшитую норку. Бинобль, фотоаппарат, нож, горный компас — все!

Монголов приказал взять с собой спальный мешок, пистолет, три банки сгущенки в качестве НЗ. Баклаков сказал «слушаюсь», пистолет взял, спальный мешок засунул под койку, чтобы он не лез на глаза Монголову. Сгущенку он терпеть не мог, поэтому выкинул и ее. Быстрота и натиск — вот ключ к решению маршрута. С грузом скорости не достигнешь. Впрочем, викинги отправлялись в набеги при полном грузе, с оружием, в тяжелых морских сапогах. Черт с ними, с викингами. Их дело наскочить, грабануть и удрать. Его дело — выполнить задание Чинкова.

Баклаков выбрал затишок между камнями, скинул рюкзак и быстро разжег на камушке таблетки сухого спирта. Вместо котелка он носил банку из-под консервированных персиков. Лужа воды была рядом. Пока чай закипал, Баклаков вынул из сумки маршрутную карту. Карта была старой, но честной. Что не знали северстроевские топографы — то

не наносили, в чем сомневались — наносили пунктиром. Баклаков снова посмотрел на дальний отблеск реки Ватап. Она манила его.

Облака разорвались. Тундра засияла желтым. Как в мультфильме, выступила синяя гряда Кетунгского нагорья. Над дальним синим туманом отрешенно и чисто сверкал ледовый конус горы, на которой никто не бывал. «Ах, боже мой, боже мой!» — от избытка счастья вздохнул Баклаков.

Он сидел, привалившись спиной к камню, — кудлатая голова, насаженная на длиннорукое, длинноногое тело, грубо сделанное лицо выходца из вятских лесов и точная, экономная поза, которая вырабатывается от жизни среди травы и камней.

День еще был в полном разгаре, солнце светило, но уже вечерело. Баклаков чувствовал это по особой тишине вокруг, по неуловимой смене освещения. Вода в банке пошла пузырями. Баклаков всыпал в нее пригоршню чая, вода забурлила, вздулась, и в воздухе поплыл горький аромат пригоревших чайнок. Из внутреннего кармана он вытащил мешочек с махоркой и обгорелую, с обломанным краем трубочку. Сергей Баклаков закурил, окутался сладковатым махорочным дымом. Вокруг него уже созданся тот особый уют, который везде сопровождает бродячего человека. Он покуривал, точно бездельный бог, вытянув ноги в драных брезентовых штанах, расстегнув телогрейку. Заросшее библийским волосом лицо Баклакова было умиротворенным и безмятежным. Сердце ровно отстукивало свои пятьдесят ударов в минуту, кровь, не отравленная еще никотином, алкоголем и болезнями, так же ровно и мощно бежала по жилам. Прекрасна страна из желтой тундры, темных гор и блеклого неба! Прекрасно одиночество рекогносцировщика среди неизученных гор и долин! Прекрасно, что ты никогда не умрешь!

В том, что он совершенно и абсолютно бессмертен, Баклаков ни на минуту не сомневался. Кроме того, он знал, что за спиной его всегда стоит старичок-лесовик, болотный бог, который ворожит ему в нужный момент. Сейчас Баклаков был доволен и весел, потому что находился один на один с собой и, значит, являлся именно тем, что он есть.

Восемнадцатилетним недотепой, карикатурным Ломоносовым в пиджаке х/б и жутких ботинках, он попал из глухого лесного развезда прямо в Московский геологоразведочный. Потомственная хитрость вятских плотников помогла ему выбрать линию поведения. Про золотую медаль Баклаков не упоминал, первый же смеялся над своими ботинками, первый садился чистить картошку в общаге и не лез вперед на собраниях. Простяга парень, козел отпущения для курса — это он, Баклаков. «Почему в геологоразведочный? А разве с моей рожей в МАИ примут? Зачем в лыжную секцию записался? Да мы привыкли на лыжах бегать. Ноги тоскуют». Где-то к третьему курсу все убедились в невероятной везучести Баклакова. Получает повышенную стипендию? Профессуре нравятся деревенские и основательные. По старинке думают, что геолог — это помесь вьючного животного с человеком. Выполнил норму мастера по лыжным гонкам? Ребята сказали, что он один угадал мазь на первенстве Москвы, когда никто ее не мог угадать. Блаженным везет. Мало кто задумался к шестому курсу, что недотепа Сергей Баклаков взял от института много больше любого из них. Курс наук назубок, диплом с отличием, железное здоровье, отточенное шестью годами лыжных гонок, и распределение в никому неведомый «Северстрой», где белые пятна на карте и неограниченные возможности для карьеры, работы и прочего. Спыхватились, но поздно. И уж никто не догадался, что Баклаков пришел в институт с яростным честолюбием, верой: вятская фамилия «Баклаков» еще ляжет на карте Союза. Так шептал забытый и смор-

щенный бог из болот. Задание Чинкова и есть начало настоящей работы. Первое — скромно, без шума, доказать, что ты можешь.

Баклаков быстро собрал рюкзак. Что-то изменилось вокруг. Слева, над верховьями реки Ватап, повисла огромная, совершенно черная туча. Стало чересчур тихо. Гул комаров изменился. Тональность появилась другая. А если дожди? Река вздуется. Баклаков спрятал бинокль обратно в рюкзак. Он хотел пройти по массиву, поискать сверху сухое русло. Тундру положено пересекать по сухому руслу. Но нетерпение, какое-то подзуживание уже толкало Баклакова вперед. Надо скорее дойти до реки. Хуже нет, как гадать, что предстоит. Действовать, а не размышлять — вот лозунг мужчины.

Баклаков взвалил рюкзак и пошел вниз прямо по склону. Черт с ним, с сухим руслом. Проломится через кочки. Быстрота и натиск. Натиск и быстрота!

Небо окончательно очистилось, а день уже совсем уходил. С дурным криком вырвался из-под ног куропад, суматошно полетел над склоном, роняя перо. Незаметно подкрадывалась усталость, Баклаков шел сегодня часов с шести. Но до настоящей усталости еще было далеко, и уже внизу, врезавшись в кочки, Баклаков запел дурным голосом: «О-о, если б навеки так бы-ыло». Он прыгал по кочкам и все пел, чтобы завестись. «О-о, хы-х, хых, если-и б, хы-х, на-а-а-веки, хы-х...».

К ночи, окончательно умотавшись, он отошел от массива километров на семь. Вершина массива грозно горела красным, как предостережение судьбы. Но ему было наплевать на символы и красоты природы. Он долго ходил по ложбине и, как монетки, подбирал сухие прутики, веточки полярной березки. Затем распаковал рюкзак и достал палатку. Один конец он натягивал на молоток, для второго носил обломок бамбуковой удочки. «Клизма без механизма», — умиротворенно сказал Баклаков, закончив работу. Наскоро выпив чай, он притушил костерок, приподнял стенку палатки, засунул туда рюкзак, телогрейку, сапоги и влез сам, опустив за собой стенку. Сидеть в палатке было нельзя, и Баклаков лежа снял сапоги, надел сухие шерстяные носки, колени обмотал портянками, телогрейку застегнул на себе, оставив рукава свободными. В палатке было светло, и закатное солнце освещало все внутри угрюмым красным светом. Комары безучастно сидели на потолке палатки. Снаружи что-то происходило, и Баклаков не мог понять, что. Было тревожно. В отдалении сипло тявкнул песец. С шумом пролетела какая-то птица. Баклаков высунул из-под телогрейки руку и, криво усмехнувшись, растегнул кобуру пистолета. «Спи, — сказал он себе. — Действовать, а не размышлять, такова истина. Чем больше думаешь, тем страшнее».

Баклаков вдруг понял, что его поразило, когда он спустился вниз. Не было запаха дыма. Долина Ватапа не горела, потому что в ней не было людей.

Прошел порыв ветра, бязь на потолке захлопала, вспыхнули-погасли в глазах искорки. Он уже смотрел сон, как идет в маршрут в какой-то южной стране. Идет в плавках, и в руках авоська с образцами. Он шел по берегу очень широкой черной реки и искал переправу. Он твердо знал, что отныне жизнь его делится на две половины: та, что до переправы, и та, что будет после. Вроде как школьная река Рубикон у школьного Цезаря. «Какого же черта, — сказал Баклаков, — река не черная, а серая. Это другая река».

Он проснулся и никак не мог сообразить, сколько времени. Перед глазами было серо. Потом он увидел, что полотнище палатки провисло почти до лица, и понял, что он проснулся от холода. Еще не веря, Баклаков высунул голову и увидел, что тундра вокруг неряшливо засыпана

тонким синеватым снегом. Сбылось предсказание! С ощущением беды Баклаков быстро оделся и выполз из палатки.

Он долго бегал, чтобы согреться. Согревшись, он наскоро свернул лагерь и пошел вперед, сунув компас в карман телогрейки. Курс примерно сто двадцать градусов. С неба сыпался мелкий снег, все вокруг было белым. Баклаков шел медленно, проваливаясь между кочками, наступал на их травяные головы. Чем дальше, тем хуже становился кочкарник.

Когда он вышел к реке, снег перестал, и над Кетунгским нагорьем прорезалась холодная зеленая полоска. Река Ватап шумела глухо и грозно, но Баклаков не видел ее. Перед ним стояла стена мокрого кустарника с зябко повисшими листьями. Снега навалило сантиметров на десять.

Баклаков прошел вдоль кустарника вниз по реке. Вышел на небольшую тундровую прогалину. Прямо от нее начинался длинный косой пережат. Кое-где на пережатке торчали черные блестящие камни. Вода казалась черной. Чуть ниже берег переходил в торфяной обрыв. Обрыв был подмыт, и в его темную пасть вода устремлялась с сытым утробным бульканьем. Баклаков пытался разглядеть противоположный конец пережатка. Но он пропадал в серой мгле над серой водой. Наверное, тут и находилось основное русло. Перейти эту протоку, а остальное уже легче. Плавать Баклаков почти не умел. Он скрыл это от Монголова и Чинкова.

— Ну и вот, а ты боялся! — громко сказал Баклаков, чтобы подбодрить себя. Но почему-то голос прозвучал глухо, и настороженная река не приняла его.

— А вот я сейчас! — упрямо выкрикнул Баклаков. На сей раз голос его совсем жалко прозвучал в безучастном шуме воды. Баклаков быстро стал раздеваться. Надо действовать, а не размышлять. Штаны и сапоги он сунул под клапан рюкзака, коробку спичек положил под вязаную лыжную шапочку, дневник плотно замотал в тряпки, так он не отсыреет, если даже попадет в воду. Телогрейку снимать он не стал.

Вода охватила щиколотки, точно шнуровка горнолыжных ботинок. Галька на дне была очень скользкой, но скоро Баклаков перестал ее ощущать. Ноги онемели от холода, и он шел как на протезах, деревянными ступнями нащупывал камни и выбоины. Вода поднялась до колен, потом до бедер. «Сшибет», — отрешенно подумал Баклаков. Зеленая полоска над Кетунгским нагорьем расширилась, и сверху, как назидательный перст, простирался одинокий солнечный луч. Наклонясь против течения, Баклаков брел и брел через этот нескончаемый пережат, колени и ноги уже не ломило, просто они казались обмотанными липкой знобящей ватой. Когда вода опустилась к коленям, он побежал, высоко скидывая ноги, как бородатый безумный шут. Он выбежал на узкую полоску песка за пережатом и без остановки вломился в кустарник. Весь облепленный узкими ивовыми листьями, он выбежал на небольшую, с пятнами снега, поляну. На полянке сидел заяц и смотрел на него. «Привет, братишка», — на бегу сказал Баклаков. Заяц даже в сторону не отскочил, только сделал следом несколько прыжков, любопытствующий непуганый житель реки Ватап. Баклаков проломился через кустарник и остановился, ошеломленный. Могучий речной поток в всплесках водоворотов катился перед ним. Вода мчалась и в то же время казалась неподвижной, застывшей в какой-то давно минувший момент. На миг Баклаков почувствовал себя потерянным. Среди сотен безлюдных километров. Тундровых холмов. Речных островов. Темных сопков. Под низким небом! Один!

Кособоцаясь от того, что камни резали босые ноги, он прошелся по

отмели, развернулся и побежал обратно. На берегу он оделся и сел на рюкзак у мокрых холодных кустов. Потом машинально поставил палатку.

Ночью пошел сильный снег. Он падал крупными влажными хлопьями, и потолок палатки провисал все больше и больше. Земля была мокрая, и Баклакова сильно знобило. Если бы он взял спальный мешок, он мог бы залезть в него и спать несколько суток, не расходуя продуктов. Если бы он взял винтовку, можно было сидеть у костра и жарить оленину или тех же зайцев.

Полотнище палатки оседало все ниже и ниже, и вдруг его осенило: мокрая бязь не будет пропускать воздух.

Баклаков скатал палатку. Вытащил из рюкзака шнур и плотно завязал его. Не раздеваясь, перешел перекат. Сапоги стали очень тяжелыми. У следующей протоки он тщательно вымочил палатку в воде. Пока он ее мочил, руки заоченели. Баклаков взметнул палатку, как сеть-закидушку, и быстро собрал в горсть дно. Получился огромный белый пузырь. Он вошел в воду и положил щеку на влажную бязь. Одной рукой он держал дно палатки, собранное в горсть, другой — греб. Он слышал, как шипят выходящие сквозь ткань пузырьки воздуха, как слабеет под щекой воздушная подушка, слышал холод, сжимавший грудь. Берег исчез. Бесшумные водовороты скручивались вокруг него. Страха не было.

Пузырь палатки все слабел и слабел. Баклаков перехватил левой рукой повыше и стал быстрее грести. Но палатка как-то сразу вздохнула, и голова ушла в воду. Баклаков схватил палатку зубами и начал грести обеими руками. Но белесая как привидение ткань метнулась к животу, спутала руки. Он разжал зубы, и тут же его потянуло вниз — палаточные растяжки захлестнуло за сапоги. Течение несло его вниз, бесшумно и очень быстро, как во сне. Баклаков нырнул, чтобы распутать ноги. Шапочку смыло. Пеньковая веревка мертво держала ноги. И в это время рядом с ним возник сморщенный бог-старичок. «Нож,— сказал он ему.— Успокойся, у тебя нож». Баклаков снова нырнул и просунул лезвие меж спутанных ног. Сразу стало легче. «Скинь рюкзак,— сказал ему старичок.— Не бойся». Палатка колыхалась рядом. Баклаков погреб по-собачьи. В левой руке был мертво зажат нож. Он сунул нож в ножны. «Не спеши,— прошептал старичок.— Держись рядом с палаткой. Все равно прибьет к берегу». В телогрейке еще держался воздух, и плыть было легко. Впереди на воде мелькнуло что-то темное. «Куст застрял, отмель»,— сообразил Баклаков. Он поймал метавшуюся рядом палаточную растяжку, просунул ее сквозь лямку рюкзака, опустился, оттолкнулся от дна и скакнул вперед, снова опустился и снова оттолкнулся вперед...

По отмели он прошел вверх, буксируя по воде рюкзак и палатку. Телогрейка и одежда казались невероятно тяжелыми. Он вышел на остров, впереди была другая протока, но мордовский бог был рядом, и Баклаков без колебания вошел в воду. Теперь вода показалась ему теплой.

...Снег шел все гуще, и Баклаков боялся потерять направление. Он вытащил из кармана компас, но внутри него была вода, и стрелка прилипла к стеклу. Буксируя палатку, один за другим он пересекал и пересекал мелкие острова и протоки. Казалось, им нет числа.

Но коренной берег он угадал сразу. «Вот так-то, товарищ Чинков! Клизма без механизма!» — сказал Баклаков. Снег шел. Баклаков выжал телогрейку. Отжал портянки. Судя по весу, вода в рюкзак почти не попала. Сейчас его лучше не трогать. Пленка в футлярах, фотоаппарат и дневник замотаны. У него оставалась коробка спичек, залитая парафином. НЗ в нагрудном кармане. Ее тоже трогать нельзя. Пятьдесят спи-

чек — пятьдесят костров в сухую погоду. Есть нож, есть вата в телогрейке, а кремни найдутся. Продукты, кроме сахара, высохнут.

Баклаков надел сапоги, телогрейку и побежал. Берег тянулся ровный, засыпанный снегом, вода рядом с ним была темной, как глубокий колодец. Он бежал очень долго, пока не наткнулся на другую черную воду среди белого берега. Это был приток Ватапа, и по нему надо бежать вверх, в Кетунгское нагорье. «Вот так-то, товарищ Чинков», — на бегу повторил Баклаков. Он знал, что ему надо бежать, пока не кончится снег. Если он выбьется из сил, надо идти и идти. Снег кончится, он найдет топливо для костра, и снова жизнь будет прекрасна и удивительна. Временами снег прекращался. В один из таких моментов Баклаков остановился, чтобы перевести дух. Ему показалось, что вдалеке, за Ватапом, мелькнул и исчез отблеск костра. «Ерунда, — сказал Баклаков. — Нет никого и не может быть. Я тут один. Ни черта не боюсь».

Он шел всю ночь, как зверь, угадывая дорогу. Где-то в рассветный час река совсем сузилась, вода исчезла, и Сергей Баклаков, проваливаясь, скользя и падая, полз по развалам заснеженных каменных глыб: вперед и вверх, вперед и вверх. Один раз он услышал в метели стук копыт и тяжелое дыхание убегающего, видимо больного, оленя. Потом в животе родился горячий ком, поднялся в грудь, в голову и все заслонил. Несколько раз Баклаков ударялся коленом об острые углы каменных глыб, но боли не чувствовал. Когда жаркий ком ушел, Сергей увидел, что снег перестал, над горами, на горизонте, — полоска синего неба, и он идет по склону сопки, по бараньей тропе, идет по темным, сильно метаморфизированным сланцам. «Все, Серега, — сказал он самому себе. — Пришли». Гранитный массив, первый из трех намеченных, был рядом. Баклаков чувствовал это. Он вошел в зону контакта. «Дошел-таки, клизма без механизма», — прошептал Баклаков. Но радости не было. Хотелось лежать. В узкой закрытой долинке Баклаков кое-как натянул палатку. С юга, с сопки нагорья, неотвратно и беззвучно ползла новая черная туча. «Немного полежу и буду работать, — твердил он. — Немного полежу и пойду дальше. Хочу полежать». Баклаков, не раздеваясь, лег на мокрый бязевый пол палатки, сунул ладони между коленями, положил голову на мокрый рюкзак. Голова оперлась об острый угол пистолета, лежавшего сверху. Он передвинул голову и провалился куда-то. Очнувшись в очередной раз, он услышал шуршание снега о палатку. Потолок палатки провис, и когда Сергей коснулся его щекой, щеку как будто полоснуло раскаленным железом.

Баклаков заставил себя высунуть голову из палатки. Камни вокруг были покрыты пеленой мертвого синего снега. Напротив палатки опять сидел заяц и с интересом смотрел на него. Воистину зайцы преследовали его. А может, это уже бред?

— Сиди! — громко сказал Баклаков и пополз за пистолетом. Рюкзак не развязывался. Он перерезал шнуровку, вынул пистолет и передернул затвор, загоняя патрон. Заяц все так же сидел на месте. Сергей поднял пистолет обеими руками и долго водил его. Ствол прыгал от зайца на метр в ту и другую сторону. Заяц сидел неподвижно, и косые ведамыны глаза его жутковато поблескивали. Баклаков закусил губу, остановил ствол и нажал спуск. Оглушительно грохнуло, и дымящаяся гильза упала рядом с ним. Заяц бился на снегу, сучил длинными ногами. «Врешь, товарищ Чинков. Нам еще придется иметь дело», — пробормотал Баклаков, взяв зайца за мягкие теплые уши и отнес в палатку. Выковырнул из-под снега плоский камень и тоже отнес в палатку, чтобы зажечь на нем спирт. Но спирта не оказалось. В кармане телогрейки Баклаков нашел пустую разлохмаченную пачку. Растаял в воде. Тогда он кое-как

ободрал зайца длинным ножом и стал есть теплые кусочки мяса, стараясь тщательно прожевывать их.

Так он съел всю заднюю часть зайца. Затем Баклаков выкинул из палатки оставшиеся окровавленные, облепленные волосом куски мяса и снова лег, прижал подбородок к коленям. Ему не было холодно, только он все время поднимался наверх, по крутому и рыхлому песчаному склону, песок осыпался, и он оказывался внизу и снова полз. Песок был серый, свинцового цвета. «Мое время впереди, товарищ Чинков», — шептал Баклаков, поднимаясь по серому склону.

5

Старый человек по имени Къе сидел на заснеженном тундровом пригорке в странной позе — плотно сомкнутые ноги были вытянуты перпендикулярно туловищу. Европейец не высидел бы подобным образом и пяти минут. Но Къе поза не доставляла затруднения — привык с детства. Считалось, что так лучше всего отдыхают ноги и позвоночник. Снег, падавший на плечи и непокрытую голову, не мешал ему. Более того, снег напоминал, что скоро придет зима — лучшее время для пастуха. Подумав о зиме, Къе шевельнул плечами, руки выскользнули из широких рукавов вовнутрь меховой рубашки. Тепло. Уютно. Он втянул ноздрями холодный и влажный воздух. Запах дыма исчез — снег потушил пожар.

Стадо лежало спокойно. В первый день снегопада, избавившись от комаров и жары, олени паслись почти круглосуточно. Он специально заранее пригнал их сюда на невыбитое, но маленькое пастбище. Пастбища хватит на неделю — как раз до новых комаров. Подумав об этом, Къе удовлетворенно хмыкнул. На старости лет он угадывал предстоящую погоду почти безошибочно. И потому почти инстинктивно выбирал точное место для стада. Поэтому сейчас стадо спокойно лежит, набирает вес. А он спокойно, не тратя сил, сидит на пригорке. Он снова обманул старость.

Къе думал о Времени. Когда он думал о веренице прожитых лет, о том времени, когда не было еще самого Къе, но уже был отец, о еще более раннем, когда не было и отца, но был народ Къе, он всегда представлял себе вереницу холмов в тундре. Холмы в аналогии Къе были событиями, которые, в сущности, составляют Время. Без событий нет Времени — это Къе знал твердо. Если даже представить нечто отдаленное, как шепот умершего, то и тогда были события, а значит, было и Время. Холмы составляют тундру. Тундру можно сравнить с жизнью, с безбрежным ее пространством.

Такова была схема жизни, пространства и времени, выработанная пастухом Къе, и она вполне устраивала его. Одни холмы затевают другие, из-за ближних не видно дальних холмов, точно так же обстоит дело с событиями. И между холмами существуют закрытые отовсюду низины, как бывают времена без событий, а вовсе дальние холмы исчезают в воздухе, как теряется, слабеет и тонет дальняя память.

Предки Къе здесь жили тысячелетия. Существует версия о том, что где-то на рубеже каменного и бронзового веков волны миграции зашвырнули сюда группу бродячих охотников и откатились обратно, оставив их на берегу покрытого льдом океана, среди снежных холмов. Они называли себя — «люди», или, точнее, «настоящие люди», «подлинные люди». Их жизнестойкость выражалась в освежающем душу юморе и беспечности. Без юмора, наверное, предки Къе быстро превратились бы в психопатов. Народ психопатов не может существовать, так что беспечность их являлась рациональной.

...В стаде что-то тревожно взорвалось, заволновались спины оленей, вырвался в сторону старый рогач и побежал. Туловище его плавно и размеренно колыхалось, и лишь тяжкая корона рогов плыла величественно, царственно. Столь же неожиданно бык остановился и пошел к стаду.

Къе запустил руку за вырез кухлянки и достал массивную старую трубку. Конструкция трубки была рациональна: под табаком помещались тальниковые тонкие стружечки. Если кончится табак, можно курить эти пропитанные никотином стружки, предварительно положив под них другие, а потом...

Къе наблюдал приближение старости не в зеркале, а по чувству усталости, которое все чаще приходило к нему. Его жизнь требовала непрерывных физических усилий: бега, ходьбы, метания аркана, погони за оленями, иногда стрельбы. Уже много лет он с легкой усмешкой смотрел на мир и обманывал старость тем, что экономил движения. Он знал, куда побегут олени, угадывал маршрут подбиравшихся к стаду волков, выбирал точную позицию, чтобы метнуть аркан. Он угадывал погоду, чтобы, даже уходя от пурги, экономить силы. Къе числил себя в прошлом гораздо больше, чем в будущем. Говорят, что после смерти человек попадает в другую тундру, но он не очень-то в это верил, хотя и не возражал бы пожить еще раз. Къе с детства усвоил, что лишенная движения мудрость бесполезна для ближних, а значит служит обузой народу. Это была очень старая истина. Жизнь ослабевшего старика подобна сну без сновидений, когда неизвестно, живет человек или нет. Отличие заключалось в том, что спящий просыпается, старик же становился все более слабым. Подумав о смерти, Къе глубоко затянулся табачным дымом—все-таки курить сладостно. Он закашлялся, и тут ему почудился выстрел. Он не мог точно сказать, был выстрел или нет, но смутная тревога подняла его. Быстро перебирая ногами в мягких пастушьих олочах, Къе взбежал на откос. От яранги шел дым—значит внучка там, никуда не ушла. Все-таки он подпернул ремень длинного винчестера на плечо и пошел к яранге, машинально стараясь не наступать на свой утренний след на снегу. Он и сам не знал, чего именно опасается.

Внучку звали Тамара. В этом году она шла в десятый класс и, может быть, последнее лето проводила в тундре. Редко кто из молодых возвращается после школы в тундру.

— Э-эй! — окликнул тихонько старик, подойдя к яранге. Ему никто не ответил. Над костром из веток полярной березки висел старый медный котел — предмет обывательской гордости старика Къе. Котлу было столько же лет, сколько ему. Он заглянул в полог. Тамара зашивала его старые любимые брюки из камуса. Зимой будет некому их зашить. Она сидела обнаженной по старому обычаю женщин их племени, только вместо пыжиковой шкурки на ней были спортивные трусики. Старик с удовольствием смотрел на крепкое тело внучки, на уже по-женски широкие бедра, на заносчиво торчащую грудь будущей матери. Может быть, он доживет еще до ее сына. Къе нравилось, что внучка соблюдает древний обычай и дает дышать телу. Во всяком случае, когда в яранге нет молодых пастухов. Тамара выскользнула из полога, сняла с треножки котел и повесила чайник. Она двигалась бесшумно и быстро, как горностай. И вся фигура ее была гладкой и обтекаемой, точно у горностая.

Сидя на корточках у стенки яранги, старик не отрывал глаз от внучки. Тело Тамары было смуглым, спортивные трусики белыми, на смуглых ногах — красные спортивные тапочки, и волосы черные и блестящие, как утренняя вода в торфяных озерах. Красиво. На миг что-то мелькнуло в памяти, давнее и тревожное, и Къе спросил:

— Ты слышала выстрел?

— Никакого выстрела не было. Я бы услышала.

— Наверное, так,— согласился Кые.

Он выпил кружку кирпичного чая и заторопился обратно к стаду. Выстрела не было. Тамара — настоящая девушка из племени настоящих людей. Она слышит шорох мыши под снегом.

У Кые была пастушья походка — он переваливался из стороны в сторону, точно хромал сразу на обе ноги. Такая походка вырабатывается от бега по кочкам. Этот выстрел, наверное, пришел из-за дальних холмов Времени. Может быть, он прозвучал пять или десять лет назад, а теперь вернулся. Наверное, так. Или пришел из будущего. Кые верил, что ничего в горах и тундре не бывает зря, и в памяти его осталась зацепка — выстрел, который почудился.

Олени все еще лежали. Скоро они начнут разбредаться в поисках ягеля. Он снова достал трубку, набил ее крупно нарезанным табаком, который в магазине продавался на вес, как сахар или макароны. Кые закрыл глаза. Он вспомнил быстрые скользящие движения внучки и прямым, без переходов, выводом решил, что видеть такое и есть счастье.

Подумав о счастье, Кые снова вернулся к размышлениям о Времени. Все-таки в сравнении событий с холмами не все было гладко. На один и тот же холм можно зайти многократно, и каждый год его кочевой маршрут проходит мимо одних и тех же холмов. События же не повторяются. Таким образом, жизнь — это длинный маршрут, каждый раз в новую местность. Перекочевка эта начинается в неизвестности и кончается в неизвестности же. За пределы нельзя заглянуть. Тогда почему к нему очень часто приходит ощущение, что все это с ним однажды уже было? Может быть, он по старости лет заблудился и повторяет местность? Но где тогда люди, которые проходили по ней вместе с ним? И вдруг, по неизвестному сцеплению мыслей, Кые понял, что выстрел ему не почудился. Он был.

...Сергей Баклаков все выбирался из песчаной ямы, проваливался и выбирался. Он все так же лежал, засунув ладони между коленями. Временами он чувствовал, что тело его распухает, вытягивается и становится таким огромным, что было непонятно, как оно умещается все в той же тесной палатке. Затем он опять терял сознание и полз по склону. Бред и явь мешались, и теперь наяву он лежал на дне ямы и рассматривал серый песок, рассматривал краем глаза. «Это у меня бред,— думал он, — такого песку в жизни не может быть. Я очень болен. Надо встать и идти. Надо действовать, а не думать».

...Он очнулся в этот раз от шороха чьих-то шагов. Они врезались в монотонный шум дождя. Палатка содрогнулась, и на щеку его упали холодные капли. «Пистолет,— подумал Баклаков,— куда я его бросил?» Но ему было лень вставать, и он снова закрыл глаза. Опять захрустели шаги. Видно, этот «кто-то» искал вход.

«Пусть поищет»,— думал Баклаков и даже улыбался.

— Е-э-сть кито живьёй? — раздался голос.

Баклаков хотел ответить, но только просипел и искренне этому удивился.

— Э-ей! — мягко повторил голос.

Сергей Баклаков встал на четвереньки и сразу почувствовал затылком влажную холодную бязь. «Задел потолок, теперь протекать будет», — вяло подумал он и попытался загнуть край палатки, выползти из нее. Но ткань прилипла к палке. Тогда он с усилием поднялся и встал вместе с облепившей его палаткой. И тут же у ног заметил свой пистолет, тот был сильно покрыт ржавчиной. Наконец Баклаков стянул с себя мокрую, липкую и холодную ткань, и по глазам ударил свет. Он увидел темнолицего, одетого в мех старого человека. По сравнению с собствен-

ным раздувшимся непослушным тяжелым телом старик показался Баклакову крохотным и невесомым. Дунь — улетит.

— Здравствуй,— хрипло сказал Баклаков.

— Здравствуй,— откликнулся старик.

— Заболел, кажется, я,— прохрипел Сергей.— Я геолог.

— Геолог — хорошо, — радостно сказал старик и, как показалось, облегченно вздохнул.— Я пастух. Знаем, что ты заболел.

— Откуда?

— Выстрел слышал... Смотрим — палатка. Спрятались, наблюдаем. Утром человек не выходит, вечером не выходит. Ясно, что заболел.

— Стадо далеко?

— Во-он,— старик кивнул в пелену, за черные блестящие камни.— Дойдешь?

Голова у Баклакова кружилась. Он сел на палатку, скривил рот.

— Пожалуй, один будешь — померешь. Пожалуй, точно померешь,— сказал пастух.— Пойдем к яранге. Меня Кые зовут. Бригадир Кые.

Баклаков, не вставая, застегнул влажную телогрейку, надел пояс, сунул в кобуру пистолет, смотал палатку и сунул ее под клапан рюкзака, который так и не развязывал на этой стоянке. Кые нагнулся, чтобы взять рюкзак, но Сергей уцепился за лямки.

— Мне с грузом легче,— прохрипел он.

Он встал, но его повело куда-то вбок, и он уцепился за скользкий рукав мокрой кухлянки, в груди возникла тяжкая ломящая боль, потом ушла в спину. Но все-таки он почувствовал твердую тяжесть груза на спине, и это придало силы.

— Вперед и прямо,— шутливо просипел он и пошел в туманную мглу дождика, куда указал ему Кые.

Как показалось Баклакову, шли они очень недолго, хотя на самом деле шли они почти полтора часа. Наконец они пересекли маленький, очень прозрачный ручей — вода приятно охладила горящие ноги. Баклаков увидел на взгорке темный конус яранги и дым. Затем он вспомнил себя в меховом низком пологе. Кые совал ему коробку с лекарствами и что-то говорил про фельдшера, Баклаков понял, что лекарств очень много, но Кые не знал, какие ему надо, какие нет.

— А мне-то откуда знать? — удивился Сергей. Он стал пространно объяснять, что ничем никогда не болел и болеть вообще не может, произошла случайность.

Он все рассказывал, но в полог влезла Тамара, стащила с него сапоги, мокрые кирзовые сапоги, рубашку и, раздев Баклакова догола, с трудом натянула на него легкие брюки и рубашку из пыжика. Потом сунула ему в рот две таблетки: норсульфазола и аспирина. Сергей Баклаков затих.

Бред его изменился. Баклаков поверил, что к нему в палатку пришел с детства знакомый болотный бог. У бога были глаза выцветшие, голубоватые, как у вятских старушек. Они все понимали. Иногда отсвечивали болотным зеленоватым свегом, и тогда Баклакову становилось страшно, как в детстве. Но это был его бог, насквозь знакомый старик, и Баклаков никуда не пытался бежать.

6

Когда пошел снег, Салахов и Бог Огня все еще находились на старой базе Катинского. От снега база с ее грудами ржавых консервных банок, выброшенных кирзовых сапог, опорками валенок, темными бочками из-под солярки и керосина выглядела неприятно, как запустелый, разоренный, загаженный дом. Хотелось быстрее уйти от этого неуютя

дальше. В палатке по ночам стало холодно. Салахов мотался по окрестностям, набирал пробы в рюкзак. Бог Огня, закутавшись в плащ, сидел у воды и хлюпал носом. Когда Салахов приносил пробу, он лишь моргал слезящимися от простуды глазами, сбрасывал плащ и шел в воду. Салахов очень его жалел, но сейчас он уже не мог сам мыть пробы и сам их отбирать.

— Ничего,— сказал он.— Потерпи.

— А я чего? Я ничего! — быстро ответил Бог Огня.

Они ушли с базы Катинского, так и не найдя ничего, кроме ничтожных знаков. Отсыревшая палатка и спальные мешки отяжелели и не влезали в рюкзаки. Когда собрали лагерь, Салахов взял рюкзак Бога Огня, положил его сверху на свой. Бог Огня смотрел на Салахова из-под капюшона и молчал. Лицо у него было серым, и зубы постукивали в ознобе. Так как Салахов тоже молчал, то Бог Огня пробормотал, оправдываясь:

— Простудился я маленько. Только пустому мне срамотно идти.

— Придем на Ватап, там кусты, — сказал Салахов. — Устрою тебе парнью, и будешь здоровый.

— Костер запалим?

— На всю тундру и дальше.

— Тут полубочка валяется. Надо взять, ежели баня. Я понесу. Она легонькая, — засуетился Бог Огня.

Так они и пошли: сухонький Бог Огня с разрубленной пополам железной бочкой на плечах, Салахов с двумя рюкзаками. След Салахова был ровный, синий, в каждом — маленькая лужа воды. К середине дня через низкий перевал они вышли к реке Ватап чуть выше того места, где переправлялся Сергей Баклаков.

Салахов выбрал косу с ровной галькой, расчистил от снега, велел таскать на нее сухие ветки. Снег перестал, но облака так и висели: выстрели дробью — прольются осадки. Геологи быстро наносили кучу сушняка величиной с большую копну. Бог Огня запалил ее, и скоро на гальке полыхал огромный и жаркий костер. Когда костер прогорел, в центр его поставили наполненную водой полубочку и, приплясывая от жары, натянули мокрую палатку прямо над раскаленными камнями. Салахов притащил охапку зеленых веток, бросил ее в палатку, велел раздеваться и залез следом сам. Банка воды, опрокинутая на гальку, взорвалась паром. Бог Огня блаженно взвыл, и так полчаса из палатки доносились взрывы пара, хлестание веток и стон. Салахов нагишом выскочил из парилки, разостлал на сухой гальке кукуль и велел выбегать. Бог Огня нырнул в мех. Салахов разжег рядом костер и поставил банки для чая. Морщины на лице Бога Огня разгладились, носик блестел. Бог Огня держал обеими руками кружку, прихлебывая чай, и расцветал на глазах от салаховской заботы.

— Сейчас бы кружку спирта. Полную. И кусок оленины, — добродушно сказал Салахов.

Бог Огня вдруг улыбнулся острой и ясной улыбкой.

— Я из-за этого спирту себя погубил, — весело сказал он. — Теперь живу на зарoke. Третий год уж пошел.

— Лечился?

— Сам. Как баба умерла, так и закончил. Не выдержала она.

— А не запьешь? — дружески осведомился Салахов.

— Нет, — все так же звонко сказал Бог Огня. — Надо детей выводить. Двое их у меня. Мишка и Тоська. Из детдома я их уже вывел. Живут у сестры, все деньги ей отправляю, чтоб у них все было, чего раньше из-за моей срамотищи не было.

— Правильно! — одобрил Салахов.

— Теперь надо на дом накопить и жить всем вместе. Пишут: «Пачка, приезжай».

— А ты их сюда вези. Другие живут, почему и твоим не жить? — сказал Салахов.

— Я бы не против. Место тут для детишек неподходящее, — вздохнул Бог Огня. Он огляделся как бы для утверждения этой мысли. Черные влажные кусты, синий снег клочьями вокруг них и белесая мгла в той стороне, где полагалось быть сопкам. В тучах прорезались багровые полосы заката. Шумела вода.

— Тут место для мужиков. Для сильного организма.

От сохранивших тепло камней палатка просохла, и они провели ночь в сухом и нежарком тепле. Утром Салахов проснулся в палатке один. Тепло все еще держалось, и Салахов полегал в дремоте. Выйдя из палатки, он увидел ясное небо и Бога Огня у воды. Он неторопливо мыл пробу, взятую прямо у берега.

— Проснулся я прямо здоровый, — сказал Бог Огня и радостно передернул в подтверждение плечами. — Решил посмотреть наудачу в лоток.

Над верховьями реки висело солнце, небо было безоблачным, а тундра, и пожелтевший кустарник сверкали радостным желтым цветом, снег исчез.

— Все как на празднике, — перехватив салаховский взгляд, сказал Бог Огня. — Прямо краски не пожалели. Может, правда детишков сюда привезти?

Было в радостной суетливости Бога Огня нечто такое, что заставило Салахова грубо сказать:

— Ты их заделал, ты и решаешь.

7

Ощущение пустоты, ошибки и странной чертовщины не рассосалось у Монгорова и после ухода Чинкова. Они направились в верховья Эльгая за день до снегопада. Незадолго до этого легкомысленным пионером убежал в Кетунгское нагорье Баклаков. Монгорова обнаружил после его ухода и спальный мешок под койкой, и банки сгущенки. Нарушение прямого приказа опечалило и испугало Монгорова. Но посылать кого-либо следом было бессмысленно. В долине Ватапа или Кетунгского нагорья отыскать человека сможет разве что дивизия. Оставалось надеяться на звезду Баклакова. «Или поумнеет, или не вернется. Исправить ничего невозможно», — заключил Монгорова и запретил себе думать о Баклакове.

Он брился теперь тщательнее обычного и все одергивал и одергивал складки несуществующей гимнастерки под несуществующим армейским ремнем. Батарея его была по ложной цели, и чувство это не проходило. Весь снегопад он просидел в камеральной палатке, свел воедино все маршруты, все пробы. Касситерита нет и не будет, это математически ясно. Точно так же, как раньше прогноз касситерита был точен, как точны таблицы артиллерийских стрельб.

Когда вернулась группа Салахова, Монгорова пришел к ним в палатку.

— Что нового? — спросил Монгорова.

— Ничего, товарищ начальник, — сказал Салахов и кивнул на рюкзак, где хранились мешочки с пробами.

— В восемнадцать ноль-ноль прошу в камеральную с картой и пробами. Пусть кто-либо сходит к шурфовщикам и приведет Малыша, — приказал Монгорова.

В шесть вечера Малыш и Салахов пришли в камеральную. Под

глазом у Малыша был синяк, и Монголов сразу почувствовал в желудке сосущую пустоту. Что-то творится в партии.

Салахов сел на корточки у дверного проема, Малыш на стуле в отдалении от Салахова. Монголов отметил, что оба они старались держаться отдельно, подальше от него и друг от друга. Малыш сидел на стуле как обтекаемая глыба, а распухшие кисти промывальщика лежали на коленях, как красные обрубки. Почему-то вид этих рук успокоил Монголова.

— Главный инженер продемонстрировал мне золото, намытое в верховьях нашей реки. Я также видел два года назад весовое золото, намытое на соседней речке Канай. Главный инженер справедливо высказал мнение, что весовое золото должно быть и у нас. Я лично в это не верю. Возможно, случайные карманы, не имеющие никакого значения. Но я обязан допустить и обратное. Что скажете?

Малыш сделал глотательное движение и сгорбился. Салахов мрачно смотрел в пол, и под цыганскими скулами его катались желваки.

— Приказываю говорить прямо,— сказал Монголов.— Ты первый. — Он кивнул Малышу.

— Сейчас,— сказал тот. — Сейчас.

И все пытался проглотить что-то.

Исповедь Малыша

«Сорок да сорок — рубль сорок, Владимир Михайлович. Это значит, что все одно к одному. Если в номере пошла неполадка, то обязательно заест занавес. Так дядя Арнольд говорил. Клоун. У меня девушка одна была. В школе вместе учились. Я к ней... относился. И сейчас отношусь. А она — нет. Но ведь бывает же так, что с самого детства. Я сразу понял, что ей что-то необычное надо. Меня дядя Арнольд воспитал. В пятом классе я на турнике стойку делал. Из всех школ на меня приходили смотреть. Но она... Ей Сережка стихи писал и об Арктике рассказывал.

Школа кончилась, Сережка в авиационное техническое поступил, а меня дядя Арнольд отвез в цирковое. Так бы не взяли, но... дядя Арнольд. Он как живой музей был. Таланта у меня не нашли, но парень я развитой был и стал силовым акробатом. За три года номер подготовили. Я в группе. Когда нам номер уже самостоятельно дали, я Соню нашел, предложил замуж. «Ты бы еще в официанты пошел. Тоже красиво», — она говорит. И вижу уже в глазах у ней не Сережка, не я, вообще никого. Но все равно необычное надо. Она никуда не поступила. В пункте проката работала. Велосипеды там, палатки туристам выдавала. Туристы ей палатки сдают, от самих дымом пахнет. Ее тянет куда-то. Это я потом уже понял. Во Владивостоке на гастрольях верхний из нашего номера палец сломал. Номер сняли. Шляюсь по Владивостоку. Зашел в кафе. Там какие-то морячки на локтях борьбу устроили. У меня от безделья мышцы горят: положил всех морячков. В шутку. Подходит один малый: «Ты,— говорит,— здесь незаслуженно пропадаешь. Рванем в «Северстрой». Единственная планета, где может жить и зарабатывать порядочный кореш». Пошли в ресторан «Золотой рог», к вечеру уговорил. Я про Соню и про Сережку, который полярником собирался быть, вспомнил. Прилетели в Город, он денег мне дал и устроил на курсы промывальщиков. Сам на трассе живет. Остальное вы знаете.

Но я Соне сразу из Города написал. Не думал, что ответит. А она ответила, и хорошо так. Про какие-то пурги, про канаты, по которым в пургу ходят, за них держатся. Чепуха в общем. Наверное, Сережкину трепотню вспомнила. Но откуда ей правду знать? Я сразу письмо ей о

золоте, о том, что работаю с лотком, и все такое прочее. И тут она мне стала сразу писать, и длинно. Я, конечно, про золото врал, но о Поселке писал правду. О ребятах, про полярную ночь. А она все про дурацкое золото. Зачем оно ей далось?

Но я все-таки горжусь. Сережка всю жизнь мне мешал, все врал. Но вот он сейчас самолетам смазочное масло меняет, механик, прикован к земле, а я работаю, как Джек Лондон. Мою пробы далеко за Полярным кругом. Я начал про занавес, который заело, то есть все одно к одному. Почты, сами понимаете, нет, я думаю о Соне, и вдруг в восьмом шурфе в одной пробе три пластинки золота. Примерно по половине грамма каждая. Честно, я сам не знаю, как их в карман сунул. Мысль: положу в письмо и pošлю Соне, чтобы она окончательно поняла ничтожность Сережки. Через час испугался. Это же главное преступление промывальщика — разделять пробы и класть что-то в карман. На курсах каждый день повторяли. Как назло вы пришли, извините, Владимир Михайлович. Пробы вы просмотрели, и, значит, сунуть обратно уже нельзя. Потом главный инженер появился. Я, как вы приказали, пробы принес. Вы с товарищем Чинковым в палатке были. А этот, который с ним, быстро так пробы у меня взял, все просмотрел, глазами туда-сюда, движения резкие, как у кота. И говорит мне, точно иллюзионистом работает: «Лоток крашенный зря используешь. Он пробу держит хуже. Когда доводишь, углом не надо сливать, по плоскости и кружить». А я, точно, углом сливаю, так мне нравится. И лоток у меня крашенный. Потом этот иллюзионист сквозь меня посмотрел и говорит: «Золётинок-то нет, а чудится мне, должны быть золётинки в этих грунтах». Золётинки! Если бы вы один были...

Я обратно. Ребята спят, я Седого за ногу вытащил. Так и так, что делать? Разозлился он страшно. Сволочью меня назвал. Из-за вас. Назвал тварью последней за то, что я не знаю, кого можно обманывать, а кого нельзя. Отнял эти три пластинки и швырнул в кусты. Только шумнуло. «Я, — говорит, — ничего не слышал, ты все забыл. И чтобы последний раз». Ударил даже. В назидание, говорит, о лагере, где тебя каждый будет лупить. Я готов понести наказание. Пластинки я искал, но не нашел. Седой их сильно закинул. Маленькие такие, обточенные. Края раковистые....».

Вторая ошибка Салахова

«Сила есть, ума не надо». Правильно говорят. Ты Седому пятки целовать должен. И молчи обо всем, или ребята в бараке тебя убьют. Презрением уничтожат. Ладно! Такое дело, Владимир Михайлович, расскажу про свою ошибку. Я в лагере шоферил. Имел выезд за зону. На четвертый год это было. Амнистия мне твердо маячила. Перед самой амнистией был ночной шмон. Нашли под полом три гуса — бутылки с золотым песком. Вынужден рассказать: песок этот с установок, которые касситерит моют, собирали. В зауголках, куда никто никогда и не заглядывает. Мелкая золотая пыль. Годами копили. Начальство решило, что это золото с реки. Переправлено с преступными целями. Всех, кто выезд на зону имел, — под дополнительное следствие. В том числе и меня. Амнистия мимо прошла. Я это золото возненавидел на всю жизнь. Из-за него сидел три лишних года. В партии Катинского я промывальщиком был. Вы это знаете. Идиотское счастье: на третий день работы у меня в лотке два самородка вылезли. Я на них смотрю, как на Гитлера. И мерещится мне одно: новое дополнительное следствие. Золото же! Оглянулся — и, как камушки, оба в реку, где поглубже. Со дна проб никто не берет. После этого не попадалось. А второй промывальщик, который

шурфы обслуживал, намыл новые пробы. Это я уже потом узнал. И что пробы эти Катинского погубили. Я в этот маршрут на нашей старой базе неделю торчал. Хотел намыть снова и Катинскому Михаилу Аркадьевичу написать. Ни черта не нашли, даже знаков. Под суд не пойду. От всего отрекусь. Но дайте, если можно, адрес Михаила Аркадьича. Не могу спать спокойно. Он ко мне сразу как к человеку отнесся. И пред ребятами в бараке стыдно. Невезуха есть невезуха. Но я ее поборю. Сломаю как ветку, куда она денется».

Монголов долго сидел у стола. Снаружи невнятно бормотал что-то Бог Огня. Трещал костер.

— Купчишки, — устало сказал Монголов. — Они самородки швыряли. Сукины дети! Это ваше ли золото? Это золото государства, преступники...

— Готов понести наказание, — сказал Малыш.

— Под суд тебя отдать? Жизнь поломать по глупости? — Монголов вяло махнул рукой. — У тебя, Салахов, дело прошлое. Адрес Катинского дам. Поступай, как прикажет совесть. Про Малыша мы знаем двое и Седой.

— Седой — могила, — сказал Салахов.

— Не надо соучастия, Владимир Михайлович, — сказал Малыш. — Это ведь получается соучастие в преступлении.

— Вон! — приказал Монголов. — Искупишь работой. И ты, Салахов, искупишь.

— Искуплю, — истово сказал Малыш.

Салахов промолчал.

8

Из командировки в партию Монгорова Чинков вернулся как бы углубленным в некие процессы внутри себя. На столе его ожидали две радиogramмы. Семен Копков, легендарный рекогносцировщик, сообщал из глубин Кетунга, что наткнулся на месторождение киновари.

С реки Лосиной молодой начальник партии Жора Апрятин радировал, что на склоне хребта Пырканай, в распадке, — координаты такие-то и такие-то, — им обнаружен скелет человека. Судя по вещам, геолога. Требовал указаний.

Быстро просмотрев радиogramмы, Чинков тут же направился через весь этаж к начальнику управления Фурдецкому.

— Вы забыли радиogramмы, — сказала вслед Лидия Макаровна.

Но Чинков, обернувшись, несколько даже игриво качнул головой: мол, радиogramмы мне ни к чему.

Секретарша Фурдецкого Люда, за броскую красоту прозванная Людой Голливуд, читала роман.

— Не примет ли меня Генрих Иванович? — осведомился Чинков.

Люда Голливуд распахнула и без того расширенные краской глаза и тут же мелькнула в кабинет начальника. Неслыханное дело: Чинков просит приема у Фурдецкого. Через секунду она распахнула дверь и встала у косяка, пропуская Чинкова, — секретарша с картинки. Чинков прошел и сам закрыл за собой дверь. В кабинете Чинков опустился на стул и какое-то время в упор смотрел на Фурдецкого, пока тот не смешался. Генрих Фурдецкий, по прозвищу Фурдодуй, золотозубый человек с лицом и голсом праздничного оратора, был назначен сюда за год до Чинкова. Всему «Северстрою», в том числе и Фурдецкому, было известно, что сейчас он не более как «человек при Будде». В управление он перешел из небольшой спецэкспедиции. Экспедиция подчинялась Москве,

потому что искала чрезвычайно важный оборонный металл. Год тому назад ее прикрыли, но Фурдецкий, перешедший в руководство из техники, по обычаю «Северстроя», уже не мог вернуться обратно в техники. Видимо, в верхах «Северстроя» считали, что если Фурдецкий ничтожество, то при Чинкове управление Поселка все же не захиреет. Если он личность, то полезно его иметь в качестве противовеса Чинкову. Все это Фурдецкий знал и потому чуть дрогнувшим голосом нарушил молчание:

— Слушаю вас, Илья Николаевич.

— Я остаюсь, — просто и весело сообщил Чинков.

— Не понимаю...

— Остаюсь в управлении, и, значит, нам вместе работать.

— Я всегда рад... — начал было Фурдецкий и даже улыбнулся множественством золотых зубов.

— Если вы будете мне мешать, — так же просто и весело перебил Чинков, — я вас уничтожу. В «Северстрое» вам не найдется даже места коллектора. В ваших интересах перейти в мою команду.

— Что вы хотите? — теперь Фурдецкий не улыбался.

— Очень немного. Не играть за моей спиной. Все сообщения в Город — только по взаимной договоренности. Прямое выполнение ваших обязанностей: жилье, снаряжение, вся хозяйственная часть. Обещаю в ваши распоряжения не вмешиваться. Мне — выполнение производственных задач управления, вам — их обеспечение. Все в точности по уставу. Советую не думать, а согласиться, — Чинков встал и неожиданно быстро вышел из кабинета.

Фурдецкий помедлил лишь мгновение, выгреб из стола папку скоросшивателей и пошел к Чинкову.

— Не помешаю ли я Илье Николаевичу? — громко спросил он Лидию Макаровну.

— Ну что вы! По-моему, он вас ждет. — Лидия Макаровна посмотрела Фурдецкому прямо в глаза и вдруг чуть заметно дружески подмигнула.

Фурдецкий вошел и, не садясь, сказал:

— Первый раунд в мою пользу, Илья Николаевич. Вот документы. Все склады спецэкспедиции с новым снаряжением мною списаны на семьдесят процентов, а остальное переведено на баланс управления. Палатки, лодки, спальные мешки — все высшего качества по спецразрядке. Вот накладные на два сборных дома. Заказал еще прошлой зимой. На выгрузке три новеньких вездехода. Украл у топографов. И вот распоряжение райисполкома о передаче нам старой конюшни. К осени там будет шикарное общежитие. Работы уже ведутся. Вы запоздали со своей декларацией, товарищ Чинков.

Чинков лишь благодушно развел руками.

— Я знал, что мы работаем, — тонким голосом сказал он.

После ухода Фурдецкого Чинков обе радиограммы положил перед собой на столе. Он сидел в своей излюбленной позе. Но казалось, что лицо Чинкова сейчас излучает некое благодушное сияние. Он вглядывался в радиограммы, точно просматривал чрезвычайно увлекательный фильм о похождениях собственных начальников партий.

Сорокалетний Семен Копков месторождение киновари открыл случайно. Он проводил обследование «ничейных» земель в центре Кетунга. Проект партии составил Отто Янович Калдинь, один из старожилов и основателей Поселка. Калдинь был главным геологом и мечтал составить многолетний прогноз на олово: «Представьте, приходит телеграмма Госплана. «Уважаемые товарищи! В состоянии ли вы обеспечить такую-то сырьевую базу на олово?». Берем прогнозную карту и отвечаем обоснованно, как умные, приличные люди...»

Семен Копков шел маршрутом, когда перед ним вдруг за поворотом долины — реальность среди реального мира — возникла сопка ярко-красного цвета. На первый взгляд, как вскоре убедился Копков, она почти целиком состояла из киновари. Поняв это, Копков сразу подумал об Отто Яновиче. Как бы обрадовался старик. Никто на Территории не думал о киновари и не ждал ее. И вот, пожалуйста. Как умным, приличным людям — подарок. Но Калдинь задержался в отпуске. Лежал в рижской больнице.

Копков вышел к сопке один. Когда кончились продукты, Копков из пистолета ухитрился застрелить маленького тундрового медведя — линялого зверя с голым купеческим животом. И лишь окончательно составив представление о сопке, вернулся на базу, чтобы дать радиogramму и получить ответ. Вообще Копкову с его репутацией чудака везло на необычные ситуации в жизни, и анекдоты о нем добирались до Города.

Чинков же, «досмотрев ленту» с приключениями Семена Копкова, вызвал Лидию Макаровну и продиктовал радиogramму: «Поздравляю. Приготовьте вывозке количество руды, достаточное для промышленного анализа. Базу партии перенесите к месторождению».

Чинков спрятал радиogramму Копкова в стол, и перед ним осталось лишь сообщение Апрятина о злополучном трупe. Он разглядывал его до тех пор, пока не зазвонил телефон. Майор МВД просил координаты партии Апрятина, чтобы вылететь на расследование.

— Я полечу с вами, — весело сообщил Чинков, точно ему доставляло удовольствие летать к случайно обнаруженным в тундре скелетам. Майор сказал, что погода есть, самолет ждет.

— Иду, — сообщил Чинков и вызвал к себе Куценко.

Куценко вошел и застыл у дверей, глядя на начальство с истовой преданностью. Чинков убрал радиogramму Апрятина в стол и еще помедлил, разглядывая ничем не нарушенную теперь плоскость стола.

— Клим Алексеевич, — сказал он. — Отправляйтесь один. И рассматривайте это задание не как приказ, а как мою личную просьбу.

Куценко ничего не сказал, лишь сглотнул.

9

— Только плебеи считают за счастье лежать вверх задницей и ничего не делать, — сказал Жора Апрятин. Как всегда, по утрам он вел воспитующий диалог с завхозом Васькой, по кличке Феникс.

— А разве я не плебей? Плебей и есть, — смиренно возразил тот.

Но Жора Апрятин ничего ему не ответил. Он протирал масляной тряпочкой револьвер. Всегда по утрам Жора чистил оружие, как будто собирался в хунхузский набег. «Оружие должно быть в порядке», — туманно объяснял он.

Васька со вздохом пошел на склад. Канавщики на гряде Пырканай уже неделю сидели на одной манной каше. Для остроты вкуса они ели ее с диким луком. Но за продуктами на базу никто идти не хотел: канавщики выбивали рубль сдельщиной, а через скорое время должна поплыть мерзлота. В этом году из-за жары раньше, чем обычно. Когда плывет мерзлота, какая, в чертях, прогрессивка? Апрятин обещал, что придет с продуктами Феникса. Канавщики кровожадно развеселились. Васька изменил клану ломика и взрывчатки, смылся на легкую должность завхоза.

На всю Территорию Васька Феникс был знаменит тем, что каждую осень он растворялся. Исчезал на глазах. Получив деньги за лето, Васька как бы просто таял в воздухе. Никто не видал, чтобы он садился на самолет или пароход. Его не встречали на касситеритовом прииске, не

сталкивались в Городе, не замечали среди бедующих зиму бичей. Каждый раз ходили туманные слухи, что Васька замерз по пьяному делу, провалился под лед на зимнем лове в каком-то колхозе, что его пришили уголовники и по обычной практике кинули в море в железной бочке с камнями. Но каждую весну он возникал в геологическом управлении с жидкой своей бородашкой и ухмылкой виноватого человека. Так и прозвали — Феникс. Возникает из ничего.

«Таков печальный итог», — думал Жора, оставшись один. Слова эти привязались к нему два дня назад, когда он наткнулся на останки человека в узкой горной долинке. Истлевший брезент пророс уже травой и полярной березкой. На поясе лежал наган — кобуру съели мыши. Мыши же съели и полевую сумку. Бумаги превратились в замазку. Только геологический молоток на длинной ручке выглядел как новенький. Жора забрал наган, молоток, остатки полевой сумки. Остальное оставил как есть. «Таков печальный итог».

Васька Феникс вернулся со склада и со вздохом поставил у входа в палатку рюкзак, набитый банками тушенки, сгущенным молоком и пачками папирос «Норд». С тем же вздохом Васька вытащил из-под койки ржавую тулку, левый курок которой был умело выгнут из гвоздя, перепоясавшись брезентовым патронташем.

— Пошлепал, — выжидательно объявил Васька, но остался на месте.

— Чтобы, как шлюха с танцев, не позднее утра обратно, — грубо сказал Жора. «Таков печальный итог».

Васька вздохнул, понял неотвратимость, взвалил рюкзак и направился к синеющей на горизонте гряде гор Пырканай.

Жора пошел к реке на свое излюбленное место, где кусты образовывали выемку над сухим веселым обрывчиком. Вода под обрывчиком кружилась в зеленоватых водоворотах. Было видно, как всплывают вверх и медленно погружаются рыбы спины. Удочка с блесной лежала тут же, но завтракать еще было рано. Лосиная считалась самой благодатной рекой Территории. В среднем течении ее рос даже тополевыи лес, сюда забредали с юга лоси, в верховьях бегали стада снежных баранов, и вода кишела рыбой: голец, чир, муксун и даже встречалась нельма.

«Таков печальный итог». Жора сгорбился и сразу стал похож на сутулого длинноволосого мальчика. На людях он старался держать созданный воображением идеальный образ — немногословный, всегда с оружием, готовый к выпивке, действию. Жора Априяин — полярный волк. Природа действительно начала Жору по образцу викинга: голубые глаза, светлые волосы. Но природа где-то на полдороге отвлеклась, и остальное завершил дед — известный географ, исследователь Центральной Азии. Он мучил внука холодной водой по утрам, самовластно направил в Горный и самовластно распределил работать на Север. «Только там осталось место для приличных открытий».

«Таков печальный итог». Жора неплохо тянул фамильную лямку. Самолюбие не позволяло работать плохо. Но найденные два дня назад останки как-то по-иному все поворачивали. И вещи погибшего геолога, и кости его не принадлежали к миру людей. В узкой долинке посвистывал ветер, росла трава, и все там принадлежало миру земли, миру горных пород. Ни испуга, ни брезгливости не вызвал в Жоре найденный труп. Лишь печаль. «Из глины вышли, в глину попадем». Но что тогда самолюбие, что фамилия деда на карте Памира и надежда, что ты оставишь эту фамилию на какой-либо другой карте? Зачем? К чему стремился парень, свалившийся лет десять-двадцать тому назад среди черной щебенки в пустынном краю? Отрешенность. Вот именно такая атмосфера была в долинке. Не кладбищенская суета, где каждый памятник

чем-то хочет выделиться, напомнить, обратить на себя внимание: «Я был». Погибший геолог врос в метлицу, полярную березку, камни. «Оставьте меня в покое, я нашел конечную цель». Жора Апрятин даже вздрогнул от сознания собственных несовершенств. Надо продолжать учить латынь, купаться в холодной воде каждое утро, крутить гантели, бегать легко и свободно. Но и это не выход из ограды несовершенств. «Соблюдай посты, это полезно и мудро. Следи за культурой тела и веруй в исследование природы. Тогда жизнь будет для тебя наполнена смыслом», — писал в последнем письме дед. А дальше, как всегда, цитировал путешественников от халдейских времен до Нансена. Дед прожил интенсивную жизнь. «Таков печальный итог».

Жора знал, что засыпанная черным щебнем долина, тихий шум ветра и завернутые в истлевший брезент останки истлевшего человека навсегда останутся с ним. Напоминание о смысле и цели. Нетленные ценности. Лишь железо осталось нетленным. Вещи остаются, мы исчезаем. Но человек, вросший в траву и горные минералы, исчез ли?

Рано утром вернулся съемщик Гурин. Гурин выглядел так, как будто только что с выставки походной одежды. Тщательно выбрит, даже от него пахло одеколоном; пуховка чиста, японские оранжевые сапоги аккуратно подвернуты, и очки поблескивают остро и усмешливо.

Гурин зашел в палатку, поставил в угол польский рюкзак с желтыми ремнями, сел на нары. Жора с тоской ожидал, что он сейчас выкинет. Ему всегда было трудно с Гуриным.

— Што, хозяин, образов-то али не держишь? Перекреститься с дороги не на што, — сказал Гурин.

Жора Апрятин молчал. Он курил трубку, и суетные слова пролетали мимо него.

— Притомился, — вздохнул Гурин. — Ноженьки притомились. Пожалуй, стоит ванну принять. Хорошо бы еще узнать, с кем спит в данный момент Анна Бозе и что слышно о летающих блюдечках. И как на счет кубка вина?

— А также, что ты думаешь о том трупе? — вставил Жора.

— Я думаю, что это вторая экспедиция «Союззолота», — сказал Гурин. — Больше некому. Раньше них погиб Дамер. Но ведь Дамера же нашли. Люди гибнут за металл. А, Георгий?

— Как думаешь, милиция прилетит?

— Непременно. Мертвые покоя не имеют. Я бы на твоём месте сам справил обряд. Могила неизвестного страдальца. Загадка тундры.

— Обязан был сообщить. Долг.

— Долг выше сострадания. Сострадание выше... — Гурин отвернулся от Жоры и стал распаковывать принесенные с собой образцы. Всегда было приятно смотреть, как Гурин обращается с образцами. Он возился с ними, как с ручными любимыми мышками. Гурин подавлял Жору превосходством. Он был высоким профессионалом в петрографии, самой мутной из геологических дисциплин. Знал французский язык, знал английский. И в завершение в юные времена был мотогонщиком, потом горнолыжником. В Поселок он прилетел без приглашений и договоров. Предъявил блестящие бумаги и сразу заявил, что прилетел временно. Независимый человек. Эдакий геологический ландскнехт, наемник от петрографии. Прилетает, подписывает контракт, работает сколько нравится и улетает. Больше всего Жору злило то, что Гурин, по всем внешним данным законченный пижон, под рубрику пижона никак не годился. Он действительно знал петрографию, он действительно свободно владел французским и английским. И ходил в маршруты с четкостью хорошего автомата. А разве геолог и пижон совместимы?

...Вечером над палатками прогрохотал самолет АН-2. Посадочная

полоса находилась на речной косе, метрах в четырехстах от базы. У самолета Жора увидел знакомого милицейского майора в кожаном желтом пальто и Чинкова.

— Докладывайте, Апрятин, — сказал Чинков.

— Труп найден мною шестнадцатого июля на склоне... — начал Жора.

— Это вы доложите майору, — поморщился Чинков. — Докладывайте о результатах.

— Все идет как положено, — Жора пожал плечами. — Карты на базе.

— Самолет сможет там сесть? — спросил майор.

— Исключено.

— Пешком?

— Двое суток. — Жора глянул на оплывшую фигуру майора. Чинков тяжело и медленно шел по косе у воды, разглядывал отмель. Лениво, вполоборота махнул, чтобы Апрятин и майор шли на базу. Майор пожал плечами и строго сказал Жоре: «Ведите на базу, товарищ начальник партии».

...В палатке Будда тяжело уселся на стул и смотрел на стол, чугунный и невозмутимый. Гурин при виде вошедших встал, коротко кивнул и снова улегся с излюбленным французским романом, на глянцевого обложке — матадор и девица. Жора за ствол подал майору наган с позеленевшими патронами в барабане и завернутую в полотенце полевую сумку, вернее, ее остатки. Но майор все косился на Гурина. На задней обложке девица была вовсе без ничего, блеск ее ягодич на глянцевом картоне кощунственно освещал палатку. И сам Гурин в свежем тренировочном костюме, в кедах с белой непачкающейся подошвой выглядел кощунственно. Не палатка геологов, а приют иностранных туристов.

— С какой целью вы ведете канавные работы, Апрятин? — тихо спросил Чинков.

— При заброске партии с самолета были замечены развалы кварца. Решили проверить канавами.

— И что показал ваш кварц?

— Жилы пустые, — сказал Жора. — Низкотемпературный молочный кварц и... более ничего.

Майор все косился на Гурина, закрывшегося обложкой, как будто происходящее его не касалось.

— Кто это у вас валяется на койке, Апрятин? — скрипуче спросил Будда.

— Андрей! — окликнул Жора.

Гурин сел.

— Как ваша фамилия?

— А ваша? — Гурин весело и дружелюбно улыбнулся.

— Я — Чинков. Главный инженер управления, где вы работаете, — монотонно сказал Будда.

— Андрей Игнатьевич Гурин. Инженер-геолог.

— Если вы действительно инженер-геолог, будьте добры к столу, — Чинков отвернулся от Гурина. Майор засунул наган в полевую сумку. Сверток с бумагами придвинул к себе.

— Вы приняли решение? — спросил Будда у майора.

— Пусть захоронят. Составят акт, — вздохнул майор. — Дело ясное.

— Проверьте, прошу вас, как с техникой безопасности на базе Апрятина.

Майор вышел.

— Почему пусты канавы, Апрятин?

— Думаю, что наш лист находится в переходной зоне от золотоносных областей Реки к оловоносной провинции Территории, — единым дыханием выговорил Жора.

— Что вы скажете о золотоносности вашего района? — быстро спросил Будда.

Жора только пожал плечами.

— Мы ведем геологическую съемку. Отто Янович выбрал наш район чем-то вроде пещки, от которой будут танцевать...

— Меня не интересует, что замышлял Отто Янович, — Чинков встал, и лицо его налилось тяжелой кровью. — Здесь не полигон для научных изысков. Слушайте приказ, Апратин: к осени вы дадите мне полный отчет именно о золотоносности вашего района.

— У партии существует утвержденный проект, — пробормотал Жора.

— Мне наплевать на проект. Я его отменяю, — яростно ответил Чинков.

Гурин выдвинулся вперед, локтем задвинул Жору за свою спину и весело сказал:

— О чем, собственно, спорить? Мы ведем работу в основном в горной части. Надо спуститься в тундру. Прошлиховать верховья основных водотоков. Шлихи мыть быстро. Лишь на тяжелую фракцию. Канавные работы прекратить. Канавщиков перевести на шурфовку. Две-три обзорные линии в устьях главных ручьев. Не о чем спорить!

— Разумно! — по-человечески выдохнул Чинков. Он благосклонно глянул на Гурина и медленно вышел из палатки.

— Статуя командора, — пробормотал Гурин. — Мыслящая статуя командора.

Это было невероятно, но Чинков услышал его. Он медленно, всем корпусом развернулся к Гурину, разлепил губы на чугунном лице и улыбнулся.

— Спасибо, что хоть мыслящая, Гурин, — медленно сказал он.

— Доктор. Моя здешняя кличка Доктор, — улыбнулся в ответ Гурин. Чинков благосклонно кивнул головой.

В это время Жора Апратин вышел из-за спины Гурина. Дергающейся напружиненной походкой он подошел вплотную к Чинкову. Все еще улыбаясь, Чинков смотрел сверху вниз на темя Апратина, а Жора смотрел в землю.

— Прошу вас, — с бешеной официальностью произнес Жора, — никогда не кричать на меня. Во-вторых, прошу дать точные указания о поисках золота.

— Раз вы инженер, то должны знать это, — Чинков, казалось, забавлялся.

— В-третьих, прошу дать письменное указание об отмене проекта. Без этого я не могу изменить план работ.

Чинков молчал. Гурин с нескрываемым любопытством поблескивал очками, переводил взгляд с Чинкова на Апратина, с Апратина на Чинкова.

— Скажите, — вдруг благодушно спросил Чинков, — а на черепе у того товарища не сохранилось волос?

— Нет, — растерянно сказал Жора. — По-моему, нет.

— Если светлые волосы, значит Гагин. Мой однокашник.

— Я не понимаю, какое отношение...

— А тут нечего понимать, Апратин. Инженер-геолог не просто инженер. У него есть кодекс чести. Ваши коллеги погибли именно во время поисков золота. Результаты работ неизвестны. И для того чтобы вы-

полнить элементарный товарищеский долг, вы требуете бумажку. Вам не стыдно, Апратин?

— Демагогия... — с трудом начал Жора.

— Демагогией занимаетесь вы. Приказ вам известен. Как его выполнить, вам расскажет Гурин. Вашему деду стыдно должно быть за вас, Апратин.

Чинков развернулся и тяжким монументом поплыл прочь от базы. Жора так и стоял с опущенной головой.

— Вот это босс! — с восхищением сказал Гурин. — Ах, как красиво он тебя обыграл, Георгий. Умница! Монстр!

— Он плохой человек, — сказал Жора.

— Тебя высекли. Прими это как мужчина, Георгий. Ты с ним знаком?

— Второй раз вижу.

— Значит, и он тебя видит второй раз. Но как он тебя угадал! Личного дела для этого мало. Результат: приказ его ты обязан выполнить. Иначе он тебя высекает еще раз. Если же ты завалишь проект, — никаких бумажек он тебе не оставил, — тебя высекут другие.

— Я не буду заваливать проект Отто Яновича.

— Этого он и хотел. С одной мышки две шкурки.

— У меня есть свидетель. Ты.

— Ни черта ты в людях не понимаешь, Георгий. Неужели ты видишь во мне жлоба-свидетеля? Клянусь говорить правду и только правду. Это мне унижительно.

— Значит, ты за него?

— Я — единичный философ. Следовательно, во всех случаях я за себя. Но мы с тобой в одной партии. Из классовой солидарности беру на себя всю работу по проекту. Ты выполняй задание Чинкова.

— Может быть, поменяемся?

— Не делай из меня холуя. Тебе дан приказ, а мне лезть добровольно? При всем уважении к Чинкову. Он великий, Георгий. Я это сразу понял.

— В чем ты видишь его величие? В хамстве?

— Есть цель. Есть ум. И абсолютно нет предрассудков, именуемых этикой.

— У меня другие понятия о величии.

— Величие столь же разнообразно, как и порок. Кстати, тебе великим не быть. Нет в тебе нити. А посему исполняй приказы великих.

— А тебе быть?

— Я в этом не нуждаюсь. Отмаялся величием в юности. Кстати: сградальца того я схороню. Чин чинариком все исполню с помощью раба Феникса. Крест или столбик прикажешь поставить?

— Решай сам.

— Ты более велик, чем я. Я исполняю твои приказы. Я более велик, чем раб Феникс. И буду приказывать ему. Видишь, как уютно все получается?

— Циник ты, Андрей. Противно.

— Я не циник. Я единичный философ. Мне не противно, а просто смешно.

Баклаков очнулся от ощущения мягкости и уюта. Он увидел, что одет в пыжиковые штаны и рубашку. Под ним была шкура, и над головой и по сторонам все тот же олений мех. Чувство уюта сливалось с благодатным чувством выздоровления. Баклаков сел. Передний край по-

лога был подвернут. Снаружи доносились мягкие шлепки. Он высунул голову из полога и увидел в дверь тундру, залитую желтым светом. Справа от входа на корточках сидела девушка. Она была в тренировочных брюках, но без рубашки. Баклаков видел смуглое плечо и острую грудь с маленьким темным соском, край темной от румянца щеки и ухо, полускрытое прядью длинных прямых волос.

Девушка месила тесто. Скатывала его в тугой клубок, отрывала часть, расшлепывала и пальцем выдавливала углубления в лепешке. Она почувствовала взгляд Баклакова и медленно повернулась. Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу. Девушка разжала темные, как бы запекшиеся губы, улыбнулась и, повернувшись к Баклакову спиной, подняла валявшуюся рядом рубашку. С каким-то расслабленным изумлением он смотрел на тонкую спину, непостижимо расширяющуюся к бедрам, и выступы позвонков под кожей, и беззащитный затылок. Баклаков опомнился и исчез в пологе.

...Кьяе долго переводил глаза с Тамары на Баклакова и снова смотрел на Тамару. Глаза старика походили на два темных сучка, спрятанных в старом выветрившемся дереве. Тамара суетилась. Она делала лепешки на нерпичьем жиру. Жир наливался в котел и кипел там, распространяя запах подгоревшей рыбы. Лепешки варились в нем. Углубления, которые делала в них Тамара, предназначались для того, чтобы они лучше проварились. Они лежали друг на друге золотистой, как тундра, грудой. Баклаков чувствовал дикий голод. Кьяе вытащил из угла кожаный мешок, вынул из него кипу полуспрессованных стеблей табака и принялся крошить табак на дощечке. Набив трубку, Кьяе выкурил ее до конца, затем из того же мешка вытащил пачку махорки и сделал себе самокрутку. Выкурив самокрутку, Кьяе все из того же мешка вытащил начатую пачку «Белсмора» и бережно размял пальцами папироску. Баклаков не выдержал и рассмеялся.

— Если сразу папиросу курить, то потом невкусно, — пояснил Кьяе.

Булькал нерпичий жир в медном котле, копилась груда лепешек, бесшумно и быстро двигалась Тамара. В раскрытую дверь яранги виднелся кусочек тундры.

— Сейчас зарежу оленя, — сам себе сказал Кьяе. — Буду тебя кормить. Утром ешь, днем ешь, вечером, ночью ешь. Как силу почувствуешь, так уходи.

— Да, — сказал Баклаков. — Конечно. Надо идти.

Кьяе сам варил мясо по стародавнему кочевому рецепту. Нарезанное тонкими полосами, оно клалось в несоленую холодную воду и вынималось сразу, как только вода закипит.

Два дня Баклаков ел. Он вгрызался в оленьи ребра, сдирал с них мясо, проглатывал, почти не жуя, тонкие, длинные полоски. По подбродку и рукам тек сок, внутренность яранги была заполнена паром от запаха бульона, мяса, костного мозга. Ночевать Кьяе уходил к стаду, уводя с собой внучку, и Баклаков оставался один. Он сидел у тлеющего костра, слушал шум ночной тундры, ел оленину, пил чай и снова ел оленину. Он засыпал на короткое время, как будто проваливался в темную яму. Его несколько раз за ночь будил голод. Он пил бульон через край котла, и борода его, руки, лицо покрывались липкой и черной сажей.

Через два дня олень был съеден, лишь расколотые кости валялись у входа в ярангу. С костями возилась Умичка, крохотная оленегонная лайка. Она грызла кость неторопливо и деликатно и каждый раз, когда Баклаков проходил мимо, смотрела на него по-человечьи смысленным взглядом. Глаза у собаки были разноцветные: один коричневый, второй голубой.

— Ухожу, собака. Ухожу, — говорил Баклаков. — Долг превыше всего.

Кые подарил ему кухлянку из оленьей шкуры и пару чижей — меховых чулок. Он показал ему место переправы через Ватап — сразу по выходе реки из Кетунга.

11

Если бы составить макет Территории и разместить на нем только те фигуры, которые двигала, направляла воля Чинкова, то мы увидели бы геолога-съемщика Сергея Баклакова. В коротко подпоясанной кухлянке, отощавший и невесомый, Баклаков уходил в Кетунг. Была переправа, была болезнь, но задание еще не выполнено. Баклаков шел к неизученным гранитным массивам. Сам себе он казался невесомым — захочется, будет шагать по водам. Почему-то он все время повторял про себя наставление Семена Ксгкова, корифея дальних маршрутов: «Мы не викинги, мы — азиаты. Мы тут живем. Высшая добродетель в тундре — терпение и осторожность. Огибай, выжидай, терпи. Никогда не при напролом. Когда ты усвоил это, ты — тундровик».

Сам Ксгков со своими хмурыми «кадрами» челночным способом переносил базу к кинсварной сопке. Одна ходка туда-обратно составляла сто сорок километров. Поэтому пришлось бросить керосин, мешки с каменным углем, большие палатки. Пришлось бросить и посадочную полосу, приготовленную с таким трудом. Вблизи сопки нечего было думать принять самолет, и Ксгков уже начинал задумываться над тем: как же они выйдут обратно с тесной руды? Августовскими вечерами киноварная сопка пылала внутренним жаром. Ксгков назвал месторождение «Огненным». Привилегия начальства — давать указания о направлении работы. Его привилегия — давать географические названия.

...На том же макете был Жора Апрятин и его люди, колотившие шурфы в талых грунтах. Взрывы хлюпали с каким-то неприличным звуком. В бадьях поднимали наверх жидкий грунт, и стенки шурфов каждую минуту грозили обрушиться.

Еще был Куценко. Единственный на весь район вездеход — нелепое сооружение фирмы «Студебеккер», похожее на корыто с гусеницами, — доставил его к Эльгайскому перевалу. Куценко выгрузил объемистый рюкзак, лопату с короткой ручкой, три двухметровые доски и лоток. Вездеход радостно загрохотал вниз. Куценко остался один. Когда грохот вездехода затих, Куценко сделал шаг, больше всего удививший бы именно Чинкова. Он достал из нагрудного кармана пачку папирос «Казбек» и закурил, хотя всей Реке было известно, что виртуоз-промывальщик Куценко не курит. Он держал папиросу как очень ценную вещь и, докурив, истово положил скурюк на камень. После этого Куценко взвалил на плечи груз, направился на северо-запад, в верховья Эльгая. Этой дорогой они проходили вместе с Чинковым.

Поздним вечером он достиг котловины километрах в тридцати от базы Монголова. Именно сюда и стремился Куценко. Если бы его спросили, почему именно здесь он хочет поставить палатку, Куценко бы не ответил. Ему тут нравилось. Куценко вынул из рюкзака палатку и тщательно натянул ее. Провел водоотводную канавку.

Утром Куценко осмотрел маленький ручей, впадавший в реку рядом с палаткой. У борта долины ручей образовывал небольшой водопад. Куценко подпрудил его дерном и перенес сюда доски. Из досок он сколотил как бы корыто без торцевых стенок с наколоченными на днище планками. Это была «проходнушка», простейший промывочный агрегат

старателей. С помощью камней и дерна Куценко приспособил «проходнушку» так, что вода текла по ее желобу.

На небе висело красное осеннее солнце. Дважды пролетели гусиные стаи. Куценко внимательно провожал их взглядом.

Весь день Куценко носил к водопаду грунт. Он набирал его с косы, со сланцевых щеток, с борта долины. Когда стемнело, Куценко зажег в палатке свечу и извлек из необъятного рюкзака сверток. В нем был короткий разобранный винчестер. Он быстро собрал его с помощью отвертки от перочинного ножа, набил магазин патронами, передернул скобу и поставил винчестер рядом с палаточной стойкой. Туда же он положил маленький фанерный ящик, обмотанный сыромятным ремешком. Задул свечу и заснул.

Следующий день Куценко был занят тем, что лопатой швырял в проходнушку принесенный им грунт. Вода подхватывала его и уносила в реку. Ему дважды пришлось отгребать намытую у конца проходнушки гряду. Когда песок кончился, он отвел воду и обычной ложкой собрал темно-серый остаток, накопившийся у деревянных планок. Он осторожно промыл остаток в лотке. То, что сохранилось на дне лотка, его не обрадовало. Среди темной массы магнетита кое-где просвечивали отдельные блестки золота и еще была мелкая, почти пылевидная масса — граммов пятнадцать, так определил он на вид.

Конец дня он снова носил грунт.

ВСЕСТОРОННЕЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТА.

«На севере же Европы, по-видимому, есть очень много золота. Как его добывают, я также не могу определенно сказать. Согласно сказанию, его похищают у грифов одноклазые люди — аримаспы...».

Геродот. «История».

«Грифы» сражаются за золото с аримаспами... Золото, которое стерегут грифы, производит земля».

Аристей из Проконнеса.

«Первый высокий металл есть золото, которое через свой изрядный желтый цвет и блестящую светлость от прочих металлов отлично. Непреодолимое сильным огнем постоянство подает ему между всеми другими металлами первенство».

М. В. Ломоносов. «О металлах и с ними в земли находящихся других минералах».

«...Князь Великий велел тебе говорить, чтобы еси от насъ молвилъ нашему брату Матиюшу Королю, чтобы намъ дружбу свою учинилъ, прислалъ бы къ намъ мастеровъ... которой руду знаетъ, золотую и серебряную...».

Иван III. Запись в поручении послу к венгерскому королю Матвею Корвину.

«Кто бы, какого чина и достоинства ни был и сыщет за Тобольским и в Иркутской и Енисейской провинциях, в городах и уездах, в своих собственных или свободных землях, руды золотые... тем — самому или с кем компаниею согласится — заводы строить...».

Правительственный указ от 26 сентября 1727 года.

«...просили, чтоб заявленные и сысканные ими в разных местах золотосодержащие прииски в казну принять, а их за их труды... наградить».

Из просьбы рудоискателя Третьякова, 1769 год.

«Чрез старание мое и отца моего ж Ивана Шадрина отыскана нами золотосодержащая руда, едуци от деревни Пышма по дороге к озеру Балтыму».

Донесение Василия Шадрина, крестьянина деревни Пышма,
1799 год.

«В 1844 году, известный английский геолог сэр Родерик Импей Мурчисон, по сходству геологического строения Уральского хребта с цепью гор, простирающихся от севера к югу по северо-восточному берегу Австралии, сделал заключение, что и в горах Австралии должно находиться золото».

«О золотопромышленности Австралии». «Горный журнал»,
1853 год.

«...наиболее богатая розсыпи: Аляска, Калифорния, Трансвааль, Австралия...».

Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. Санкт-Петербург,
1910 год.

«...устроена мною так называемая промывальная машина, которая должна заменить существующие при золотых промыслах вашгерты. Машина сия находится в действии на одном из золотых приисков и показала, что она есть полезнейшее устройство для золотых промыслов и тем оправдала труды прожектера».

Донесение строителя первых русских паровозов Е. А. Черепанова заводчику Н. Н. Демидову. 13 апреля 1828 года.

«Но кому известны въ подробности способы промывки, тотъ легко согласится, что употребляемые въ Россіи далеко превосходятъ все прочіе способы, известные въ другихъ странах. Действительно, различныя золотопромывальныя устройства, изобретенныя разными лицами въ Россіи, даютъ возможность производить промывку песковъ гораздо совершеннее, нежели это делается помощью грубыхъ снарядовъ, употребляемыхъ, на прим.: въ Трансильваніи, въ разныхъ золотоносныхъ областяхъ Америки, и проч.».

«Горный журнал», 1837 год.

«...по прибытии в управляемые вами заводы египетских инженеров Али-Могаммеда и Дашури, оказывать им всевозможное содействие к успешному изучению золотого производства, в особенности сообщением потребных сведений и чертежей».

Из предписания горному начальнику Екатеринбургских заводов, 1845 год.

«Мне, между прочим, предписано было ознакомиться и с самими местами добычи золота, если обстоятельства позволят этот осмотр. 3—15 января мы были уже в заливе Сан-Франциско, 4—16 февраля 1849 года я отправился вверх по реке Сакраменто».

Отчет горного инженера Дорошина. «Горный журнал»,
1850 год.

«...розыскание золотых россыпей... заставили меня проникнуть далеко в глубину Африки, куда еще никогда не проникали не только европейские путешественники, но даже солдаты Магмет-Али... Мы шли по высохшему руслу Тумата, не имея другого вожакого кроме этой реки и компаса».

Е. П. Ковалевский. «Нильский бассейн и золотосодержащие области внутренней Африки». «Горный журнал», 1849 год.

II. ОСЕНЬ, ЗИМА

12

В Поселок зима приходила в тот день, когда уходил последний караван судов. В пять-шесть утра, по обычаю давних времен, все собирались на полосе гальки у берега моря. Было темно, ветрено. Океан перекатывал тяжёлые валы, будто отлитые из шинной резины. Люди на берегу говорили мало. Поднятые воротники меховых курток, помятые, невыспавшиеся лица, пущенная по кругу бутылка со спиртом.

На рейде раздавался сиплый рев ледокола. К нему присоединялись высокие голоса океанских дизельэлектрочудов. Корабли прощались с Поселком. На берегу слабо тукали выстрелы, взлетали ракеты, шапки, летели в море недопитые бутылки.

Так начиналась зима. Все в мире становилось очень далеким. «Там, на материке...» Местный поэт, не без влияния блатной лирики, изложил настроение в строках:

От злой тоски не матерись,
Сегодня ты без спирта пьян —
На материк, на материк
Ушел последний караван.

В горах Территории в это время уже ложился снег. Замерзли ручьи, и рыбы стаи успокаивались в глубоких речных ямах под торфяными обрывами.

...Раньше всего снег застал партию Копкова. Но именно там считали, что до зимы далеко, потому что для экспедиционного работяги начало зимы — это когда тебя вывозят из тундры. Копков не мог ожидать скорой вывозки. К ним дважды прилетал самолет ЛИ-2. Первый раз он сбросил бочки с соляркой и керосином. Бочки, как мячики, прыгали по узкой щербистой долине. Больше половины из них разбилось. Во второй рейс на грузовом парашюте спустили взрывчатку и мешки с продовольствием. Разведочные работы на киноварной сопке предлагалось продолжить до твердого санного пути.

...Люди Жоры Апрятина плыли вниз по Лосиной на двух резиновых лодках. В устье их должен был забрать морской катер. Вдоль реки дул острый ветер. Вода была черной и неуютной. У берегов и на заводях рождалась тонкая, морщинистая пленка льда. Канавщики замотанно матерились. Они начали материться месяц назад и все еще не отошли от обиды. Бить! Шурфы! Осенью! После жаркого лета! Для шурфов существует другое время. Тех, кто это придумал, сунуть бы в эту глину и воду, подержать бы денек в раскисшей дыре. Они клялись, что ноги их больше не будет в тундре.

Жора Апрятин, сгорбившись, сидел на носу передней лодки. Его мучили простуда, режущий лицо ветер и сознание, что работа сделана плохо. Образцовой съемки, красивого планшета, о котором мечтал Отто Янович Калдинь, не получилось. Идиотский приказ Чинкова выполнен. Но ничего не обнаружено, кроме знаков. А знаки прут по всей Территории. Жора знал, что «Северстрой» не признает объективных трудностей. Следовательно, за все отвечать ему. За прорехи на карте, за перерасход средств на шурфовку. Но хуже всего было от сознания, что умный, изящный замысел Калдиня смят, затоптан Чинковым.

Вдобавок он поссорился с Гуриным. Пока вся партия занималась шурфовкой, Гуринов ходил в маршруты. В своей персональной альпинистской пуховке, с персональной облегченной палаткой типа «гималайка».

Гурин был чист, свеж. Все остальные бродили, с головы до пят вымазанные в желтой глине. «Когда партия горит, то, черт возьми, надо быть всем одинаковыми. И работягам, и инженерам», — сказал Жора. «Стадный инстинкт у меня ослаблен», — ответил Гурин. Конечно, Жора понимал, что залезь Гурин в брезентуху, окунься в глину — ничем это не поможет. Но в паршивой ситуации всем надо быть вместе. В это вошел Жора Апрятин.

...На середине пути лодки попали в лед. Лосиная расширялась в котловине, и течения здесь почти не было. Пленка льда протянулась от берега к берегу. Всю ночь они колотили лед веслами, осторожно проталкивали лодки. Края льда были острыми, у всех кровоточили руки, и все каждую минуту ждали, что сейчас зашипит воздух и... Жора Апрятин думал о том, что, если тяжелые ящики с образцами пойдут на дно, ему останется лишь застрелиться. А впрочем, не понадобится... До любого берега — триста метров воды и тонкого льда, никто не уцелеет. Жора Апрятин вместе с рабочими бил лед, матерился, проталкивал лодку. Гурин безучастно сидел на корме второй лодки, подняв капюшон пуховки, и насмешливо поглядывал на Жору, на его работяг, которым и достались все трудности, так как они шли впереди.

К утру они выбрались на узкую полосу незамерзшей воды. И теперь уж приходилось плыть до конца, так как к берегу не пристать.

В устье реки заберег не было, и люди Апрятина высадились на илистую черную отмель. Лодки остались у воды, распластанные, точно с воздухом из них ушла сама лодочная сущность. «А кто сказал, что мы не можем? Ей-богу, можем! — сообщил Северному Ледовитому океану шурфовщик. — Можем, а, начальник?»

Катер пришел утром и встал на хмурой воде в километре от берега. Ближе он не мог подойти из-за отмели устья. Пришлось кое-как, лейкопластырем, залепить лодки. На резиновые заплатки не имелось времени и терпения.

— Вперед, питомцы Юпитера, — сказал Жора Апрятин, последним садясь в лодку. И поправил на поясе пистолет.

Один человек сидел на корме и насосом-лягушкой беспрерывно подкачивал лодку, двое гребли по-индейски, остальные лежали на дне.

Три катерных морячка в динялых бушлатах серьезно, без усмешки, смотрели им навстречу. Трап они уже заготовили.

— Благозаконие и благолепие, — сказал Жора Апрятин, когда последний тяжелый ящик был поднят на борт. Лишь после этого он разрешил подняться людям.

Катер дрогнул от заработавшего дизеля и пошел резать воду. Жора Апрятин запустил руку в полевую сумку, вынул бутылку спирта, хранившуюся весь сезон для этого случая.

— В веру и душу! — сказал он. — Обмоем конец сезона!

— Начальник! — проникновенно вздохнул один из шурфовщиков. — Мы за тебя хоть в воду. Хочешь, брошусь за борт, начальник?

Железные зубы шурфовщика сверкали в темноте кубрика. Все выпили, лишь Гурин не притронулся к кружке.

— С твоего позволения, Георгий, я пстом. В одиночестве, — сказал он.

Хмель мгновенно и сильно подействовал на Жору Апрятина.

— Выпей с нами, Доктор. Я понимаю, ты сильная личность. И Чинков твой сильная личность. Но куда вы идите без работяг и образованных рабов, вроде меня?

— Скушно излагаешь, Георгий. — Гурин взял кружку и вышел на палубу.

Катерные морячки сразу отметили, что Гурин тут вроде отдельно. И бородка побрита, и одежда другая, и твердый усмешливый взгляд. Гурин сидел на носу катера, зажав кружку с разведенным спиртом в коленях. С той же твердой усмешкой он смотрел на море, на тяжелые темные валы, на низкие рваные облака, на усаые морды нерп по курсу. Старшина подошел к нему, тронул плечо.

— Иди отдыхай. Место найдем. Отдыхай, а, геолог.

Гурин лишь отвлеченно и пусто улыбнулся ему.

— Чудной ты, — добродушно сказал старшина. — Вроде постарше всех, а чуднй. А, геолог?

— Когда я работал в Средней Азии, я трое суток шел на один перевал, — ответил Гурин. — Кызыларт. Ледовый перевал, почти недоступный. Зачем я туда карабкался трое суток? Чтобы выпить пятьдесят грамм коньяка, посмотреть сверху на мир и подумать о бренности бытия? Потом вниз. Зачем я это делал, старшина? Как считаешь? Ответ прост, как козка. Заблуждение веков. Желание во что бы то ни стало доказать свою самобытность. Я-де отдельный, оригинальный, я не такой, как все. Между тем, старшина, все такие, как все.

— Погибнешь, — сказал старшина. Он повернулся к Гурину. Светлые глаза на черном лице. — Погибнешь.

— О чем это ты, старшина?

— Так. Печать на лице

— Ерунда, старшина. Самое главное — держать дистанцию. Если тебе не нравятся столкновения — держи дистанцию. Не подпускай никого близко. Соблюдай правила судоходства в оживленных местах. Сигнальные огни и умение лавировать. В этом секрет безопасности.

13

Баклаков сбросил на дорогу рюкзак и выпрыгнул из кузова машины. Перед ним был Поселок. Грязно-белые, желтые, розовые дома, обдутые материковыми и морскими ветрами, засыпанные песком, шлаком, угольной пылью. Пахло сыростью, железом и дымом. Подошвы непривычно и больно стучались о твердый грунт. В порту визжало железо, ухало. Были слышны отрывистые сигналы буксиров.

Прямо с дороги Баклаков вышел на морской берег. На гальке лежали высохшие ленты морской капусты. Пролетела почти черная от мазута чайка, скосила на Баклакова круглый и наглый глаз. С легким шорохом терся о берег раздробленный лед.

Два бича, прислонившись к мертвой барже, возились с бутылкой. Один приглашающе помахал.

— Да что вы, ребята! — сказал Баклаков.

Идти ему, собственно, было некуда. Вещички—дерматиновый чемодан молодого специалиста — лежали в кладовке у завхоза управления Рубинчика, невеселого человека, состоявшего из носа и перепончатых ушей. В управление все равно после шести не пустят. Регламент охраны соблюдался в «Северстрое» неукоснительно. Баклаков машинально двигался в сторону «барака-на-косе», хотя знал, что барак наверняка занят. Но свободная койка должна же найтись.

Он подошел к колючей проволоке, уходящей в воду, — ограждение порта — и пошел вдоль нее. Долго пережидал вереницу машин, гремевших из открытых железных ворот, перемахнул дорогу и зашагал дальше по грязному дощатому «коробу» — местной магистрали в любое время года. Сшитые из досок, высотой и шириной метра по полтора,

«короба», заполненные ватой и шлаком, прикрывали теплоцентрали, которые нельзя было запрятать в землю, как на материке. Они пересекали Поселок от дома к дому, как поднятые над землей тропинки. Он шел по коробу, чувствуя, как прогибаются доски, и вдруг тундра, и лето, и все, что было связано с ними, отодвинулись, и Сергеем Баклакову захотелось хорошего костюма, бритвы, бани, выпивки, еды, громкой музыки, душевного и шумного разговора. Он втянул ноздрями дымный воздух Поселка и быстрее зашагал к барaku, который нелепо и длинно маячил в тумане.

«Женское общество, — затаенно помечтал Баклаков. — Вот чего я не знаю». Девчонки-однокурсницы с рано определившимися симпатиями, девчонки — друзья по спорту, с косичками, стянутыми аптечной резинкой. Они не были женским обществом. И не было прочих знакомств, вятская фактура мешала. И здесь нет женского общества. Есть верные жены или одиссеи в юбках. На миг всплыло: тонкая спина, непостижимо расширяющаяся к бедрам, смуглые и беззащитные лопатки, острая грудь. «Не надо, — сказал Баклаков. — Не надо, она хорошая девушка. Можно без этого жить. Все впереди, все впереди...»

Он обогнул барак и дернул дверь на себя. Дверь сильно ударила по рюкзаку, и он вылетел на середину барака, чуть не врезавшись в железную печь. Забыл, что сам же привинчивал автомобильную рессору.

У печки на табуретке сидел скуластый парняга в телогрейке, наброшенной на голое тело. Из-под телогрейки виднелись многочисленные наколки. Баклаков огляделся и тихо присвистнул. Койки стояли вплотную одна к другой. Под байковыми одеялами храпели, стонали и вздыхали во сне мужики.

— Ангелы ночи, — сказал парняга. — А ты зачем впорхнул?

— Жил здесь зимой. Хотел до утра перебиться.

— Возляг на мою. Я сегодня дежурный. Аббревиатура!

— Что-чтс?

— Слово красивое, — парень обнажил в улыбке десяток нескладных, налезавших друг на друга зубов.

— Сергей! — Баклаков протянул руку.

— Валентин. Садись, — парень придвинул Баклакову табуретку, а сам сел на корточках возле печки.

— Ну ее к лешему. Еще насажусь за зиму, — Баклаков тоже пристроился на корточках. Они помолчали.

— Не могу вспомнить, какой день, — сказал Баклаков. — В баню бы неплохо сходить.

— Хойте вир хабен зоннтаг, — сказал Валентин. — Баня же, как ей положено быть, на ремонте. «Сахалин» на разгрузке. Последняя из коробок. Сходи в душ.

— Пропуска в порт нет.

— Скажи, для гигиены личности. Сообщи, что Валентин Григорьевич Карзубин разрешил. Это я.

— Порядок, — согласился Сергей. — В магазин заглянуть?

— Загляни. Все равно до утра дежурить. Вулкан — повелитель жара.

— А там что-нибудь есть?

— Радость Вакха! Сухой закон в этом году отменен.

— Пойду.

— Перемещайся. Я тут соображу. Тушенка есть, лук есть, сковородку имеем. Кардинально!

— Иди ты к... — вдруг заорал кто-то на дальней койке.

— Во дает! — усмехнулся Валька. — Часов тридцать вкалывали. Спят, как трупы. Монтаньяры!

— А ты?

Карзубин молча освободил из-под телогрейки замотанную бинтом левую руку.

— Полпальца в море выбросил. Из-за незнакомства с системой трюсов. Я с прииска командированный на разгрузку. Как и все в этом бараке. Удел! Через два дня шабашим.

Баклаков нашел в рюкзаке шерстяной тренировочный костюм, кеды, тельняшку, чистое полотенце и свернул в клубок.

— Возьми в головах полушубок, — сказал от печки Валька. — Тут хоть и южный берег, но другого моря.

...Затянутый ремнями охранник вышагнул навстречу Баклакову из проходной.

— На «Сахалин», помыться. Валентин Григорьевич мне разрешил, — сказал Баклаков.

— Проходи, — помедлив, мотнул головой охранник. Видимо, соображал, кто же такой Валентин Григорьевич.

В порту было затишье. По железному трапу он взбежал на борт «Сахалина». Палубу заливал свет прожектора. Несколько человек в белых брезентовых робах возились с сеткой, спущенной со стрелы. Прислонившись к надстройке, стоял морячок в кожаной курточке на меху и фуражке с крабом.

— Где душ? — спросил Баклаков.

Морячок оглядел его и неопределенно кивнул лакированным козырьком.

— Чудеса! Бичи гигиену блюдут, — насмешливо сказал он.

Сергей вошел в низкую дверь и по металлическим переходам добрался до душа.

...Сапоги, брезентовку и драные брюки он выбросил за борт. Не чувствуя тела, летящим шагом он направился к магазину. Прекрасно, когда ты торчишь в своей точке планеты, свой среди своих.

Продавщица Вера Андреевна узнала его.

— С возвращением, Сережа. Какой ты красивый, когда с бородой.

Он взял три бутылки коньяку «Двин» и только тут вспомнил, что деньги в брезентухе, которую выкинул за борт.

— Завтра принесешь, Сережа. Отдыхай.

...Они открыли консервные банки, вывалили на раскаленную сковородку, засыпали грудой лука.

— Из снабженцев? — помешивая на сковородке, спросил Валентин.

— Похож?

— Не похож. Но говоришь, что коньяк получил в кредит.

— Из геологического управления.

— Техник?

— Инженер.

— Престижно! Тогда сейчас выпьем по капле, и я тебя подстригу. Не похож ты на инженера. А бороду сбрей. На бича ты похож.

— Точно, — разливая по кружкам коньяк, согласился Баклаков. — А ты кто?

— Пролетарий. Происхождением из хулиганского предместья столицы — Малаховки, — Валька показал в улыбке нескладные зубы.

Они выпили, и Карзубин ловко подстриг его. Потом они еще выпили, и Баклаков побрился. В обломок зеркала на него смотрел двухцветный человек: темная от загара верхняя часть лица и светлая нижняя.

— Теперь можно и говорить, — снова наливая кружки, сказал Валентин. — Не люблю, когда за растительностью прячутся. Начиная подозревать. Лорелея! Если ты инженер, то почему тут зиму торчал?

— Не знаю, — сказал Баклаков.

Коньяк янтарно отсвечивал в грязных кружках. «А иди ты...» — кричал свою фразу беспокойный малый в углу. На Сергея нахлынули воспоминания. Вон там, у окна, которое он самолично заколотил оленьей шкурой, была его койка. Рядом койка Жоры Апрятина, ковбойского человека, клавшего пистолет под подушку. На этой стенке висели японские красотики Доктора Гурина. А та сплошь избита дробью и пулями, потому что пробовать оружие, купленное или полученное в спецчасти, было принято прямо в бараке.

— Я вообще-то электросварщик. И газорезчик тоже. Ремеслуха. Думаю после навигации здесь остаться. На приiske мне работы нет. У меня отношение к огню и металлу. Либо работать, либо вовсе его не видеть. А на приiske не так и не эдак. Относительно!

— Правильно, — согласился Сергей. — Всегда надо так или эдак. Поэтому отомкнем вторую?

Баклаков долго спал и просыпался тоже долго, не единым вскидыванием души и тела, как это происходило в тундре. Сквозь сон он слышал чей-то голос и короткие ответы Валентина. Когда он открыл глаза, то прежде всего увидел наглого кота Федосея, известного также как «Комендант порта». Федосей сидел на соседней койке и презрительно разглядывал Баклакова суженными глазами. «Однако... вчера», — подумал Баклаков.

В бараке стоял густой запах резиновых сапог, пота, шлака, невыспавшегося человеческого тела, табака, спирта, консервов — всего, чем пахли утром бараки «Северстроя», где жил народ грубого физического труда.

Сергей надел на голое тело полушубок и вышел на улицу. Свет сильно ударил в глаза. Пахло морем, соляжкой и каменным углем. Он прикрыл на мгновение глаза, и вдруг ему послышался другой, травяной и лесной запах его разъезда, вкус молока на губах и невнятная тоска по дальним местам, которая не оставляла его никогда.

Баклаков прошел к морю, скинул полушубок, снял трусы и голышом бросился в воду. Вода обожгла. Он добрался до ближайшей льдины, оттолкнулся от скользкого бока и бешено замахал на берег. Накинув полушубок, он пробежал к бараку и возле стены растерся полотенцем. Все! Жизнь нормальна и, как всегда, удивительна. Ледяные ванны сдвигают психику в нужную сторону. Жизнь меня не колышет. Слаба.

В бараке у остывшей печки сидел Валентин, качал руку.

— Балуешься водными процедурами? Блудешь? В инженере все должно быть прекрасно. Душа, одежда и тело, — усмехнулся он.

— Какие планы на жизнь? — спросил Баклаков.

— В мехмастерские устраюсь после разгрузки. По металлу я все могу.

— Не желаешь весной в партию?

— Доживем до весны. Свидимся.

— Если будешь в Поселке, то свидимся.

— Ночлег не найдешь, приходи. Хронометрия!

— Договeсрились.

Все в том же тренировочном костюме, кедах Баклаков пошел в управление.

Дверь Рубинчика от входа направо, еще до вахты. Он толкнул ее. В клубах табачного дыма здесь сидели вдоль стен на корточках упитанные мужики в неизменных кожаных пальто, сапогах на молниях и

пыжиковых шапках. Снабженцы, свои и чужие, в неизменной снабженческой униформе. Сам Рубинчик, как всегда, сидел за дощатым столом и был печален не более и не менее, чем всегда.

— Привет, курцы, — сказал Баклаков. Снабженцы не обратили на него внимания. Они лучше всех знали иерархию «Северстроя». Для них Баклаков был никем. Ни бывшим, ни будущим. Они внимали реальности — рассказу коллеги.

— Здравствуй, — печально ответил Рубинчик. — Садись. Ты что, с тренировки? Готовишься к олимпиаде?

— А я ему, гаду, объясняю так: ты мне две машины, я тебе — бортовую для ДТ-54. И коньяк при этом твой. А он, гад, мне отвечает... — излагал налитый пурпурной кровью снабженец с соседнего прииска.

— Только и дела! — ответил Баклаков. — Давай чемодан. Поселяй где-либо.

— А где ж, ты думаешь, я тебя поселю? Я лишь знаю, где поселю тебя через неделю.

— Через неделю что?

— Двадцать пятый барак знаешь?

— Который на берегу? За эчегостанцией?

— Ну! — печально согласился Рубинчик.

— Там же конюшня.

— Конюшня там была раньше. Весной жили... элементы. Летом мы его у элементов забрали и превратили в жилье. Еще не совсем готово.

— А что не готово?

— Цемент с пола не убран. Стекла не вымыты. Мы комнаты на двоих и четверых там нарезали. Перегородки из фанеры под масляной краской. Фанера двойная, краска салатного цвета. Для радости глаз. Личное указание Фурдечко по культуре быта.

— Давай направление.

— Не имею права. Объект не принят начальством.

— А на улицу его гнать имеешь право? — мимоходом вмешался пурпурный снабженец. — Поехали ко мне на прииск, инженер. Жилье дам. Оклад дам. Бабу выпишешь. Небось голые снятся?

Сергей топал через Поселок с пружинной кроватью на спине. Рюкзак, чемодан и матрац ему положили сверху. Рядом, с подушкой и бельем под мышкой, прихрамывал Рубинчик.

— И что мы имеем за все эти хлопоты? За эти хлопоты мы имеем приличный быт неженатых работников. В комнате на двоих можно думать, а в бараке на семьдесят коек, где по углам снег, в середине бутылки, думать нельзя. Я правильно гсворю?

— Правильно, — согласился Сергей, подкидывая на спине койку. — Машину не мог достать?

— Вы, Сережа, сегодня родились на свет. Вы не знаете, что в навигацию машин не бывает.

Коридор барака был усыпан цементом и залит известкой, завален обрезками досок. Рубинчик открыл крайнюю от входа комнату. Краска высохла, по полу толстым слоем лежала известка. Сергей нашел лопату с обломанной ручкой и выскреб глазную грязь. Потом подобрал на свалке ведро, джутовый мешок и вымыл морской водой пол. Море было в пятнадцати метрах, и это ему нравилось. Можно купаться по утрам, а зимой поддерживать прорубь. Будет нормальная психика, когда жизнь не колышет.

Он прополоскал тряпку и положил на пол у входа. Собрал кровать, застелил. С рюкзаком сбегал в Поселок, купил электроплитку, банку консервированных персиков, чай, сахар, алюминиевую сковородку и

большой кусок оленины. У него есть дом. Комната на двоих. Пусть поселится Жора Апрятин или кто из своих ребят. Апрятин любит цитировать римлян, разных Апулеев, Лукианов, Тацитов. Но это можно терпеть.

Баклаков финкой открыл банку, стараясь, чтобы края были ровными. Сок выпил, а персики выбросил у крыльца — они осточертели за лето, и ему требовалась банка — привычка заваривать чай только так, чтобы припахивало железом. Когда он вытряхивал компот, из-за угла вышла девушка и направилась к крыльцу. Она шла, засунув руки в карманы кожаной куртки, походка была не поселковая. В Поселке ходили тяжело и прямо, так как ноги привыкали к громоздкой обуви. Она шла легче и неувереннее. Желтого цвета «конский хвост» падал на черную кожу куртки, очень худое лицо, очень яркие губы и в пугающей мертвенно-синей краске веки. Он нагнул голову, соображал: «кто, к кому, зачем в этот дом?» и принялся тщательно очищать банку. Девушка прошла в дом и где-то исчезла — может у строителей, может вышла в другой выход в конце коридора.

Баклаков заварил чай, выпил кружку и переоделся. Чувствуя себя красивым и легким, снова направился в управление. Отмечаться, представляться, рапортовать. В отделе кадров правил Борода, или Богда, как все говорили, потому что «отдел кадров» картавил. Топограф, их сверстник, два года назад потерял ноги в зимней экспедиции и вог сел за стол канцелярии. Богоду все любили за твердую положительность жизни.

— Могда с тгяпок, — весело произнес он любимое ругательство.

— Клизма без механизма, — прочувствованно ответил Баклаков и пожал крепкие пальцы Богоды.

— С возвращением, Сережа.

— Отметь прибытие. Рапортую.

— Когда?

— Вчера ночью.

— Запишу сегодня. Значит, будет завтра, послезавтра и еще после.

— Идет!

По неписаному закону «Северстроя», геологу, вернувшемуся с поля, полагалось три вольных дня «на баню». По тому же неписаному закону на четвертый день полагалось прийти в управление ровно в девять утра побритым, прилично одетым и совершенно трезвым.

Он пожал еще раз сильные пальцы Богоды и вышел в коридор. Предстояло три пустых дня, так как никто еще не приехал. Монголсв зачем-то застрял на «Западном». Впрочем, Монголов и нашел ту россыпь касситерита, где сейчас «Западный».

...В бараке Сергей стянул рубашку, галстук и вдруг увидел под дверью в противоположном конце коридора полосу света. Барак был захламлен, необжит, темен и длинен, тени бессмысленных жизней еще мотались в нем. Полоска света озадачила Баклакова. Он постучал в дверь.

— Да! — резко сказал женский голос.

Баклаков открыл дверь и увидел жилую комнату, на кровати сидела та, в кожаной курточке, с «конским хвостом». Она сидела, поджав ноги, забившись в угол кровати. В комнате было очень жарко — горели две плитки. И очень накурено.

— В чем дело, что нужно? — все так же резко спросила она.

Чрезмерная раскраска лица при свете стоваттной лампочки выглядела страшновато.

— Ну... так как мы единственные жильцы этого дома...

— Это вы утром компот выбрасывали?

— Я.

— Идиотизм какой. Я весь день компота хочу.

— Магазин-то еще открыт.

— Не хочу я принимать компот от всякого.

— Я как лучше хочу. Нет так не надо.

— Вы кто?

— Геолог. Коренной житель этого дома с сего дня. Вчера вот только вернулся.

— Ко мне каждый вечер ломятся с коньяком какие-то типы. Я дверь не заперла, потому что рано еще им ломиться.

— Сегодня ломиться не будут. Оборонимся.

Девушка улыбнулась.

— Ладно. Давайте за компотом. Я здесь случайно. Мою комнату ремонтируют. Я из Ленинграда. Корреспондент окружной газеты. Собкор.

— Журналистка? Или журналист? Как правильно?

— Никак не правильно. Как дура, итальянский долбила. Мечтала, что в Рим попаду. Вот какой Рим оказался... — она вздохнула.

— Рим никуда не денется. Вечный город, — осторожно сказал Сергей.

— А магазин, правда, работает? Есть хочу, как бездомная кошка. Или собака. Как бездомная кошка-собака, — она вздохнула еще тяжелее и засунула ноги под толстое зранжевое одеяло.

— Сейчас все будет. Зовут-то вас как?

— «Зовут-то!» — передразнила она. — Вятский ли, костромской ли?

— Вы что, совсем ничего не ели?

— У вас тут кафе, столовые, рестораны на каждом углу. Коньяком, что ли, одним люди живут? Хорошо, что мама одеяло прислала. Его у нас дома «Сахарой» звали. Только им и жива.

— Здесь, вообще, можно жить, — все еще переминаясь у входа, сказал Сергей. — Конечно, не Рим...

— У меня интеллекта хватает понять, что это не Рим. Многоуважаемая товарищ Сергушова, вот кто я такая, — она снова вздохнула.

— Сергей Баклаков. Можно просто Сергей. И именно вятский. Сейчас я вернусь.

Сергей быстро шел по коробу. «Смешная какая журналистка или журналист, — думал он. — Голос такой оттого, что курит. Курить стали девчонки. У нас не курили. Может, профессия требует. Не похожа она на местных-то журналистов».

Местная газета имела хорошее название: «Арктическая звезда». Своя, домашняя газетенка. И ребята в редакции все свои — помешанные рыболовы. Наловят и сидят с мешками у редакции, раздают рыбу. Зимой корюшка с запахом свежего огурца, навага, которая не терпит хранения, весной и осенью голец — рыба из рыб в соленом и вяленом виде. Отец, по-крестьянски, любит соленую рыбу, надо попросить в редакции у ребят, выслать посылку.

В магазине была очередь, как всегда бывает перед закрытием. В дверь пулей влетали запыхавшиеся мужчины, спешили к Вере Андреевне.

— Опять за коньяком, Сережа? — сказала она. — Сегодня последний день. Завтра лучше не приходи, не дам.

— Я же с поля.

— Все знаю. И чем это кончается — знаю.

— Со мной ничего не будет. Потому что не может быть. Меня жизнь не колышет. Правда!

Вера Андреевна посмотрела на него, поставила на прилавок две бутылки шампанского.

— Компота бы какого хорошего. Там девушка с голоду умирает.

— За компотом прибегай хоть десять раз в день, — рассмеялась Вера Андреевна, сходила в кладовку и принесла болгарские банки с земляникой и малиной.

...Он мелко крошил оленину и шлепнул ее на сковородку. Жарить надо без масла, ни в коем случае не закрывать крышкой и снимать сразу, как оленина побелеет. Сергушова наблюдала за ним, сидя на одеяле «Сахара».

— Ловко как все у вас получается, — сказала она. — А я ничего не умею.

Сергей заметил, что, пока он бегал в магазин, она сняла помаду, краску с глаз и распустила «конский хвост». Ему было легко, свободно, как почти никогда не бывало с женщинами.

— Красочку-то с лица зачем сняли, товарищ Сергушова? — спросил он. — Или...

— А я знаю, когда мне надо быть в красочке, когда без.

— Вот, — склонившись к сковородке, сказал Сергей. — Это называется пастеризованная оленина. У нас профессия кухонная. В управлении женатиков тридцать человек. В двадцати восьми семьях готовит муж.

— Расскажите лучше про героическое. Случалось ли вам стоять возле кочки или речки и вдохновенно мечтать: здесь будет город!

— Император я, что ли? — рассмеялся Баклаков. — Наш брат в лучшем случае может мечтать: здесь поставят разведку. Три буровых станка, десять палаток. Полсотни ребят.

Баклакову нравилось смотреть, как она с жадностью ест оленину. «Изголодалась, — думал он. — Поселок-то у нас действительно...». Без пугающей краски журналистка выглядела вовсе простой девчонкой. Нос курносый, кожа на лице серая, пористая. На воздухе мало бывает. «Во-он, в чем тут дело, — думал Баклаков. — Боится птичка серенькой показаться. Оттого и красочка».

— Уставились-то вы на меня что? — спросила она. — Ну есть хочу. Неудобно разглядывать, когда человек ест.

— Первый раз себя в рсли кормильца вижу, — сказал Баклаков. — Приятно так. Когда по-простому, я с людьми себя хорошо чувствую.

Утром Баклакова разбудил стук в дверь. Поскрипывая протезами, постукивая палочкой, wszел Богода. Простецкое лицо Богоды, истинного тундровика, было неприступно официальным.

— Ты-ы! — развеселился Баклаков. — Ты что такой напружиненный? Орден принес? Или постановление «в двадцать четыре часа»? Ты-ы!

Богода молча сел на койку.

— Ну-у! — резвился Баклаков. — Не надо меня в двадцать четыре часа. У меня анкета хорошая. Ты знаешь, какой я полезный...

— Морда с тряпок! — геребил его Богода. — Не буду тянуть кота за хвост. Держи!

Он протянул телеграмму: «Отец больнице очень плох наверное скоро умрет». Подписи не было.

— Полетишь? — спросил Богода.

— Да-да. Ты-ы! Что ты!

— Тогда я пошел. Попробую все быстро оформить. Разрешение на вылет, отпуск и все остальное. Учти, лететь будешь дней пять. Такое время.

— Да-да, учту, — сказал Баклаков. Что-то треснуло, возникла какая-то щель. Он думал не о себе — об отце, как он сейчас лежит в маленькой сельской больнице, и никого нет, друзей у отца не было, и вообще сейчас никого не было, кроме него, Сергея Баклакова, сына Александра Баклакова.

Богода как-то незаметно ушел. И тотчас постучала Сергушова.

— Здравствуй По-моему, я до сих пор пьяная. Похмелиться не желаете, сударь?

— Нет! Спасибо. Здравствуй, — сказал Баклаков. — Ты-ы!

— Что случилось?

— Ничего!

Она была очень бледна, видно, с нездорового сна, с вчерашних сигарет. Но губы и веки уже накрашены, на голове платочек. Она увидела телеграмму и прочла ее. Закурила, женским жестом поправила волосы под платком и сказала:

— Я сейчас пойду в здешнюю редакцию, сяду на телефон. Узнаю все про самолеты на сегодня и завтра. Добуду тебе машину на аэродром. Что еще надо?

— Узнай, пожалуйста, про самолеты. А машину где ты достанешь? Если вдруг самолет. Навигация. И вообще... Ты-ы!

— Я что угодно достану, когда требуется.

Сергушова раздобыла ему бесплатное место в каком-то внереисовом ИЛ-14, который должен идти до Москвы. Редакционный «газик» привез их прямо к самолету. Моторы были уже расчехлены, вместо трапа — железная лесенка.

До Москвы он летел четверо суток.

Баклаков сошел на станции перед разъездом. Скорые поезда на разъезде не останавливались. Со станции можно было или пройти по шпалам восемнадцать километров, или доехать на товарном. Он вышел на пути и посмотрел на ряд товарных составов. Без дежурки не обойтись. В дежурке на станции Баклакова знали по тем временам, когда он приезжал из Москвы в фирме геологоразведочного института. В отличной форме с бронзовыми погончиками и буквами МГРИ на них.

Дежурный сидел у селектора спиной к нему. Справа разноцветными лампочками горела схема автоблокировки.

— Диспет-чер! Дай бабу на веч-чер! — говорил дежурный старую, как паровоз Ползунова, шутку. — Принимаю семьсот тридцать первый на девятый путь. Одна тыща полсотни десятому отправление готово...

— С какого пути пойдет? — спросил Баклаков.

— А тебе-то, милок, какое дело? — повернулся к нему дежурный.

— На разъезд надо. Я сын Баклакова.

— Оквадрател гы чой-то, парень. И не узнать. Беги на третий. Даю отправление.

Сергей быстро пошел.

— Не прыгай, — крикнул вслед дежурный, — перед разъездом дам ему желтый свет. Небось маленько-то сбавит.

От вятской речи дежурного у Сергея потеплело на душе.

На площадке товарного вагона он смотрел на знакомый лес, избеганный вдоль и поперек с ружьем или грибной корзинкой. Вот переезд и

желтая песчаная дорога в село, куда он бегал в школу. Поезд сбавил ход, и Баклаков прыгнул в мягкий песок откоса.

У стрелочной будки маячила знакомая фигура — Алексей Гаврилыч, старый хрен и бабник. Стрелочник перевел стрелку, посмотрел на него и ушел в будку — не узнал. Баклаков зашел вслед за ним. Пахнуло чаем, самосадом, закрученным в газету, и вагонной смазкой. Стрелочник протянул ему крестьянскую руку и сказал:

— Что долго ехал-то, Сергей Александрович? Два дня как похоронили...

...Он долго сидел в маленькой комнате, в которой прожил пятнадцать лет. Комната была грязной, давно не беленной. На столе — запыленные пузырьки с лекарствами. Видно, отец давно болел. Огромная печь занимала половину комнаты, остальную часть занимали комод и кровать. Он забыл, что они жили в такой бедности. Запаянный таз под рукомойником, баранье одеяло на кровати. В комод, в нижнем ящике, лежали его железки, открученные от военного имущества, лески, порох и дробь.

Он нашел альбом с фотографиями: отец — бравый телеграфист, мать — учительница, в длинном белом платье, какие-то чеховские времена, давно все это было, даже не верится, что это его родители.

Когда-то Баклаков размышлял на тему: крестьянский он сын или сын служащих. Отец самоучкой из деревни пробился в телеграфисты. Был в армии Брусилова, погибал в Мазурских болотах и первым в армии принял телеграмму об отречении царя. Но когда отца избрали председателем солдатского комитета, он использовал служебное положение, чтобы приложить полковую печать к удостоверениям об увольнении всем, кто хотел, в том числе и себе. И вернулся в деревню крестьянствовать. Из деревни его извлекла мобилизация на восстановление разрушенных железных дорог. Одно время ему предлагали заведовать губернской радиостанцией. Отец отказался «из-за болезни», — так с усмешкой объяснял он. И прожил жизнь дежурным по станции. Мать умерла сразу после войны. Та, чеховская гимназистка, была только на фотографии. Сколько Баклаков помнил, мать была неотличима от крестьянской женщины. Загорелое морщинистое лицо, раздутые работой и ревматизмом руки, кчрзовые сапоги, платок, телогрейка. Она ходила по глухим лесным деревням, ликвидируя безграмотность. В зимние волчьи ночи мать брала с собой «вильцы», двузубые небольшие вилы, которыми разбрасывают на полях навоз. В военные годы казалось, что волки всего мира собрались в вятских лесах. Преподавала в начальных классах, вела приусадебное хозяйство: на зарплату семью было не прокормить. Баклаков вдруг подумал об их полярной гордости, их суперменстве и уверенности, что они — соль земли. А ты ходил по лесным деревням в зимние ночи, из ночи в ночь, когда волчьи стаи нагоняли ужас на всю округу? «Бог мой, бог мой, — с отчаянием думал Баклаков. — Почему я не понимал этого раньше?»

Пришла тетя Ариша, жена стрелочника, Алексея Гавриловича.

— Очужел ты чтой-то, Сергей Александрович, — сказала она.

— Нет, тетя Ариша. Я все такой же, — ответил Баклаков.

— Времена-то пошли. Отцы без сыновей умирают, — тетя Ариша всхлипнула, вытерла глаза углом платка и вышла. — Молоко у меня на плите.

Кладбище было так же осенним. Это было кладбище древнего и богатого торгового села с множеством каменных памятников. На могиле отца стоял деревянный столбик со звездочкой. Такой же столбик — у матери. Если бы Баклаковы были крестьяне, наверное, на их могилах стояли бы кресты. Так чей же он сын: служащих или крестьян?

— Кретин проклятый, — с яростью сказал Баклаков. — И тут ты лишь своим самолюбием занят. Про себя выясняешь. Ты — сын почтенных людей, и этого хватит.

Андрей Макарович, учитель математики, встретил его со старческой хлспотливостью: загремел чайником, начал накачивать примус. Андрей Макарович постарел очень сильно. В нем укрепилась уютная стариковская согбенность, которой не имел никто в Поселке. И примус здесь шумел по-иному, и иной вкус чая, без горечи и острого железного привкуса. Баклаков видел в окно березу, с которой покорно падали листья.

— Ты, Сережа, сейчас героически работаешь в Арктике, летаешь на самолетах и открываешь месторождения. Не тянет домой? Я помню, ты же был страшный охотник. В леса не тянет? Твоя родина здесь. Или сейчас у вас везде родина?

— Зря вы насчет героики. Это не героика, а несправедливость. Работа наша легче работы любого колхозника. Денег мы получаем в несколько раз больше. Я за месяц получаю столько, сколько мать получила за полгода. Справедливо? Еще вдобавок про нас песни поют, книжки пишут, по радио говорят. Причем не по делу. Точно мы туристы, и наша главная цель — пройти из точки А в точку Б. И чтобы котомка была большая. А насчет родины, так вы поставьте меня какой-нибудь латиноамериканской страной заведовать — я все равно вятским останусь. От этого не уйти.

— А зачем уходить-то, Сережа? Стыдиться тебе нечего. Москва и то на вятской земле стоит. Только я не понял: ты профессии своей, что ли, стыдишься? А я школьникам объясняю: вот за этой партией сидел Баклаков Сережа, ныне полярный геолог. Покоритель льдов, так сказать.

— Этого я и стыжусь. Незаслуженной чести. Я ни черта не сделал еще. А работа наша вроде охсты. Только на охсту ты бегаешь ради удовольствия, а у нас за это почет и зарплата. Почему же никто не скажет про мать, вы лучше меня знаете, как она работала.

— Не знаю, Сережа. Ты лучше об этом не думай. Историю задним числом не исправишь. Ты лучше помни, что я говорил и буду говорить ученикам про полярного геолога Баклакова. Будь сам памятником отцу.

— А если не получится памятник?

— Живи честно. Не нравится мне, как ты говоришь о работе. Гордыня в тебе появилась. Или ошибаюсь?

— Мы все там гордыней живем. Такая обстановка. Мы там все исключительные. То ли песенки про последнюю спичку на нас влияют, то ли мы сами их помогаем выдумывать.

— Если почувствуешь плохо, возвращайся, Сережа. Здесь вашу фамилию помнят, упасть не дадут. И избави тебя бог начать пить. От гордыни многие пьют.

— Для возвращения нет причин, Андрей Макарович. Я ведь вятский, а значит упрямый.

...Когда он вернулся домой — через вечерний шуршащий осенний лес, — все в комнате оказалось прибрано, печь истоплена, на столе стояло молоко, тарелка с огурцами. Пришла гетя Ариша, принесла горшок с вареной картошкой. Она снова всхлипнула, вспомнив, видно, про отцов, которые умирают без сыновей, выправились и сказала:

— Чего-то с вами города делают, не пойму. Будто не русские вы становитесь. Летось гостила у Николая Светка, двоюродная племянница. Прямо присохла ко мне. Говорю — удивляется. Корову дою — удивляется. Поросянок морду в корыто сунет — ей смешно. Иконы у меня увидала — я от бога-то, ты знаешь, не отказалась, — какая, говорит,

прелесть. Пре-е-елесты! — ехидно протянула тетя Ариша. — Будто монголка или немка какая. Про иконы-то! Пре-е-е-елесть...

— Ерунда это все, тетя Ариша. Это она так. Несерьезно, — сказал Баклаков.

Пришел Алексей Гаврилович, принес бутылку водки.

— Давай, Александрович, обмоем усопшего, — торжественно сказал он.

Тетя Ариша ушла.

— Не могу, — сказал Баклаков. — Меня отец от выпивки очень сильно оберегал.

— А я выпью, — Алексей Гаврилович налил полный стакан. — Царство небесное Александру Михалычу. Земля пухом. Мужик был серьезный.

Выпив, Алексей Гаврилович сразу же закричал:

— Ты думаешь мы, вятские, што? Из лыка выплетены, как лапти? Не-ет! Из вятских сколько известных людей вышло? Сергей Миронович Киров, то будет раз... Счас насчитаю, погсдь. Ты там в своих северных стратосферах гордо себя веди.

— Я гордо себя веду, — кратко сказал Баклаков.

...Ночью он не мог заснуть. Мать — гимназистка в белом платье, отец — бравый унтер-офицер с закрученными усами и штыком на поясе, в результате получается полярный геолог Сергей Баклаков. Забравшись под баранье одеяло, он вдруг с неопровержимой ясностью понял, что отныне на содержании и в заботах Сергея Баклакова остался один Сергей Баклаков. И единственное, что у него есть, — это комната на берегу Ледовитого океана, дерматиновый чемодан молодого специалиста и трудовая книжка с тремя благодарностями по числу полевых сезонов. Сергей Баклаков встал, умылся, завернул в старую газету альбом с фотографиями и пошел будить сонную тетю Аришу. Он сказал ей, чтобы взяла из вещей что понадобится. Пешком он отправился на станцию, где останавливались пассажирские поезда. Он шел длинной сельской дорогой через лес и поля. Баклаков знал, что вряд ли вернется сюда, но эти молчаливые ночные сосны, облетевшие березняки, сумрак сжатых полей всегда останутся с ним, и где бы он ни был, чем бы ни занимался он в жизни, за спиной его всегда есть вятская земля и могилы предков на ней.

14

Куценко мыл грунт до тех пор, пока не иссякла вода в ручье. После этого он сжег «проходнушку», чтобы не оставалось следов, и перешел на лоток. Стояли холодные дни. Все окрестные сопки и верховья реки уже засыпал снег. Вода в заводах замерзла. Он мыл лотком до тех пор, пока лоток не начал леденеть во время работы. Обледеневший лоток не держал грунт, и Куценко перенес к реке примус. Он прекратил работу лишь тогда, когда и примус перестал помогать.

Куценко впервые в жизни выполнял не приказ, а личную просьбу Чинкова. Потому себя не жалел. С Чинковым судьба свела его в послевоенные годы. На фронте Куценко не был: он служил в охране морского порта «Северстрой». После демобилизации он остался, чтобы подзаработать на шурфах перед возвращением на разоренную войной Украину. Неизвестно, за что выбрал его Чинков. Может быть, за взгляд, горевший дисциплинированной преданностью, может, за неиспорченную анкету охранника. Чинков дал ему в руки лоток, и к лотку Куценко отнесся с истовой положительностью, как относился к службе.

Его звезда взошла, когда он делал контрольный маршрут по ручью Надежда. Ручей этот другие промывальщики объявили пустым, но Чинков исповедовал принцип «доверяя, проверяя многократно». Куценко провозился на ручье вдвое больше положенного и намыл золото: он знал, что, по убеждению Чинкова, золото на Надежде есть. С того времени он стал Климом Алексеевичем. И как раз тогда же оборвались нити, связывавшие Куценко с «материком». Он получил письмо, что жена его ведет себя «неправильно». Куценко осмелился и рассказал обо всем Чинкову. Впрочем, в этом был и хитрый мужицкий расчет: начальнику все как на духу. Чинков лично добыл ему пропуск и дал денег. Почтение односельчан к деньгам и вольному, «сильному» поведению лишь больше разжигало Куценко. Он вернулся на неделю раньше назначенного Чинковым срока. Три года Чинков беспощадно тренировал его: заставлял еще до промывки угадывать, есть или нет золото в данном месте. Но Куценко и сам вошел во вкус игры, сросся с лотком, и снились ему отвалы, косы, отмели и сланцевые щетки. С хохлацкой хитростью Куценко решил для себя: судьба его зависит от судьбы Чинкова. Став знаменитым промывальщиком, Куценко никогда не возражал, не дерзил начальству, не спорил даже с замурзанным техником. Но выполнял он только приказы Чинкова. Он и сам не заметил, как превратился в экспедиционного кадра, который умеет все: сготовить обед из ничего, подстрелить и разделать лося, натянуть искусно палатку, ходить по двадцать часов в день, разжигать костер в любую погоду, терпеть холод и комаров. Но главное—Куценко чувствовал речную долину. Он хранил, берег и таил в себе этот дар. В полусонных мечтах он видел себя в должности инженера. А почему нет? Илья Николаевич Чинков все может.

...Закончив промывку, Куценко с опустевшим рюкзаком пошел к базе Монголова. На базе, как заверил его Чинков, его будут ждать двое рабочих. Мелкий снег падал на мертвую долину Правого Эльгая. До базы Монголова было около сорока километров, но Куценко не волновался. Если Илья Николаевич сказал, что будут ждать двое,— значит его ждут там двое. И еще несколько раз Куценко останавливался, сбрасывал легкий рюкзак и быстро мыл шлих: грубая работа, рассчитанная на самородок. И дважды заледеневшими пальцами вынимал из лотка обкатанные пластинки грамма по полтора. Куценко снова влезал в лямки рюкзака, вешал на шею винчестер и шел дальше. Но темная работа мозга продолжалась, и он автоматически отмечал заброшенные паводком куски торфа, крупный и мелкий галечник, перекаты, обнажившиеся из-за зимнего иссякания воды.

15

На другой день после того, как вернулась партия Жоры Апрятина, Жору вызвал Чинков. Жора в длинном свитере с широким воротом, в узких брюках более, чем всегда, походил на школьника.

— Доложите о выполнении моего задания, — Чинков монументально сидел в своем тронном кресле и не смотрел на Апрятина.

— Доклад очень короток. Ни черта нет, кроме знаков.

— Это не ответ инженера, Апрятин, — глухо сказал Чинков. — Составьте мне предварительный отчет на нескольких страницах. Приложите карту шлихового опробования и расположение шурфов. Вы свободны, Апрятин. Срок — неделя.

Сразу же после Апрятина Чинков вызвал начальника отдела кадров. Богода проскрипел протезами через кабинет и остановился у стола.

— Садитесь, — предложил Чинков. — Кто лучший тракторист в управлении?

— Дядя Костя, — сразу же ответил Богода. — Простите: Васильчиков Константин Сергеевич.

— Предупредите Васильчикова, чтобы готовил трактор. Как только трактор будет готов, проведете его к партии Копкова. Весь рейс под вашу ответственность.

— Я инвалид, — смущенно сказал Богода. — Но я, разумеется...

— Вы топограф, — следовательно, маршрут по карте проложите и не заблудитесь. Вы инвалид, — следовательно, обязаны предусмотреть все случайности. Иначе сорвете вывозку партии и погибнете сами. Вы начальник отдела кадров, — следовательно, вам полезно знать, в каких условиях трудятся наши люди. Возражения?

— Нет возражений, — сказал Богода и встал. — Разрешите идти?

— Как только трактор будет готов, доложите мне. В качестве проверки я съезжу с Васильчиковым на Эльгай. Идите.

В мехмастерских дяди Кости не было. Сказали, что дядя Костя вчера вернулся из рейса и, значит, находится в «сучьих кутках». Так звали скопище самодельных домишек, приткнувшихся по окраинам Поселка. В них жили те, кому было некуда и незачем уезжать с Территории. Дядю Костю он нашел у толстой торговки спиртом, прозванной Тряпошная Нога за обилие одежд, наматываемых в зимнее время. По неизвестной причине жадная эта баба была предана дяде Косте сверхпредельной дружбой. Мало кто знал, что Константину Сергеевичу Васильчикову, человеку седому и без зубов, всего — сорок пять. Богода это знал. Дядя Костя был когда-то испытателем танков. Ошибка его жизни состояла в том, что на третий год войны он очутился в плену, хотя в плен ему попадать было нельзя... По земле он ходил неуверенной походкой, и лишь сев за рычаги, приобретал неутомимость и крепость металла.

Говорить сейчас ему было что-либо бесполезно, и потому Богода наказал Тряпошной Ноге:

— Утром надо готовить трактор. Пойдем в дальний рейс. Сам Чинков приказал.

— К утру будет здоровый, — пообещала Тряпошная Нога и вздохнула.

Утром дядя Костя уже менял траки, сливал масло из бортовых и по своей привычке разговаривал с трактором: «Хорошая она баба. Если бы не изгиб жизни... Но разве угадаешь, где в ней, в жизни-то, скрытая трещина. Маленько нагрузки и... пополам».

Вечером того же дня дядя Костя и Чинков выехали на базу Монголова. Они двигались вначале по участку дороги, соединявшей Поселок с прииском «Западный», затем ушли в сопки, и трактор загудел прихотливым зигзагообразным маршрутом по заваленным снегом долинам, сквозь струи поземки на перевалах, по тонкому льду на недавно замерзших реках. За дорогу Будда ни разу не взглянул на карту, видно, что он уже выучил этот маршрут наизусть.

Дядя Костя молча двигал рычаги и даже не смотрел на Чинкова. Ему вполне хватало общения с трактором: всхлипов и побочных стуков мотора, неожиданных дружеских толчков рычага в ладонь, жалоб гусениц, когда между траками попадал камень. На вторые сутки на перевале Столбчатом они попали в пургу. Косо идущий снег закрывал все впереди, и Чинков приказал остановиться. Они стояли всю ночь. Чинков дремал, дядя Костя безучастно смотрел перед собой и слушал мотор. Утром дядя Костя все-таки задремал на минуту, а очнувшись, ощутил

на себе внимательный взгляд Будды. Глаза у дяди Кости были почти ярко-красными. Он достал из-под сиденья примус и сварил чифир.

— Будете, начальник? — вежливо спросил дядя Костя.

— Не откажусь, — сказал Будда с усмешкой. Выпил полкружки чифира и спросил: — Что будем делать?

— Что прикажут, — так же вежливо ответил дядя Костя.

— Попробуем. Сейчас чуть правее, вниз, к реке. Далее по долине.

Через пять минут трактор невесомо и бесконечно проваливался в белую мглу. Последовал удар, и все стихло. В кабине стало темно.

— Васильчиков, жив? — спросил Чинков.

— А что со мной может случиться? — тихо и очень спокойно ответил дядя Костя. — Раз двигатель работает, я жив.

— Газ выхлопной, — сказал Чинков. — Двигай, а то задохнемся.

Трактор забуксовал, но потом толчками все же пошел вперед, и вдруг они очутились среди яркого света. Васильчиков остановил трактор. Позади лежал снежно-белый рыхлый откос с темным отверстием вверху, куда они провалились, и такой же пещерой, откуда вышли. Вдоль реки дул ветер, и на их глазах снег замуровывал пробитые машиной дыры в сугробе.

— Везет, — весело сказал Чинков.

Дядя Костя ничего не ответил.

Ночью они добрались до базы. Чтобы не глушить мотор, посадили дежурить Седого. Сам дядя Костя залез в его еще теплый мешок и заснул мертвым сном. Утром он увидел два лыжных следа: Чинков и Куценко ушли вверх по реке. Вернулись они к вечеру, оба оживленные, очень похожие друг на друга. Чинков вынул бутылку спирта, отдал ее Седому, чтобы тот на глаз разделил всем, и, взяв кружку, вдруг блеснул удивительно ясной улыбкой: «Ну, товарищи, за удачу!».

И все — «завязавший» уголовник Седой, шурфовщик Менялка, тракторист дядя Костя — вдруг покосились на сиявшего отраженной улыбкой Куценко и поняли, почему он за глаза и в любой обстановке предан главному инженеру. Каждый из них по-разному, но вообще-то одинаково сформулировал про себя мысль о том, что главного инженера подводить не стоит. И так возникло новое дополнение легенды о Будде, главном инженере геологического управления Поселка. Вариант этот можно означить так: «Жестко стелет, но жить с таким можно».

Но в легенду о главном инженере не вошла сцена, в которой, вернувшись с Эльгая, он из окна кабинета наблюдал за отправлением дяди Кости в дальний рейс к партии Копкова. Дядя Костя ушел в тот же день, точно и в самом деле был семижилый. Отправлявшийся с ним Богода побрился, чтобы случаем не поморозить лицо, помолодел и был легким. Все это Чинков видел из-за шторы.

16

Чинков вызвал к себе Монголова. Тот появился в оранжевом свитерке под пиджаком, сухой, стройный, — со спины просто мальчик. Чинков сидел в кресле и вежливо приподнялся, как только Монголов зашел в кабинет.

— У меня есть для вас предложение, Владимир Михайлович, — сказал он.

— У меня также, — с какой-то даже легкостью ответил Монголов.

— Слушаю вас.

— Вот. Просто рапорт. — Монголов вынул из кармана сложенный вчетверо листик бумаги.

— Рапорт, вероятно, адресован начальнику управления Фурдецкому, — поморщился Чинков. — Если не затруднит, расскажите на словах.

— Прошу через месяц разрешить отпуск. Я болен. После отпуска прошу откомандировать меня в распоряжение прииска. С прииском вопрос согласован. Личное обоснование: я — оловянщик и должен заниматься касситеритом.

— Этого не будет, Владимир Михайлович. Ни отпуска, ни прииска, — тихо сказал Чинков. — Вы нужны здесь.

— Зачем?

— Я предлагаю вам возглавить разведку на россыпное золото в долине реки Эльгай.

— Это несерьезно, Илья Николаевич, — чуть поспешно возразил Монголов. — Люди, деньги. В конце концов, само золото. Я не буду участвовать в авантюре.

— А если приказ?

— Впервые в жизни отвечу на приказ медицинской справкой. Не заставляйте меня это делать.

— Днями я улетаю в Москву. Прошу не подавать рапорт до моего возвращения.

— Что это изменит?

— Сердце что-то, — продолжил Чинков. — Вот слетаю, схожу к врачам.

Под окном управления взревел трактор, по коридору раздался топот многих сапог.

— По-моему, вернулась партия Копкова, — сказал Чинков. — Пойдемте, глянем на киноварь.

Они спустились вниз. У входа в управление стоял обсыпанный снегом трактор. К нему были прицеплены перекособоченные, затянутые брезентом сани.

Из кабинки выскочил Копков в прожженной меховой куртке, без шапки. Он огляделся и запустил руку в черную с проседью шевелюру. Потом помог вылезть Бободе, который из-за протезов не мог спускаться по гусеницам. Вместе с Бободой они обошли затянутые брезентом сани. Копков отвязал веревку и открыл брезент. Из саней неторопливо полезли его кадры, истощенные, с черными от мороза и грязи лицами.

— Счас будем разгружать или после? — спросили Копкова.

— Разгрузят без нас, — ответил Копков.

Дядя Костя повел трактор к управленческой лаборатории. Все любопытные потянулись туда, всем хотелось посмотреть на копковскую киноварь.

— Ребята, — сказал Копков, — тут ее меньше тонны. Перетаскайте в коридор.

Дядя Костя ходил вокруг трактора, вслушивался в подрагивающий рокот мотора, трогал ослабевшие траки.

— Ничего, доехали. Я тебе говорил, что доедем. Я боялся, что ты клапана порвешь. Ты ничего, удержался, — говорил трактору дядя Костя.

Копковские кадры цепочкой, точно дисциплинированные привидения, вошли вслед за начальником в управление и следом за ним вернулись обратно. Правилom Копкова было проводить отгульные дни вместе с рабочими, хотя Копков совершенно не пил.

Ящики с рудой рдели на снегу, как цветы. Чинков быстро выхватил из одного несколько крупных кусков киновари. Монголов наблюдал за ним. Чинков рассматривал киноварь и улыбался. Кончики губ загнулись вверх, и на темных щеках обозначились даже ямочки.

— Я подожду вашего возвращения, — неожиданно для себя сказал Монголов.

На другой день Чинков вылетел в Москву. Официальным обоснованием поездки было направление на обследование сердца, выданное поселковой поликлиникой. Летел Чинков за свой счет. Предложение Фурдецкого оформить через Город командировку он отклонил. Чинков действительно выглядел плохо. К обычной тяжеловесной замкнутости его прибавилась какая-то угрюмость, и он похудел так, что под глазами повисли мешки и одрябли темные щеки. «Как ржавый амбарный замок», — пустил кто-то по управленческим коридорам.

Генрих Фурдецкий и на минуту не допускал, что Чинков вылетел из-за болезни. Шла неизвестная и большая игра. Фурдецкого обижало, что Чинков не посвящает его в свои планы. Разве он не доказал свою преданность управлению? Разве не Фурдецкий добыл снаряжение для будущих полевых партий, разве не он прикрыл «барак-на-косе», не он добыл вездеходы? И это только начало.

Как назло, через день после отлета Чинкова по радиосвязи его вызвал Робыкин.

— Куда запропастился Чинков? — спросил Робыкин. — Вторые сутки не могу его вызвать на связь. Прием.

Фурдецкий понял, что в Город все же кто-то «стучит». Он решил валять ванечку.

— Полученные вездеходы полностью зарекомендовали себя в условиях полярного бездорожья, — с натренированной бодростью прокричал Фурдецкий. — Полевики говорят вам спасибо, товарищ Робыкин.

— Где Чинков? Прием.

— Вылетел в больницу из-за плохого состояния сердца. Все полевые партии благополучно вернулись, товарищ Робыкин.

— Вы что же, Фурдецкий, автономию там развели? Отвечайте. Прием. — Сейчас Фурдецкий слышал даже дыхание Робыкина.

— Какая может быть автономия, товарищ Робыкин? Предварительный отчет высылаем через неделю лично вам, — прокричал Фурдецкий.

— Желаю коллективу управления успехов. Отбой. — Видно, Робыкин понял, что ничего от Фурдецкого не добьется.

Фурдецкий отер пот и теперь уже знал, что все пути к отступлению отрезаны. Он впрягся в упряжку Будды. В том, что Чинкову все донесут, он не сомневался. Пусть знает. Фурдецкий обошел все кабинеты полевых партий. Все-таки это его, Фурдецкого, управление. Полевики настороженно приветствовали Фурдодуя. Ничего. И они поймут. Надо устроить хороший вечер. Отметить. Произнести речь.

И Робыкин, и Фурдецкий изумились бы, если б увидели во Внукове выходящего из самолета Чинкова. Каторжный воздушный путь эпохи, когда о ТУ-104 еще не знали, не умотал его, а омолодил минимум на десяток лет. Чинков шел весело и настороженно, как, допустим, может идти по следу раненого медведя верующий в удачу охотник. В руках Чинков нес лишь небольшой портфель. На стоянке такси была очередь. Но Будда каким-то неуловимым жестом дал знак шоферу и прошел дальше к облетевшим березкам. Таксист подкатил, Будда мгновенно шлепнулся на сиденье, положив портфель рядом, и они помчались через березовые леса внуковского шоссе в Москву.

«Северстрой» имел в Москве собственную гостиницу. Как и свое представительство, вроде иностранного государства. Но Чинков остановился в «Национале» и в представительство не пошел. В номере он сходил в душ, переоделся и позвонил. Такси ждало его внизу, и Чинков поехал на Красную Пресню. Легкая улыбка не сходила с его помоло-

девшего лица, и с той же улыбкой он направился к Сидорчуку, в прошлом кадровому северстроевцу, ныне заместителю министра.

Сидорчук был старше Чинкова. В свое время он с любопытством и симпатией наблюдал, как этот юный и тяжеловесный нахал, точно каменный столб в бамбуковой роще, возник и утвердился в рядах «Северстроя». Именно Сидорчук подал мысль о выдвижении Будды на соискание Государственной премии, и именно он санкционировал его переход в Поселок, так как не верил ни одной из причин, которыми в самом «Северстрое» объясняли переход Чинкова. Сейчас он чувствовал, что внезапный звонок и просьба о встрече так или иначе связаны с Территорией.

Чинков вошел в кабинет Сидорчука, сияя улыбкой. Они поздоровались дружески, так как настороженная симпатия их была взаимной. Будда, посмеиваясь, оглядел кабинет, как будто никогда не бывал здесь раньше, а Сидорчук подумал о том, что в главном инженере Поселка пропадает крупный актер. На него уже действовало назлектризованное состояние Чинкова.

— Удивляешься визиту? — вежливо осведомился Чинков.

— Нет. Рыбкин уже дважды звонил. Интересовался.

— А ты что ответил?

— Я же не знал, что ты ко мне прилетаешь. Что я должен был отвечать?

— Да, сердце пошаливает, — казалось, Чинкова безмерно радует и это сердце, и звонки Рыбкина. — Попроси секретаршу, Ваня, чтобы никого не пускала.

Сидорчук выполнил просьбу и уставился на Чинкова с улыбкой, как будто ждал фокуса.

Чинков вынул из школьного портфеля газетку и разостлал ее на столе. На газетку он выложил несколько кусков почти чистой киновари. Киноварь — минерал древних художников и алхимиков — рдела на столе. Сидорчук, в прошлом отличный минералог, забылся на время и долго рассматривал образцы.

— Чудесная киноварь, — сказал он.

— Копков утверждает, что там месторождение мирового значения.

Чинков отодвинул занавеску, закрывавшую карту Территории «Северстроя», и ткнул пальцем.

— Ты там был? — спросил Сидорчук.

— Нет. Вот фотографии месторождения. Жаль, не цветные. Копков утверждает, что сопка почти целиком состоит из киновари. Он ее тонну привез. Просто прошелся, поднял и привез. Представляешь: сопка — и целиком из киновари.

— Так уж и целиком?

— Не веришь, не надо, — сказал Чинков и безразлично отодвинул киноварь в сторону. Он вытащил из портфеля мешочек, развязал его на коленях и вдруг высыпал на газету грудку золотого песка, перемешанного с самородками. «Килограммов около трех, — машинально отметил Сидорчук. — Лотком, что ли, намыто, крупная фракция».

— Это что? — спросил Сидорчук.

— Это золото, которого нет.

Им не надо было объясняться между собой. Сидорчук молча взял маленький пластинчатый самородочек, бросил его в кучу.

— Что тебе надо, Илья? — спросил он.

— Деньги. Большие. И еще раз деньги. Там ныряющая россыпь. Без крупной разведки ее не найдешь. С деньгами мы дадим уникальное месторождение.

— Ты из-за этого прилетел?

— Рискую, — вздохнул Чинков. — А ты уже все? Уже не хочешь рискнуть?

— Ты сам веришь? Подо что тебе нужны деньги? Почему не обычным порядком?

Чинков пожал плечами. Не имело смысла отвечать на этот вопрос. — Ты тайно приехал?

— Да! И золото добыл тайно. Они там закопались с Рекой. Через них я бы к тебе не попал. У них вся перспектива до конца века уткнулась в Реку. Она их прославила и взрастила. Не оторваться им от Реки.

Сидорчук посмотрел на Чинкова. Тот уже снова сидел отяжелевший, серьезный, со спрятанными глазами, и на Сидорчука, выдавшего жизнь и людей, пахнуло чертовщиной, таинственной силой, напугавшей когда-то Монголово.

— Дай подумать, — сказал он.

— Думай до вечера. Вечером с тобой ужинаем. Пожалуйста, без жены. Вообрази, Иван, что тебе сейчас тридцать и у тебя все впереди.

— Ты знаешь, что у министерства сложные отношения с «Север-строем»?

— Я все знаю. Но я нашел россыпь. Доказательства — перед тобой. На Территории есть золото. Чтобы доказать всем, нужны деньги. Тут не азбука, как на Реке. Без денег сто лет не докажешь. И если ты не поможешь, никто не поможет.

— Ужинать мы с тобой не будем. Ты докладную составил?

Чинков вынул из портфеля папку.

— Все, — сказал Сидорчук. — Сегодня вечером я ее изучаю. Завтра или иду, или не иду к министру.

— Надо идти, — сказал Будда.

— Еще одного лауреата хочешь?

— Нет. Все это суета и тлен. Просто приближается возраст инфарктов. А когда инфаркты, разве в драку полезешь? Разве кто примет тебя всерьез, если у тебя рот перекошен и аптека в кармане? А пока ты принимай меня очень всерьез. Записки у меня две: на киноварь и на золото. Но все деньги, почти все, не буду скрывать от тебя, я пущу на разведку золота. Киноварь еще не созрела. Это случайное открытие. Деньги и техника — вот что мне надо. Хоть в Совет Министров иди, но добудь. Вот мой телефон. Буду в номере постоянно.

...На другой день, во второй половине, ему позвонил Сидорчук. Они встретились в гостинице, в номере Чинкова. Чинков предложил коньяку.

— Давай, — махнул рукой Сидорчук. — Давай, авантюрист, выпьем.

Они молча чокнулись и выпили.

— Вот что, — сказал Сидорчук. — Докладная у тебя убедительная. Еще убедительнее эти 3421 грамм золота. Вот тебе расписка в получении. Чтобы на тебя уголовное дело не завели. Золото в лаборатории института минералогии. Деньги тебе можно и должно дать. Это государственный, оправданный риск. Но ты знаешь, где твое слабое место?

— Знаю, — сказал Чинков и налил еще коньяку. — В неточных будущих перспективах. Мы откроем хорошее месторождение. Но откроем ли мы новую золотоносную провинцию?

— Так! — кивнул Сидорчук. — Но начинать-то надо?

— Надо, — сказал Чинков. — Помимо интуиции, знаешь, во что я верю?

— В себя ты веришь. Неудачи предыдущих поисков происходили потому, что ими занимался не ты.

— Так! — усмехнулся Чинков.

— Лети обратно. Присылай технический проект. Официально, через «Северстрой». Деньги они получают целевым назначением.

— А отдадут? Они же все помешаны на Реке. Они ее создали и не хотят с ней расстаться. Они, кстати, тоже правы.

— Я все-таки на что-нибудь годен, — устало вздохнул Сидорчук.

— Я знаю Реку, — напряженно сказал Чинков. Он весь налился тяжелой кровью, еще более потемнел. — Я знаю Реку, Иван, и не верю в разговорчики, что она кончилась. В Реку надо вкладывать деньги, и она ответит хорошим золотом. Но рано или поздно она кончится. Срок этот обозрим. Что дальше? Необходима новая золотоносная провинция. Государство обязано рискнуть десятком-другим миллионов.

— Оно рискнет. В случае неудачи государство потеряет десяток миллионов. Ты потеряешь все. Тебя не будет.

— Не пугай. Одно месторождение я все равно дам. Я должен дать их много, провинцию, золотоносный узел. Вот где начинается риск. Правда, я присмотрелся к кадрам. С ними можно рискнуть.

— Где? Как? — спросил Сидорчук. — Все-таки многие по Территории шлялись с лотком. Как ты добыл эти три килограмма? Они ведь решили вверху. Я их тоже с шиком на стол высыпал. «Вот золото, которого нет». Как ты добыл их?

— Не я их добыл. Есть у меня промывальщик. С виду — ничто. Но гений. На отмели в сто метров он берет одну лопату грунта, но именно ту, где лежит единственный на отмели самородок.

За окном шумел город. Настольная лампа давала приглушенный свет, и каждый из двух пожилых мужчин в номере думал о силе, которая заставляет их рисковать, тревожиться, лезть на рожон... Их давно не интересовали личные деньги, зарплата, и даже честолюбие с возрастом как-то прошло. Силой этой называлась работа. Но что такое работа? Кто может дать этому краткое и всеобъемлющее определение? Страсть? Способ самоутверждения? Необходимость? Способность выжить? Игра? Твоя функция в обществе? И так далее, до бесконечности.

— Когда меня хватит третий инфаркт, — сказал Чинков, — я хочу в этот миг перед смертью знать, что выполнил почти все, к чему был предназначен. На этом точка. И знаешь: огради меня на первых порах от Города. Всегда ведь найдется пяток людей, которые будут ставить палки в колеса, чтобы в случае провала заявить: «Я предупреждал, что средства уйдут на ветер». Но они будут ставить их умело, чтобы в случае удачи заявить: «Я всегда верил в Территорию и помогал, чем мог». Ты знаешь это лучше меня. У тебя уже есть канцелярский опыт.

— Я все-таки на что-нибудь годен, — повторил Сидорчук.

Чинков глянул на этого седоволосого, уже по-министерски мягкого, уже с животиком и руками, сложенными на животике, на этого человека с умным, но уже совсем городским лицом, вспомнил, как видал его опухшего от комаров, в драной штормовке и с цепкими движениями лесовика, и, вздрогнув от предчувствия, подумал, что ему не дожить до городского состояния, не суждено.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что если россыпь, если золотоносный узел там есть, его все равно найдут? Через пять, через семь, через десять лет. Его неизбежно найдут в ходе планомерной съемки.

— А зачем я тогда? Зачем кадры, которые выучены и могут работать больше, чем лошади? Им тесно на олове. Мне тесно в твоей грядущей методике. Эти кадры скоро выйдут в тираж. И я скоро выйду в тираж. Простит ли тебе государство, что ты не использовал нас до конца? Через семь лет... А если это золото потребует... сегодня вечером?

— Ты к тому же и демагог. Но я на твоей стороне. Знаешь, о чем я мечтаю? Поступить куда-нибудь «тыбиком».

— Что это за должность?

— Ну, есть такая хорошая работенка. «Ты бы сбежал». Сокращенно «тыбик».

— Именно, — усмехнулся Чинков. — Там, в Городе, давно хотят из меня «тыбика» сделать. Но я сам из них сделаю...

— Не хвастайся до. Хвастайся после... С Городом ты справишься. Ты справишься с природой.

— Прилечай к нам. Поживешь на разведке. За куропатками сходишь. И, может быть, дашь совет... Или уже нет?

— Уже нет. Для экспедиций я кончился. Для них я вышел в тираж. Но и здесь, как видишь, работенки хватает.

— Черт! Ах черт! — Чинков постучал себя по коленке. — Все обдумал, рассчитал все ходы, все варианты. Но не думал, что так легко охмурю тебя. Не предвидел этого. Удивил ты меня, Иван.

— Самовлюбленный ты человек, товарищ Чинков. Пуп земли.

— Я пуп Территории. В этом и есть моя сила, — серьезно ответил Чинков. — Меня отец так воспитал. Всегда стремиться на мостик, если ты даже трюмный матрос. Но стремиться за счет своей силы. Гордый был у меня старик. Военно-морская школа.

— Знаю я все про твоего отца, — сказал Сидорчук. — Изучал в свое время анкетные данные. Я про тебя много знаю. Поэтому даю совет: побывай у Калдина в Риге. Без поддержки коллектива твоя затея ничего не стоит. Мнение Калдина очень много значит. Его уважают. Он, можно сказать, кариатидой в Поселке работает.

Чинков с сопением вытащил из внутреннего кармана пиджака картонный квадратик.

— Билет до Риги. Позавчера еще взял.

— Станный ты человек, Илья, — сказал Сидорчук. — Тебя в темноте испугаться можно. С нечистой силой ты, по-моему, дружбу водишь.

Властная манера Чинкова держать себя отстраненно от обстоятельств неизменно помогала ему. Получалось так, что если он не вникал в обстоятельства, то они просто шли навстречу ему. Чинков не смог бы сказать, как он доехал до Риги, как выглядит вокзал. Он просто покинул перрон, подошел к первой машине, и выяснилось, что шофер не прочь подработать. Клиника, в которой находится Калдинь, была расположена за городом. Они проехали к ней, и Чинкова беспрекословно пропустили. Калдинь лежал в отдельной палате. Чинков видел его несколько раз на северстроевских совещаниях, они были даже слегка знакомы. Сейчас, так как Чинков был непосредственно заинтересован, он замечал все. Его поразило, что под одеялом Калдинь казался еще выше, длиннее и еще костистее. Казалось, зеленое больничное одеяло прикрывает мощный, тяжело и прочно сделанный скелет.

— Насколько я знаю вас, мое мнение ничего изменить не может, — сказал Калдинь. Седые волосы его отсвечивали на подушке. Лицо было очень свежим и загорелым. — Я думаю, что если я предам ваши идеи анафеме, вы скажете, что я вас поддержал.

— Ну зачем же такое злодейство? — усмехнулся Чинков.

— Для пользы дела. Разве не оправдание? Но, знаете; я вас поддерживаю. Взамен...

— Что взамен? — быстро спросил Чинков.

— Не пугайтесь. Взамен вы выведете на дорогу мальчиков... Жору Апрятину и Сережу Баклакова. Я не успел. Они уже инженеры, но я хотел сделать из них геологов.

— Я сделал бы это без вашей просьбы, — не скрывая облегчения,

вдохнул Чинков. — Знаете, я верю в «метод большого болота». Подводят человека к большому и коварному болоту и дают задание сходить на ту сторону и вернуться... Болото, знаете, опасное. Трава обманчивая, трясины, окна, всякие подгнившие веточки. Если вернется — значит будет ходить.

— А если завязнет?

— Постараться вытащить, обмыть и отправить в сухие места. Мы с отцом, знаете, жили одно время в районном городке. Недалеко от Пскова. Там большие болота. Однажды отец меня так отправил.

— Похоже на вас. Это ваш почерк.

— Вы верите в золото Территории?

— Станный вопрос, Илья Николаевич. Верить или не верить можно в идеи, в комплекс каких-то методов. Золото — материальная вещь. Можно знать или не знать о его наличии. Я не знаю, есть ли на Территории золото. Мы думали это сделать иначе. Держаться за олово, чтобы оправдать существование управления. И вести планомерную методическую съемку. Чтобы потом искать в комплексе. Золото, вольфрам, ртуть. И так далее.

— Это слишком затяжной метод, — пробормотал Чинков.

— Смешно! Я в больнице, из которой, вероятно, не выйду, уговариваю вас не спешить.

— Вы еще вернетесь в управление.

— Бросьте, Чинков. Я мало вас знаю, но думаю, что вы неплохой актер. Только роль утешителя вам не подходит.

— Я буду рад работать с вами, — Чинков встал.

— Это не страшно, Чинков. — Калдинь приподнялся на локте, и костистое, стариковское тело еще резче обрисовалось под одеялом. — Вы знаете, не страшно. Большую и лучшую часть жизни я занимался изучением горных пород. Смерть — лишь переход из мира биологического в мир минералов. Таково преимущество нашей профессии: смерть не отъединяет, а объединяет нас с ней.

— Я верю, что... — упрямо пробубнил Чинков и осекся, услышав смех.

Калдинь смеялся.

— Вы лучший посетитель из всех. Ко мне много приходит друзей. Но вы единственный из всех, кто даже не спросил, чем я болен. Не надо извинений, Чинков. Все правильно. Теперь я спокоен за управление. Вы бросите на пол свой собственный труп и сами через него перешагнете, но управление достигнет цели. Я искренне рад.

— И я все-таки верю, — глухо сказал Чинков. — Я верю в золото Территории.

Он повернулся и вышел из палаты.

— Не забудьте о мальчиках, — крикнул вслед Калдинь.

Гурин и Сергушова познакомились вскоре после отлета Баклакова на похороны отца. Она все еще продолжала жить в бараке, который постепенно заполнялся бородатыми, раскованными мужчинами, грохотом радиоприемников, выставленными у дверей резиновыми сапогами, чайниками, круглые сутки кипевшими на кухонной плите, пальбой по подброшенным в воздух пустым бутылкам из пистолетов — нечто среднее между студенческим общежитием и приключенческим фильмом. Комната Баклакова была ближней к выходу, и однажды она увидела в ней свет. Она постучалась. На койке сидел очкастый и веселый человек.

— Бог мой! Заходите, — приятным баритоном сказал он. Выкинул в форточку сигарету и прикрыл ладонью дырку на свитере, другой рукой он церемонно указывал на койку Баклакова, приглашая садиться.

— Живот болит? — насмешливо спросила Сергушова.

— Не будем таить честную бедность, — Гурин отнял руку от дырки.

Она засмеялась. Ей почудилось какое-то злодейское очарование в этом лысеющем, с короткой стрижкой, лобастом мужчине. Меж тем Гурин извлек выучный ящик из-под кровати, на ящик постелил газету «Юманите», на газету поставил вынутую из чемодана бутылку коньяку «Наполеон» и две позолоченные стопки.

— Коньяк требует позолоченной посуды, — сказал он. — Только тогда он дает цвет.

— Вы здесь будете жить?

— Постараюсь здесь. Вы сидите на койке моего коллеги и приятеля Баклакова. Он не успел поставить мебель, потому что отбыл в деревню, в родовое поместье Баклаковых.

Неизвестно почему она промолчала, что знает Сергея.

— Он ваш друг?

— Друзей у меня нет. Есть приятели, как у всех в наше время. С Баклаковым же я поселился потому, что удобнее. Простая душа. Занят мускулатурой и геологией. Про прекрасное не говорит. Про женщин тоже. Я терпеть не могу разговоров «о прекрасном».

— Наверное, он очень хороший?

— Очаровательный. Наш простой советский фанатик.

— А вы?

— Я предпоследний авантюрист.

— Почему предпоследний?

— Обидно, если я буду последним.

— А откуда такой коньяк?

— Знакомые. Шлют книги, напитки и сигареты. Заботятся, чтобы я не отстал от века. Вместо сигарет теперь шлют пластинки. Бросил курить.

— Почему?

— Хочу дожить до восьмидесяти. Посмотреть, чем все это кончится.

— Что именно? Уж простите, что похоже на интервью.

— Вторая техническая революция. Всеобщее забалдение. Квартиры, финская мебель, итальянские кофточки, мечта жизни — машина. Приобретатели всерьез собрались захватить мир. И ну его к черту! Предлагаю выпить. Предлагаю выпить за вашу карьеру. Хотите, как Бендер, составлю матрицу для любой корреспонденции на местную тему?

— Не хамите, — сказала она. — Это моя работа.

— Уважаю. Работу я уважаю. И мой сосед и коллега Сергей Баклаков ее уважает. Мы все уважаем работу.

— Экий вы...

— Я не экий. Я отдельный. Странник — вот кто я.

— Как же вам удастся странником быть?

— Элементарно. Я взял себе петрографию, одну из дисциплин геологии. Я знаю ее на уровне хорошего кандидата или среднего доктора. Это без хвастовства. Кроме того, я знаю два языка. С таким багажом я везде желанный гость. В любом геологическом управлении страны. В Барнауле, Ленинграде, Чите. Или на Территории. Когда мне надоест здесь, я выберу точку на карте и двину туда. Переезды помогают мне не иметь вещей и сберкнижки. Так проще.

— И не пусто вам так?

— А что делать? Мне грустно от ошибок истории. Раньше мир захватывали Чингисханы, Тамерланы, Македонские или орды, допустим, гун-

нов. Атилла захватил мир. Теперь его плотно и неумолимо захватывают покупатели. Всюду. От озера Титикака до Можайска. Самое неумолимое и беспощадное завоевание. Я обожаю авантюристов. Покупатели поставили их вне закона. Вот я и приспосаблиюсь. Я не воин. Я приспособленец. Пытаюсь отстоять свое «я» среди всеобщего заблуждения. Ничего не хочу иметь, кроме себя.

— Потрясающий парень, — с иронией сказала она.

— Потрясающие парни сидят в кафе, тянут через соломинку портвейн с водой под названием «коктейль». Изображают прожигателей жизни. Или потрясателей основ. Или слабыми лапками пытаются ниспровергнуть. Что именно — они не знают. И не знают, что они — как гусеница против асфальтового катка истории. Нет, я все-таки предпоследний авантюрист. С чувством собственного достоинства. Я работаю не хуже всех этих полярных суперменов, Баклаковых, всех этих Копковых и прочее. Хотя Копков — это Иисус. Иисус от арктической геологии. Хотите на него посмотреть? С чувством собственного достоинства.

— Хочу.

— Ну еще бы! Журналистский клад: вечер полевиков, герои тундры за бутылкой вина, непосвященные не допускаются.

— Что же так зло?

— Я не зло. Я с чувством собственного достоинства. Верьте не верьте, но здесь одно из немногих мест, куда не долезло мещанство, и геология — одна из немногих профессий, куда ему трудно пробраться. Но проберется.

— Вы что же, меня приглашаете?

— Ага, — Гурин широко улыбнулся. — Я человек сложный, но доступный. С чувством достоинства.

— Не такой уж вы сложный, мне кажется.

— Каждый человек — как консервная банка. Но ключ от банки спрятан внутри, — с комической серьезностью вздохнул Гурин.

— Ножиком можно открыть.

— Правильно. Врезать ножиком, вынуть консервный ключ и с другого конца открывать нормально. Примета эпохи — носки надевать через уши.

— Эпоха-то в чем виновата?

— В том, что она существует сейчас. Прошлое всегда умирительно. Будущее всегда сияет. Что остается бедному настоящему? Желчь, неудовлетворенность, страх, желание изнасиловать время так, чтобы забрать все лучшее из будущего и прошлого. Из прошлого тишину и уют, из будущего комфорт и разные удобные блестящие штучки.

...Когда комнату Сергушовой отремонтировали, Гурин помог обставить ее по рецепту мест, где мебель не продается. Для этого требовалось метров двадцать какой-нибудь дерюжки и десять ящиков из-под картошки. Картошку в Поселок привозили, как яблоки, в ящиках. Гурин сам сбегал в промтоварный магазин и купил драпировочную ткань темно-красного цвета. По дороге, потолковав с Рубинчиком, он прихватил в кладовой управления матрац. Из шести ящиков соорудил низкое ложе, положил на него матрац, прикрыл все это дерюжкой, и получилась низкая широкая тахта. Из четырех ящиков он соорудил стол, положил сверху чертежную доску. Доску он тоже взял в управлении, выкинул в окно, пока Рубинчик искал матрац. Стол, прикрытый этой дерюжкой, получился очень хорошим. Остаток ткани он употребил на оконную занавеску.

— Стул и пишущую машинку тебе обязана дать редакция, — улыбаясь, сказал он. — Торшер я тебе принесу. Сейчас не хватает только хорошей картины на стенке. Он убежал в управление и через полчаса вернулся с картиной, вставленной в рамку. Сергушова могла поклясться,

что рамку он тоже спер, выдрав из нее чей-либо портрет. Картина называлась: «Взятие в плен Жанны д'Арк». На залитом красной тушью ватмане были приклеены обрезки журнальных картинок: руки, ноги, головы, туловища. Они симметрично располагались в виде атомного гриба. В центре же картины были прикреплены две старые байковые портянки, протертые во многих местах.

— А портянки-то зачем? — задыхаясь от смеха, спросила она.

— Тема народа. Приблизься, понюхай, — объяснил Гурин.

Гурин сам выбрал место для картины — в закутке со стороны печки, — такое, чтобы она не лезла в глаза, но и можно было показать, если кто зайдет. Она оценила так в выборе места и согласилась, чтобы он картину повесил.

18

Традиционный вечер полевиков служил вехой, отделявшей один экспедиционный сезон от другого. На вечер приглашались только те, кто провел лето в тундре. Каждый приглашенный мог привести с собой не более одного человека: жену, девушку или закадычного друга.

Обычно вечер проводился в поселковой столовой — квадратном грязноватом зале с деревянными колоннами. Сюда забегали «выпить граммушку», съесть плов с олениной и оставить на колонне надпись: «Коля, я умотал на Средний Катык бригаду Гайзулина». Чинков, вернувшись из Москвы, твердо предложил провести вечер полевиков в его кабинете.

Улицы Поселка присыпало свежим снегом. Было тепло, и на безоблачном небе просвечивали мелкие звезды. Стояла тихая полярная ночь. У геологов Поселка для торжественных случаев выработалась особая мода: очень дорогой и очень модный костюм, модные туфли и вместо пальто — грязный полевой полушубок. Был еще особый шик в том, чтобы из заднего кармана торчала ручка пистолета, не забранного по халатности начальства в спецчасть. Но сегодня все пришли безоружными: управление — не общага, и встреча в кабинете Чинкова — не обычный «междусобойчик», чтобы послушать пластинки и потолковать о мирах. Стало известно, что Будда придет, а Фурдодуя, напротив, «не будет по причине болезни». Полгода назад, после пожара в одном из геологических управлений, «Северстрой» издал строжайший приказ, запрещающий выпивку в служебных помещениях под каким бы то ни было предлогом. Но, видимо, Чинков, в отличие от Фурдодуя, плевал на приказы далекого Города. Это всем нравилось.

Раздевались все в комнатухе Рубинчика. Начальной сенсацией явилось платье секретарши Фурдецкой, Люды Голливуд, с невиданно широкой юбкой. В кабинет Рубинчика она вошла, но выйти уже не могла — смятая под пальто юбка расправилась и не выпускала. Ей помогли Семен Копков и Жора Апратин.

Наверху мексиканское трио плакало под гитару экзотическими голосами неизвестно о чем. Снабжение завалило в этом году Поселок мексиканскими, аргентинскими, парагвайскими и бразильскими голосами.

Одним из последних появился Гурин в неподражаемо сшитом костюме, точном галстуке, массивных новых очках. Пижон, гуманитарщик, кабинетный философ из молодых, но никак не геолог. Он пришел с Сергушовой, нарушив правило не приводить не причастных к геологии людей. Облегающее платье Сергушовой, синие тени на впалых щеках, яркая помада и вздыбленная прическа затмили Люду Голливуд сразу и на весь вечер.

— Жора, пожалуйста, не открывая сегодня пальбу. Я с дамой, — сказал Гурин Жоре Апрятину, и Жора даже загосковал слегка, наблюдая, как уверенно тот снял пальто с журналистки и как так же уверенно повел ее наверх. Доктор Гурин — в ипостаси светского человека.

По полярному обычаю каждый должен был наливать себе сам, что хотел: спирт, шампанское, коньяк или портвейн. Каждый сам отмерял себе дозу, сам следил за собой и сам должен был убираться домой, если чувствовал, что пьянеет. Во главе стола сидел Чинков, улыбочивый и добродушный, — еще один вариант: патриарх в окружении многочисленных домочадцев.

Чинков знаком предложил налить в рюмки и встал:

— Уважаемые коллеги! — сказал он высоким и четким голосом. — Прежде всего позвольте поблагодарить за честь. Я впервые присутствую на празднике прославленного геологического управления не как гость, а как свой человек. На правах новичка позвольте нарушить традицию. Не будем говорить о минувшем сезоне. Поговорим лучше о будущем. Что такое открытие месторождения? Это смесь случайности и логики. Но всякое истинное месторождение открывается только тогда, когда созрела потребность в нем. Стране требовалось олово, и оно было открыто на Территории. Честь и хвала. Вы знаете роль здешних месторождений в годы войны. В минувшем сезоне было открыто, по-видимому, весьма серьезное месторождение киновари. Не будем умалять значения его, но это открытие явилось случайным. Каждому ясно, что мы не можем на случайностях строить планы. Открытие должно созреть. Сейчас созрела необходимость в золоте Территории. Следовательно, мы обязаны его обнаружить. Именно с будущего сезона управление переходит на поиски золота. Для этого требуются деньги, кадры и ваши усилия. Деньги мы с вами получим сейчас. Часть кадров весной. Но основные кадры к нам придут позднее. Вывод: вам было тяжело в минувшем сезоне, в будущем будет тяжелее вдвое. Придется вынести двойную тяжесть работ. Все, кто захочет уйти заранее, могут уйти. Обещаю приличную характеристику. Но с оставшихся буду спрашивать беспощадно. Предлагаю тост за удачу и за тех, кто будущим летом будет в тундре.

Чинков выпил стоя — так получилось, что все встали. Был минутный шум, стук посуды, и настала тишина. Требовалось ответить, произвести, уточнить. Но что и кому?

— Разрешите мне,—вдруг раздался сухой, четкий голос Монголова.

Наступила мгновенная тишина. Никто не мог припомнить, чтобы Монголов выступал где-либо, кроме как на техсоветах. Но и там его выступления были сугубо краткими: «пункт первый, пункт второй...».

Монголов встал на противоположном конце стола, все в том же оранжевом свитерочке, лицо обтянуто.

— Я не готовился к выступлению. Еще утром я не знал, что нужен буду выступить. Но товарищ Чинков сказал далеко не все. Мы все вместе работали многие годы. Бывают ситуации, когда коллектив должен знать все. Так я считаю. Мы многие годы просили деньги и кадры, вы это знаете. Мы не добыли их. Но товарищ Чинков, как мы сейчас слышали, достал деньги и кадры. Легко и быстро. Вы все помните Мишу Катинского. Он сгорел, потому что заговорил о золоте Территории. Товарищ Чинков добыл деньги и кадры именно на золото Территории. У начальника управления лежит мой рапорт об уходе на прииск. Но мне же предложено возглавить разведку на золото в долине реки Эльгай. Сегодня утром я получил письмо от Рыбкина из центрального управления. Вот оно. Письмо частное, я не буду его читать. Но в нем мне предложено возглавить расширенную поисковую партию на касситерит. Партия эта будет вместо нашего управления. Какой вывод? За

нашей спиной идет кабинетная борьба. Без нас прикрывают управление, без нас меняют направление работ, без нас добывают для нас деньги и кадры. У нас была простая и ясная жизнь. Мы неплохо работали. Сейчас все запуталось. Запутанные узлы надо рубить сразу. Давайте перестанем шептаться о золоте Территории. Выясним все до конца. Иначе эта глупая желтая тень будет преследовать нас долгие годы. Со своей стороны я забираю свой рапорт обратно и беру разведку на реке Эльгай. Я не верю в то золото, но использую, чтобы его найти, весь свой опыт горного инженера. Это как нарыв. Либо вскрыть, либо мучиться дальше. Я кончил.

— Спасибо, Владимир Михайлович, — громко сказал Чинков.

Зазвякала посуда, возник легкий шумок, говор, кое-где смех.

В стену управления что-то глухо стукнуло, раздался как бы расширенный вздох.

— Господи, благослови! — сказал кто-то. — Первый зимний!

— Что это? — тихо спросила Сергушова у Гурина.

— «Южак». Первый за эту зиму. Придется сбежать отсюда.

Каждый журналист, каждый заезжий литератор и вообще любой, побывавший в Поселке и взявшийся за перо, обязательно писал и будет писать о «южаке». Это все равно что побывать в Техасе и не написать слова «ковбой», или, будучи в Сахаре, не упомянуть верблюда. «Южак» был чисто поселковым явлением, сходным со знаменитой новороссийской «борой». В теплые дни за склоном хребта скапливался воздух и затем с ураганной силой сваливался в котловину Поселка. Во время «южака» всегда бывало тепло и небо безоблачно, но этот теплый, даже ласковый ветер сшибал человека с ног, перекатывал его до ближайшего закутка и посыпал сверху снежной пылью, шлаком, песком, небольшими камнями. В «южак» лучше всего годились ботинки на триконях и защитные очки горнолыжника. В «южак» не работали магазины, были закрыты учреждения, в «южак» сдвигались крыши, и в крохотную дырку, в которую не пролезет иголка, за ночь набивались кубометры снега.

— Всем женщинам и всем семейным предлагаю разойтись по домам, — четко сказал Будда. — Молодежь может оставаться. Завтра день нерабочий. Старшим остается Копков. За группу из двадцать пятого барака отвечает... Салахов.

Первой в сопровождении Копкова ушла Люда Голливуд. Ушел Чинков. Ушли Гурин с Сергушовой.

Лампочки потускнели, стекла уже дребезжали непрерывно, и за стеной слышались все учащающиеся вздохи гигантских легких, по временам где-то било металлом о металл.

Они сидели, сгрудившись за одним столом. Лампочка помигала и погасла — или повредило проводку, или электростанция меняла режим работы. На лестнице послышалось бормотание. Это Копков проводил Люду Голливуд и вернулся. Он принес с собой свечи.

«Южак» глухо ломился в двери управления, набирал силу. Свечное пламя колебалось, тени прыгали по стенам. Разноцветно светились бутылки. Копков отодвинул от Жоры Апрятина стакан с коньяком и пошел вдоль столов, разыскивая свою кружку. На любой вечеринке Копков наливал себе в экспедиционную эмалированную кружку шампанского и больше не пил ничего. «Предпочитаю гробить здоровье в маршрутах». Копков разыскал свою кружку, сгорбил на стуле. Все молча собрались вокруг него. Рыжеволосый заика Копков с его славой чудака, первопроездца дальних маршрутов, различными историями, которые то ли случались с ним, то ли нет, в сорок лет уже был легендой. Даже работяги с ним каждый год ходили одни и те же, похожие на начальника, смурные, кособокие, молчаливые и всё умеющие тундровики.

— Какого черта сидим и молчим? — сказал Жора Апрятин. — Сегодня Чинков сказал, что нам лично предстоит вмешаться в международную торговлю, что нам предстоит влиять на биржевые курсы проклятых капиталистов. Но отдаете ли вы отчет, что своими руками мы готовим гибель нашей профессии? Когда здесь проложат шоссе, тундру залиют соляной, реки превратятся в отвалы перемытых пород, я брошу геологию и поступлю ночным сторожем, чтобы смотреть на звезды. Круги мироздания снова сомкнутся. Древний пастух считал звезды и слушал, не ползет ли лев к его отарам. Геолог Апрятин будет считать звезды и слушать, не ломает ли кто замок у продуктовой палатки № 16. Предлагаю выпить за Будду и перспективы.

Но тост Жоры Апрятина никто не поддержал. Здесь был «Северстрой», страна самостоятельных личностей, и ни одна самостоятельная личность не будет пить за здоровье начальства, даже если уважает его.

— За начальство пусть пьют чиновники на банкетах, — сказал Салахов.

Внизу хлопнула дверь, послышались шаги на лестнице, топот, кто отряхивал обувь. Весь закутанный снегом, который как прессом был вдавлен в ткань пальто, появился Сергей Баклаков.

— Садись. Замажь стопку, — сказал Салахов. — Я пока выгребу снег из твоих карманов.

Баклаков сел за стол. Ему пододвинули бутылку. Он внимательно прочел этикетку — «спирт питьевой» и отодвинул бутылку в сторону.

— Захожу в барак — пусто. Комната заперта. Ломлюсь в одну, в другую — мертвая тишина. Южак погромыживает. Раз южак — значит, кино нет. Где народ может быть? Только в управлении.

— Ты в секту вступил, Серега. Утверждаю честью, — сказал Жора Апрятин. — Ты отст-т-тавил бутылку в сторону, и глаз у тебя нехороший. Ты сектант, Серега.

Только сейчас все заметили, что Жора Апрятин все-таки превысил норму и что глаз у Баклакова действительно тревожный и «нехороший». Но спрашивать о таких вещах было не принято.

— Ты-ы! — с коротким смехом сказал Баклаков. — Не городи ерунды, Жора. Пей пиво, Вася, да учись хорошенько. Ты-ы!

Разглядывая наутро после вечера полевиков баклаковский чемодан, Гурин сказал:

— Провожу: сейчас извлечешь из него нетленные славянские ценности: иконы и лапти.

— Зачем? Ты богомольный, что ли? — удивился Баклаков. — А лапти?

— Неужели ты не в курсе, сокоешник? Лучшее украшение жилища. Особенно если в экспортном исполнении. Лапти в экспортном исполнении! Неужели ты не понимаешь, что это шикарно!

— Брось, — сказал Баклаков. — И вообще лапти не тот предмет, над которым можно потешаться.

— Ты от века отстал, сокоешник. Я именно о тех говорю, для кого твои вятские лапти — очередная потеха. Пишут мне, что интеллигенция спохватилась. Утерjali-де в суете простоту ощущений.

— Себя они утерjali, — сказал Баклаков, вспомнив тетю Аришу.

— Ошибка, сокоешник. Себя они никогда не теряли. Они ребята цепкие. Которые мне пишут. Как заметили, что колхозник без их увлечений спокойно живет, — сразу поняли, что есть у колхозника ценности. Какие? Раскопали прялки, иконки, народная речь пошла в моду. Хватай, тащи, восторгайся. Надоест — выбросят. Не впервой.

— Не знаю, что за публика тебе пишет. Но сообщи им тайну: колхозник ведь все равно остается жить — выбросят они лапти или будут держать на стенке. И все равно будет над ними посмеиваться. Без злобы. Как предмет злобы, твои приятели мелковаты. Может, по-народному выразиться? От бороны?

— Это не требуется, — сказал Гурин. — Я передам простыми словами.

— Скажи, что насчет лаптей у Баклакова полный порядок. Насчет связи с корнями тоже бессонницей не страдает. Пойду поздороваюсь с теми, кого не видел.

Когда он вернулся в комнату, то заметил над койкой Гурина свою, видно заранее припасенную Гуриным, фотографию. На ней Баклаков был очень могучий, с расстегнутой на груди рубашкой, с победной ухмылкой. Вкось фотографии шла надпись: «Сокоешнику от основоположника. С. Баклаков». Над своей кроватью он увидел точно такого жерасмера портрет Гурина. И дарственную надпись: «Основоположнику от сокоешника. А. Гурин».

— Почему ты меня в основоположники произвел? — смеясь, спросил Баклаков. Он понял, что уживется с Гуриным.

— А ты обязан им быть. Есть в тебе нечто. В тебе есть упрямство забивающей сваю чугунной бабы. Такие всегда становятся основоположниками.

— Чего?

— А чего-нибудь, — хохотнул Гурин. — Важно им быть.

— А ты будешь?

— Я для этого слишком умен, — серьезно сказал Гурин. — Ум у меня уж очень лукавый. Можно сказать, развратный. Из таких, как я, получаются блестящие неудачники.

...Баклакову нравилось умение Гурина облечь любую минуту жизни в яркую словесную оболочку, так, что эта минута начинала сверкать, как заводь в реке времени. «Питерские приятели» присылали Гурину не только коньяк и новое веяние моды. Они присылали ему пачки английских, американских, немецких геологических журналов. Гурин ненавязчиво подсовывал Баклакову перевод или реферат статьи: «Почитай старика Рамберга. Тебе это интересно». В отношениях с Сергушовой у них установился тон шутовского соперничества.

Они ходили к ней вместе.

— А не навестить ли нам нашу приятельницу? — говорил Гурин. Они натягивали полушубки и шли через Поселок к домику невдалеке от бухты и издали смотрели, светится или не светится окно. Окно, как правило, светилося, Сергушова предпочитала сидеть дома на оранжевом одеяле «Сахара». Сведения для корреспонденции ей дружески поставляла местная редакция. Собственные командировки она отложила до весны. «То, что в полярную ночь ничего не видно, я отлично вижу здесь».

Иногда Сергей заходил один.

— Давай помолчим, — предлагала она. — Недавно был Гурин и выдал словесный запас на неделю.

Молчать Баклаков умел. Иногда он думал, что научился этому от своего вятского бога. Тот всегда молчал и разговаривал просто своим присутствием. Баклаков неторопливо ставил на плитку чайник, заваривал чай в консервной банке. Тихо потрескивала спираль на плитке, за окном шуршал снег, и струи его при порыве ветра беззвучно скользили по стеклам.

— Ты был прав, — говорила она. — Иногда и здесь можно жить. Только неизвестно, стоит ли Рим.

Баклаков молчал.

— Наверное, все же стоит. Интересно, что было здесь, когда не было ничего?

— Вначале была экспедиция Марка Пугина. Потом оловянщики. Потом Поселок, — сказал Баклаков. — Все это знают.

— Кроме меня, наверное.

— Езжай в тундру. Людей-то хоть посмотри. У Монголова сейчас кадры. Не кадры, а шурупы. Молотком не вобьешь, клещами не вытащишь.

— Люди твои, эти самые шурупы, какие-то не такие. Не положено о таких писать. Надо, чтобы человек приехал сюда за романтикой. Чтобы позади и впереди все было чистенько. Чтобы мог изложить «в свете последних». Я плохой журналист и не умею иначе.

— Они не гладкие люди, — согласился Сергей. — Они еще тот народ! На одного святого, вроде Марка Пугина, приходится много тысяч грешников. Но они первые в тех местах, куда потом будут ехать за романтикой. Может, и в самом деле здесь будет город, и не один. Но города на пустом месте возникают только в песенках. Чтобы будущий город начался, чтобы сюда устремились за этой самой романтикой — необходим в начале начал не известный никому работяга. Биография его не годится в святцы, анкета у него не звучная. Но он честно делал трудную работу в трудных местах. В этом и есть его святость. Может быть, потом все будет начинаться иначе. Города начнут намечать на карте прямо по кабинетным прогнозам науки. Но пока есть работяга. Я пойду с ним в любой маршрут и знаю, как он себя поведет в той или иной ситуации. Если будет опасно и тяжело, он прежде всего подумает о себе, о своем спасении. Но быстро усовестится, так как существует неписанный кодекс совести. Нельзя его нарушить и остаться здесь жить. И вообще всякая настоящая работа всегда яростна и груба. Наверное, поэтому в газетах предпочитают романтиков.

— Бог мой, Сергей, — улыбнулась она. — Под влиянием Гурина ты скоро философом станешь. Тебе не надо им быть. Ты же простой, понятный супермен. О тебе можно писать в газетах.

— Нельзя. Я еще только приближаюсь к познанию нашей работы.

19

Баклаков впервые писал отчет самостоятельно и впервые попал в столь глупое положение. Партия ставилась на касситерит, но касситерита они не нашли. Это было лишь половиной беды. Рядом с планшетом партии велась разведка на золото. Не упомянуть об этом в отчете нельзя. Но единственным обоснованием разведки было решение главного инженера Чинкова. Такое в отчет не вставишь.

Он не мог посоветоваться с Монголовым, потому что Монголов уже уехал в долину Эльгая. Он мог бы посоветоваться с Копковым. Но тот сам с головой залез в собственный отчет. Сидел за анализами, шлихами, пробами. Глава «Полезные ископаемые» у него вырастала с отдельный том.

Оставался Гурин. Гурин имел опыт работы во многих местах Союза и многих фирмах. Баклаков поднялся на второй этаж, где был кабинет партии Апрятин. Гурин сидел там в отдельном закутке, выгороженном стеллажами с образцами. Микроскоп, чистый стол, стопка белоснежной бумаги «верже», авторучка «паркер». Гурин любил обставить работу красиво. Сбоку, на подоконнике, у него стоял маленький сейф, который он зачем-то выманил у заведующего снабжением. В кабинете никого не было. Апрятин писал отчет дома.

— Это ж-ж-ж неспроста! Зря никто жужжать не станет. Так утверждал Винни-Пух, умнейший из медведей, — говорил сам себе Гурин, склоняясь над микроскопом.

— Давай потолкуем, — сказал Баклаков.

Гурин разогнул спину, вынул из брючного кармана ключ, открыл сейф и достал из сейфа бутылку неизменного «Наполеона». На горлышко бутылки были надеты два конических фарфоровых стаканчика для отжига проб.

— Давай, коллега. Надеюсь, ты не по личным делам? По личным делам дома или на улице. Здесь я работаю.

— Я тоже, — сказал Баклаков и отставил стопку с коньяком.

Он рассказал о своих затруднениях. Гурин долго сидел, наклонив крупную, с залысинами, голову.

— «Опять ничего не могу я понять, опилки мои в беспорядке. Везде и повсюду, опять и опять меня окружают загадки». Так говорил Винни-Пух...

— Умнейший из медведей, — перебил Баклаков. — Так что же?

— Логика очень проста. Положение твое не печально, а радостно, ибо ты имеешь право писать нестандартный отчет. Радостные прыжки по веткам молодого дуба науки.

— А полезные ископаемые?

— Выслушай меня внимательно, сокоешник. Я буду серьезен. Ты читал когда-нибудь отчеты классиков? Мушкетова? Старика Обручева? Богдановича? Гервеля?

— Пожалуй что нет.

— Чему ты учился шесть лет... Старики-классики писали геологические романы. Они давали завязку — фактический материал, они давали интригу — ход собственных мыслей, они давали развязку — выводы о геологическом строении. Они писали комментарии к точке зрения противников, они писали эссе о частных вариантах своих гипотез. И, кстати, они великолепно знали русский язык. Они не ленились описать пейзаж так, чтобы ты проникся их настроением, их образом мыслей. Так делали старики.

— К чему ты это?

— К тому, что они имели в своем арсенале молоток, лупу, горный компас и... ум. Чтобы мыслить схематически, надо иметь много данных. Но данные не дошли до Территории. Планомерной карты мы не имеем. Мудрые геофизики сюда не добрались. Геохимию здесь знают лишь понаслышке. Микроскоп сведен до уровня молотка. Вы пишете отчеты, точно обследовали известняковый карьер под Москвой, а не Территорию, о которой никто ничего не знает. Здесь каждый отчет должен быть докторской диссертацией.

— Покопайся в фондах. Может быть, там много докторских диссертаций лежит. Только никто их не защищал.

— Не верю. У классиков геологии был примат головы над ногами. Вы же гордитесь могучей спиной, но не мыслительным аппаратом.

— Не задирайся. Я смиренно к тебе пришел.

— Смиренно отвечу: если ты решил писать настоящий отчет — всю твою петрографию я беру на себя. Выжму из твоих образцов и шлифов все, что можно из них выжать.

— Обойдусь. Мы здесь привыкли своими силами обходиться. И в тундре, и за столом.

— Будь смиренен. Я не собираюсь лезть в геологическую схему и в твои выводы. Это твое. Просто я предлагаю быть на подхвате в качестве консультанта. Ты не успеешь все сделать один, если делать серьезно.

— Смиренно согласен.

— Для начала взбунтуй. Выбрось карту с рисовкой Монголова. Это плоская карта. Без мысли и без гипотезы. Вылезь за ваш дурацкий планшет. Если понадобится — бери всю Территорию. Запусти змия сомнения. Я хочу видеть наш техсовет проснувшимся. Когда-нибудь ты вознесешь молитву за грешника Гурина.

— Не оказаться бы в трепачах....

— Более трепливого положения, которое есть у тебя сейчас, трудно представить. Если ты не в силах дать хороший отчет, признай это открыто.

— Пожалуй, ты прав. Позволь удалиться смиренно.

— Коньяк?

— Откажусь по-пижонски. Решение надо принимать трезвым.

— Ты уже принял его, сокоешник. Смиренно рад за тебя.

На лестнице Баклаков несколько раз ударил кулаком по лестничным перилам. Может быть, не надо было заходить? Нет! Надо! К черту все самолюбия, раз речь идет о работе. И Гурин прав.

— Сокоешник! — окликнул его вышедший следом Гурин.

Баклаков оглянулся.

— Я проспорил дюжину шампанского нашей приятельнице. Соизволь вечером заглянуть.

— Я чертежника у топографов сманил. Часов до девяти буду на работе. Потом зайду.

...Он вышел из управления в десять часов. С бухты дул несильный, но острый как нож ветер. Падали мелкие снежинки. Поднимаясь из низинки, он увидел в ее окне квадратную тень головы Гурина.

Он постучал, но ему не ответили. В комнате послышалась какая-то возня. Баклаков сказал дурацким глухим голосом: «Это я». И даже дернул дверь. Дверь была заперта. По дороге он все-таки не выдержал и оглянулся — свет был погашен. Ему было стыдно, как никогда.

...Было воскресенье, и он вспомнил, глядя на нетронутую койку Гурина, что забыл оставить заявку, чтобы его пустили на работу. Теперь вахта уже не пропустит. Придется сидеть дома.

«Не смотаться ли на лыжах?» — подумал он. Но и этот вариант не годился. В темноте, по каменным этим застругам в два счета превратишь драгоценные «ярвинен» в щепки.

Часов в двенадцать он услышал баритон Гурина, смех, потом хлопнула дверь, и стало тихо. «Схожу на бухту пешком», — решил Баклаков.

Появился Гурин с двумя бутылками шампанского, следом за ним ввалился прораб Салахов. Салахов нес кружки и бутылку спирта.

— Давай оросим душу, — сказал Гурин. — Посмотрим на жизнь сквозь вино.

Было видно, что он крепко уже выпил с утра.

— Пойду компот принесу, — Салахов вышел.

— А ты знаешь, сокоешник, — усмехнулся Гурин, — наша приятельница под платьем не такая худышка, как это можно подумать. Вовсе даже наоборот.

Баклаков увидел, что глаза у Гурина какие-то совершенно пустые. Он встал и очень сильно ударил его.

Гурин сидел на полу, обхватив голову, потом сплюнул кровь. Вошел Салахов. Мгновенно оценил обстановку, загородил Гурина, поднял его, через плечо спросил:

— За что?

— Так, — сказал Баклаков. — За дело.

— Я сегодня взрывчатку к Монголову транспортирую. Переходи в мою комнату, — сказал Салахов.

— Ничего, — сказал Баклаков. — Больше драки не будет. Обещаю.

...Гурин спал. Губы у него распухли. Сергею было стыдно и нехорошо. Бог-лесовик куда-то исчез.

В сером свете, пробивавшемся сквозь окно, Баклаков думал, что святое правило «действовать, а не рассуждать» не всегда пригодно. Надо иметь готовые рецепты на все случаи жизни, а иметь их столько невозможно. Он решил, что уже пора пришла: с одиннадцати дня до двенадцати ночи надо быть в управлении. Пришла пора отчета, и праздники кончились. Он закрыл глаза и заставил себя вспомнить кочки, болотца, шум накатной волны и разноцветные горы Кетунга, желтые долины, уходящие в сопки, хлопанье палаточного брезента над головой. Если не считать отдельных казусов и глупостей — жизнь нормальная штука.

Гурин тоже не спал. Он просто лежал с закрытыми глазами, потому что ненавидел Баклакова, а также себя. Гурину было плохо.

Пришло время уезжать с Территории. Немедленно. Срочно. Гурин много раз уезжал, но ни разу не уезжал битым. «Это недопустимо», — думал Гурин, с ненавистью вслушиваясь в дыхание Баклакова.

Новый год проскочил незаметно. Обошлось без шума, пальбы и выпивки. Над управлением висело время отчетов.

В начале января Баклаков выбросил в мусорную корзину заготовленные наброски глав. Стопкой сложил полевые книжки. Требовалось начать все с начала. Складывая книжки, он быстро просматривал их.

Раздавленный между страницами комар, срыв карандашной строчки, следы дождя на покоробленной странице, случайно попавшая травинка — запахи, мечтания, озноб, усталость, долг, мысль, лето.

Он положил перед собой карту Монголового. Гурин прав, плоская, без мечты и фантазии карта. Фиолетовое поле триаса. Предположительно палеозойский массив на востоке. На юге — зеленая, в галочках, полоса эффузивов Кетунгского нагорья. Красные, в крестиках, овалы гранитов. Красные линии разломов, трещин земной коры.

Он смотрел на карту, зажав уши. На плоском цветном листе бумаги существовал четырехмерный мир во взаимосвязи перемещений земных пластов, дробящих его трещин, взрывы глубинных магм, буйное сумасшествие вулканических извержений. Когда? Как? Вопросы «Почему?» не было. Этот вопрос относился лишь к золоту. О золоте после. Он должен представить себе историю. Разломы? Почему-то мысль его все время возвращалась к разломам. По ним проходят перевалы в хребтах, к ним приурочены речные долины, сбросовые обрывы хребтов. По ним проникает магма, они формируют рельеф. Зачем ему разломы? О них тоже после. Он взял топографический бланк и стал, еще не зная цели, переносить на него красными линиями разломы. Те, что наблюдал сам, и те, что отметил в маршрутах Монголов. Пунктиром он намечал разломы, которые просились предположительно по связи перевалов, речных долин — логике местности... Из управления он ушел последним, в первом часу ночи. Весь следующий день он ходил по бухте. Пытался обрести силу в моральной уверенности.

Вечером по дороге в управление он зашел за табаком в магазин. Он наладил отличную смесь: три плоских пачки «трубки мира» на одну большую пачку «капитанского».

Вахтерша пропустила его безропотно, хотя он не был ни в каких списках. Дело шло к весне. Вахтерши за зиму привыкали к их ритму работы.

В кабинете он зажег настольную лампу, взял стопу заготовленных

раньше отчетов и положил перед собой обзорную карту Территории. И вдруг подумал, что нет смысла тонуть ему сейчас в море фактов. Все эти отчеты он читал по пять раз и знает приложенные к ним карты. Не лучше ли просто подумать? Разломы! Он вытащил из тумбы плитку, поставил на нее жароупорную колбу, взятую в управленческой лаборатории. Сейчас будет чай, и впереди ночь. Сила пророков — в их моральной уверенности. Нельзя сейчас прятаться за мелочи. Он должен дать основу. Детали будут потом.

Стены кабинета тонули в полумраке. Он нагнул отражатель настольной лампы так, чтобы свет падал лишь на середину стола. В темноте высились стеллажи с образцами. Каждый камушек перешупан своими руками, доставлен на своем горбу. Почему молчат камушки?

Когда он кончил перебирать образцы, то совершенно ясно понял, зачем ему требовались разломы. Если они формируют речные долины, то в зоне пересечения древних разломов коренное ложе долины будет иным: углубленным, или смещенным в сторону, или более широким. Именно в зоне пересечения разломов может прятаться россыпь в уготованной для нее ловушке. Россыпь не по всей долине, а там, где долину пересекает другой разлом. Как они не поняли его с Монголовым летом? Почему не проверили на шурфах?

Он быстро перенес на бланковую карту разломов, сделанную им накануне, все гранитные массивы. Золото есть — вездесущие «знаки». Это факт. Оно принесено гранитами. Это тоже факт. Ни в одном из гранитных массивов никто не видел рудного золота — это третий факт. Следовательно, были «специальные» золотоносные граниты, полностью разрушенные к текущему времени? Или золото содержалось в верхних частях существующих гранитных массивов? Верхние части срезаны эрозией. Или есть особый тип гранитов, пока еще не известный? Он принялся писать докладную записку Будде. Карта-гипотеза, отчет-гипотеза уже существовали для Баклакова. Он видел эту карту и знал текст отчета. Он писал легко. Смысл докладной записки сводился к следующему:

1. Проверить длинными шурфовочными линиями рельеф древнего ложа долины Эльгая там, где она пересекалась уже отмеченными разломами. (Он перечислил названия ручьев, координаты линий). То же сделать для рек: Лосиной, Ватап, Китап.

2. Сделать массовый отбор проб для петрографического анализа гранитных массивов всего района. И для определения абсолютного возраста. Пробы должны быть массовыми, годными к статистической обработке. Если на этой основе не удастся выделить отдельные типы гранитов — значит золотоносность связана с верхней, разрушенной частью обычных для Территории массивов. В этом случае — ожидать месторождения золота по всем рекам Территории. Поиски золота — поиски «ловушек» в речных долинах.

Баклаков посмотрел на часы. Было три часа ночи. Он снял ботинки и в одних носках вышел в коридор. Как он и ожидал, вахтер спал. Он лежал на полу, закутавшись в длинный тулуп. «Вышел немец из тумана, вынул ножик из кармана», — пробормотал Баклаков дурацкую поговорку и бесшумно поднялся на второй этаж. Дверь комнатки Люды Голливуд была не заперта. Он забрал пишущую машинку и так же бесшумно вернулся в кабинет. Двумя пальцами он перестучал свою докладную, на ходу шлифуя формулировки.

...В коридоре уже слышались голоса — менялась вахта. Он подождал, пока разводящий и прежний вахтер не ушли, и, уже не таясь, отнес наверх машинку.

Он вышел на улицу, в колючий воздух Поселка. Голова гудела от названий рек, перевалов, массивов, горных вершин. Половина его суще-

ства жила там, в толщах земли, в недрах гранитных массивов, на скальных ложах речных долин.

В эту ночь он обрел главное — интуицию и уверенность. Он знал, что он прав.

Баклаков пошел к почте, чтобы спросить «до востребования». На почтовом ящике висела надпись: «Окурков не бросать». На почте было пусто. Воскресенье, рано.

На крыльце он нос в нос столкнулся с Сергушовой.

— О-о! Куда ты пропал? Почему не заходишь? — из-под пухового платка торчал только пудренный нос.

— Банальная вещь. Занят строительством коммунизма.

— Ты какой-то синий. В общем, цветной весь. Пойдем, я тебе кофе сварю.

Он покорно пошел за ней.

— В отпуск хочу, — капризно сказала Сергушова. — Зима меня доконала. Я человек южный, подготовленный для итальянского климата. А тут зима, зима, и, наверное, никогда не кончится.

— Ходи побольше. Сейчас тихо. Можно на бухту, в сопки. Снег что асфальт везде. Не застрянешь.

— Господи! До чего же ты тошный. Физическое здоровье, работа, и на этом кончился мир. Тоскливый бред.

— Я этим бредом живу, — сухо сказал Баклаков.

В комнате, где он не бывал с того гнусного вечера, все было по-иному. Валялись вещи Гурина, его книги. Она покидала все это за ширму и уселась, закутав ноги одеялом «Сахара». Плитка тихо пощелкивала, нагреваясь.

Он сидел, не сняв полушубок, и смотрел на красную полосу спирали под чайником.

Сегодня была хорошая ночь. Ярость грядущего лета вдруг проснулась в нем. Он поднял голову. Сергушова смотрела на него в упор, не мигая. Лоб ее был наморщен. Он отвернулся в сторону, и кривая улыбка поползла по лицу. Он ладонью убрал улыбку. Он очень жалел Сергушову. Он жалел, потому что знал: она никак не может найти себя. Как женщина, как человек, в конце концов, как журналист. Баклаков повернулся и подмигнул ей:

— Сегодня была хорошая ночь, — сказал он.

20

Малыш, взятый Монголовым как «кадр № 1» будущей разведочной экспедиции, днем и ночью мелькал по Поселку в куртке на собачьем меху, в низко обрезанных валенках и в якутской шапке с длинными ушами. Он был в том приподнятом состоянии, когда человеку вдруг становится ясной судьба.

Обязанности его были разнообразны: он получал на складах снаряжение, выписанное Монголовым, он вербовал по «сучьим куткам», в магазине, во время случайной встречи на коробах рабочих.

В механических мастерских день и ночь трещала электросварка и шипел газовый резак — из железных бочек готовились печи для палаток. Занимался этим Валька Корзубин. Среди стихии огня и металла, с чумазой рожей, торчащей из-под щитка, Валентин Корзубин был уверен и весел. «Что в башку взбредет, то и соорудим», — приговаривал он, вгрызаясь в очередную бочку. Технология изготовления печей была не сложна: из бочки вырезалось днище, вваривалось снова на глубине одной трети, снизу прорезалась дырка для поддувала, выше — дырка для

дверцы, наверху наваривался кусок обсадной буровой трубы, на который потом надевались жестяные дымовые трубы. Дальше бочка поступала к жестянщикам, которые ладили дверцы и в комплект клали колена труб, изготовленных тут же.

Монголов писал проект на разведку в выделенной ему клетушке. Отчет за минувший сезон был передан Баклакову — «и. о. нач. партии». Из-за срочности проекта у Монголова даже не было времени как следует поговорить с Баклаковым, он лишь передал ему материалы и геологическую карту предварительной рисовки. Монголов никак не мог отделаться от посторонних ненужных мыслей. Впервые в жизни он не подчинился приказу руководства. Он прикрыл преступную выходку Малыша, взял на себя роль судебного органа. «Если все будут самолично разрешать преступления, что будет с порядком?» — думал Монголов. И самое плохое, он не протестовал против дела, в пользу которого для государства не верил, и, следовательно, был обязан бороться с ним в должном порядке. Все это, он понимал, являлось следствием смутного ощущения ошибки, пришедшего летом. Монголов все более уходил в себя, худел, замыкался, и всем в управлении вдруг стало заметно, что Монголову за пятьдесят.

Прораб Салахов перевозил взрывчатку. Склады ее находились в пятнадцати километрах от Поселка, в узкой долинке, затянутой колючей проволокой. Часовые, контрольно-пропускные пункты. Тракторные сани, помеченные красным флажком опасности, медленно выползали из ворот на зимник и, обходя Поселок, двигались в далекую заснеженную долину Эльгая. Люди его действовали самостоятельно, минуя Монголова. В этом была именно армейская четкость майора-артиллериста — выбрать себе помощников. Чинков беспрепятственно подписывал приказы об откомандировании к Монголову всех, кого он просил.

Восточный разведучасток появлялся из-за поворота долины как странный нарост на заснеженной строгой тундре. Он помещался в той самой котловине, где осенью Куценко поставил свою палатку. Сверху и снизу по течению реки котловину зажимали сгрудившиеся сопки. На вытоптанном и грязном от дыма снегу стояло шесть больших каркасных палаток. Над палатками торчали печные трубы, расходились тропинки к шурфовочным линиям. Шурфы издали замечались по темным ореолам разбросанного при взрыве грунта. Отдельная тропинка вела к небольшой наледи, где брали лед для воды. Уголь в мешках, бочки с соляркой, бензином и керосином лежали прямо на снегу, возле длинной складской палатки с незапертой дверью.

...Седой и Менялка снова работали в паре. Пока один бил копьевидным ломиком бурку в глубине шурфа, второй курил или тащил от другого шурфа вороток на салазках. В этот раз была очередь Менялки. Стоя одной ногой в бадье, он спустился в шурф и принялся долбить бурку, время от времени вычерпывая грунт ложкой на длинной деревянной ручке. В проходке шурфов, кроме физической силы, требовались разум и опыт. Иначе шурф уходил вбок, или расширялся, точно бутылка, или грозил обрушением. Во всяком случае, новичку приходилось вынимать грунта вдвое больше.

Лом был заправлен хорошо, Седой умел это делать. Менялка с выдохом опускал лом, останавливаясь только для того, чтобы вытереть пот и взглянуть на темный квадрат неба в десяти метрах над ним. На этой линии были глубокие шурфы. «Это ж надо, — отвлеченно думал Менялка, — самого себя закопать на такую глубину». Над головой его, пристроенная на палке-распорке, с треском горела свечка. Свечки в шур-

фах сгорали вдвое быстрее, чем на воздухе. «Тяга, что ли, тут действует,— думал Менялка.— Хотя какая тут тяга, откуда воздуху тянуть?». Было морозно, и пламя свечи погружалось в стаканчик из парафина. Менялка снял рукавицы и обмороженными, обожженными, потерявшими чувствительность пальцами ободрал парафин. В шурфе посветлело, стены его засверкали кристаллами льда. Менялка увидел, что бурку уводит вбок, придется крепко обдалбливать с одной стороны стенку шурфа. И бурка должна быть сорок сантиметров — ни больше, ни меньше, — потому что сорок сантиметров называется «проходка», или «сороковка». Это учитывают, когда моют проходки. Наверху заскрипел снег, и кусок мерзлого грунта запрыгал по стенкам, ударил Менялку в плечо. Менялка выматерился вверх и тут же услышал странный звук лома. Он нагнулся и поднял гладкий окатыш величиной чуть меньше куриного яйца. На боку окатыша отсвечивала блестящая полоса. Самородок! Менялка покидал его в ладони и почему-то вздохнул. Потом без перехода развесялся и заорал вверх, как в трубу:

— Се-е-ддо-о-й! ...В душу твою, в ребра! Держи!

Сверху, крохотная на таком расстоянии, нависла голова Седого в лохматой шапке.

— Что базлаешь?

— Держи, дура! — Менялка, изогнувшись, запустил в небо кусок золота.

Голова исчезла. Сам Менялка отпрыгнул в сторону, прикрыл голову лопатой — бахнет такой сверху, прошибет темечко до кишок. Седой искал. В просвете опять возникла голова, и Седой с усмешкой сказал:

— В веру, надежду и святость! Там еще нет?

— У тебя глаз острый, спускайся, — хитро сказал Менялка и опять начал долбить бурку. Наверху Седой еще раз осмотрел самородок и бросил его на кучу грунта. Меж тем Менялка кончил долбить бурку, зачистил ее края и крикнул: — Давай!

Седой сбросил ему красные пропарафиненные патроны, аммонит и опустил на проводах детонатор. Менялка заложил в бурку патроны, приспособил детонатор и принялся тщательно трамбовать грунт, чтобы взрыв был хорошим. В шурфе потеплело от его разгоряченного тела и свечки. Он снял телогрейку и стал каблуком уплотнять грунт. Потом постукал по нему торцовой стороной лома. Седой уже спускал сверху бадью. Менялка снова встал в нее одной ногой, другой зацепился за трос, наверху заскрипел вороток, и он пополз вверх, отталкиваясь от шершавых льдистых стенок шурфа...

В тундре было тихо. Слышались только далекие голоса на соседней линии, в двухстах метрах от них. Стоял серый рассвет, уже кончалась полярная ночь, и днем часа на два светлело. Из-под обмызганного кустика высочил ошалевший куропад и закеркал, закричал.

— Чтoб тебя чахотка!..—выругался Менялка.—Весну предвидишь?

Он пошарил глазами, поднял самородок и запустил им в куропада. Куропад возмущенно крикнул и отбежал.

— Дай я,— оживившись, сказал Седой и побежал к самородку.

Так они швыряли в куропада минут десять. Наконец куропад замахал крыльями, отлетел на увал и там завопил совсем возмущенно. Менялка поднял самородок, сунул его в карман, и они пошли к взрывной машинке. Седой присоединил провод, крутнул ручку. Ухнул взрыв, и вдруг они с ужасом увидели, как в дыме, пыли и песке из шурфа вылетел человек, шмякнулся на отвал.

— Как-кой бог? Кого туда заволок? — заикаясь, спросил Менялка. Они с ужасом смотрели на темный, распластанный силуэт возле шурфа. Потом Менялка стал тихо трястись от смеха. Он сидел, ухватившись за

взрывную машинку, бледный как снег, и все тряся, все хохотал. Седой посмотрел на него.

— Я т-там тт-телогрей-ку з-за-б-был, — сказал Менялка. — Это, п-понимаешь, она взлетела.

— Ну тебя к фене, — сказал Седой. — С тобой занкой станешь.

Только теперь он заметил, что Менялка был в одном свитере. Они подошли к шурфу, и Менялка сказал:

— Идея есть! Давай шабашку устроим.

Они, не сговариваясь, двинулись к палаткам. Перед палаткой Монголова Менялка отряхнул с телогрейки землю, шмыгнул носом и открыл сколоченную из реек, обтянутую брезентом дверь.

Монголов сидел за камеральным столом над картой.

— Вот, Владимир Михайлович, — смирным голосом сказал Менялка и положил самородок на карту.

— Где? — быстро спросил Монголов.

— Линия четырехста тридцать, шурф восемь, на первой проходке десятого метра.

— Ага! — повторил Монголов и снял самородок с карты. Он нашел на карте шурф, про который сказал Менялка. — Вот что, — сказал Монголов, — хоть умрите, но бить до плотика. И в скальный войти сантиметров на пятьдесят.

Менялка вышел к ожидавшемуся его Седому.

— Вот что, товарищ Кадорин, — сказал он. — Выпивки у начальства нет. Но предвидится. И еще предвидится, что Гиголов, то есть я, и Кадорин, это ты, Седой, заработают в этом месяце и в последующие по пять-шесть, при усердии — семь кусков. Такой выделен фронт работ.

Менялка снова вернулся в тамбур, открыл дверь к Монголову и просунул длинноволосую голову.

— Еще дрогнет небо от копоты, Владимир Михайлович! — сказал он.

— Пожалуй, может и дрогнуть, — согласился Монголов.

Менялка и Седой вернулись к шурфам. Монголов вышел следом за ними. Где закономерность? Самородок с куриное яйцо — не «знаки». Такой не может появиться случайно. В глубоких шурфах. Только не самородками жива золотая промышленность. Она жива песочком и пылью. Так что рано трубить. Вынутые грунты лежали бесполезно — они требовали промывки. Песочек и пыль золота должна обнаружить промывка. Без промывки шурфовочные линии немые. Монголова уже захватывал азарт. Он искал Салахова, который где-то вверху делал разметку следующей линии.

Монголова остановил крик. Кто-то бежал к нему от палаток. Монголов узнал управленческого радиста, который налаживал им радиостанцию. Радист издал крикнул:

— «Северстрой» накрылся, товарищ Монголов!

— Что-что?

— Накрылось «Северное стрсительство». Только что по радиции Город слушал. Организация ликвидирована как отслужившая срок эпохи. На месте организуется нормальная административная единица. Как всюду, везде.

— Ты не ошибся?

— Радист за распространение ложных слухов карается... Согласно статье...

— Так, — вздохнул Монголов. — Понятно.

Он вдруг подумал об утреннем самородке, а также о Будде. Неужели Чинков знал о предстоящей смене эпох и успел проскочить в тот последний миг, когда дверь еще не открыта, но и не захлопнута? Невероят-

но! Всунуть золото Территории в шель междувластия. Если есть, то останется. Если нет — пусть уйдет, как былые грехи «Северстроя».

— Что будет-то, товарищ Монголов?

— Что именно?

— Управление наше, разведка. Вообще...

— «Северстрой» отменили, а не работу, — просто сказал Монголов.

Иди послушай еще. И рация нам нужна. Поспеши с монтажом.

...В тот же вечер, не ожидая трактора, Малыш на лыжах убежал к прииску. Монголов поручил ему организовать и доставить бойлер для зимней промывки. Он сам нарисовал ему чертеж: две сваренные бочки, из которых нижняя — топка, верхняя — котел для нагрева воды. В «Северстрое» черт-те что делалось из железных бочек.

В эту ночь Монголов долго не мог заснуть. Он жил в палатке один. На улице было тихо, лишь разошедшаяся печь гудела и светилась во мраке палатки вишневым цветом. В палатке было жарко, и Монголов лежал поверх спального мешка, закинув руки за голову. Ему не хотелось зажигать свечку, не хотелось работать. Жену и сына он давно уже отправил в подмосковный город Мытищи. Там у Монгорова была дача, купленная на премию за открытие месторождения прииска «Западный». Монголов хотел, чтобы старшие классы сын учился в нормальной и строгой школе, без скидок на отдаленность. Осенью ему предстоял полугодовой отпуск, а после отпуска он мог уже выходить на пенсию. Но Монголов не думал сейчас о пенсии. Сообщение о ликвидации «Северстроя» не удивило его. Этого можно было ожидать. Значительная часть жизни Монгорова была связана с «Северным строительством». Он многое не одобрял в его принципах, но всегда считал себя лишь рядовым исполнителем.

От печки в палатке было очень жарко. Монголов сунул ноги в валенки, надел полушубок, прикрыл поддувало печки и вышел на улицу. Ночь была очень светлой. С ближайшей шурфовочной линии доносился стук металла и голоса — многие шурфовщики предпочитали работать по ночам. От луны долина Эльгая казалась серебряной. Холод забирался Монголову под полушубок. Он думал об удачливости и твердой воле главного инженера Чинкова. Монголов посмотрел на призрачную невесомую гряду сопков. Эти сопки... И вдруг Монголов подумал, что замыслы главного инженера должны идти гораздо дальше Эльгая. Он не завидовал способности Чинкова идти на риск. Его, Монгорова, жизненные принципы были другими.

На шурфовочной линии хлопнул взрыв. Стихло. Раздался смех, пробурчал чей-то голос, и опять смех. Долина лежала в лунном свете, и вдруг сознание Монгорова раздвоилось. Он осознал, что стоит тут, ощущал холод под полушубком, стыли ноги в непросохших валенках, ему пятьдесят четыре года, рост метр семьдесят пять, вес семьдесят, практически здоров, если не считать желудка. В то же время он чувствовал, как мимо и сквозь него мчится и течет лукавый, изменчивый поток жизни. Бытие вихрилось, заполняло долину Эльгая и миллионы других долин, оно не имело цены именно вследствие ежесекундной изменчивости, текучести. Все параграфы, правила и устои были ничтожной, слабой броней против мудрой и лукавой усмешки, висевшей над миром.

— Ты так скоро стихи начнешь сочинять. Отставить, Монголов! — сказал он себе и пошел обратно к палатке.

(Окончание в следующем номере).

Олег Куваев

ТЕРРИТОРИЯ

РОМАН

ВСЕСТОРОННЕЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТА.

«Вышеупомянутое священное золото цари их тщательно охраняют и ежегодно чтут богатыми жертвами».

Геродот. «История».

«...если даже любовь к святым апостолам не могут поднять христиан, то попробуйте поднять их жадностью к золоту и к серебру, имеющимся в достаточном количестве у неверных».

Византийский император Алексей Комнен. Обращение к крестоносцам.

«Подготавливая Крымскую войну, Пальмерстон и другие главные организаторы ее отлично знали, что если на долю царской России в сороковых годах XIX в. приходилось 40% мировой добычи золота, то уже в 1852 г. империя Николая I давала лишь 8,9%, Австралия — 45,9%, Калифорния — 35,1% золота, добытого во всем мире».

В. В. Данилевский. «Русское золото».

«...из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 годов».

В. И. Ленин. «О значении золота теперь и после полной победы социализма». Полное Собрание Сочинений, том 44.

«Спрос на золото в международном масштабе достиг беспрецедентного размера. Дельцы в Лондоне в один голос заявляют, что рынок окажется не в состоянии справиться с таким спросом на золото».

Газеты 1967 года.

«13 марта на лондонской бирже продано 150 тонн, в Цюрихе 60 тонн, в Париже 16 тонн золота. 14 марта в Лондоне продано 200 тонн, в Цюрихе 100, в Париже 60 тонн золота. Паника нарастает. Операции на бирже временно прекращены».

Газеты. Март 1968 года.

«Развертывается настоящая эскалация «желтого металла».

«В Париже цена золота достигла 46,12 доллара за унцию — это самый высокий уровень после 1968 года...».

Газеты. Январь 1972 года.

«Цена за одну унцию золота подскочила в Лондоне до 70 долларов. В Париже до 70,66 доллара...».

Газеты. Август 1972 года.

«Цена на «желтый металл» достигла почти 92 долларов за унцию (при официальной стоимости — 42 доллара за унцию)».

Газеты. Март 1973 года.

«Цена золота на лондонском рынке сегодня достигла рекордного уровня — 141,75 доллара за унцию.

Газеты. Январь 1974 года.

III. ВЕСНА

21

Монголов поместил бойлер для зимней промывки шлихов у нижней шурфовочной линии. Подвезли уголь, расшуровали топку, набили льдом верхнюю бочку. Мыть шлихи назначили Гиголова — Менялку, потому что он имел старательский опыт.

Топка бойлера густо дымила в залитой солнцем долине. Менялка без шапки, с мундштучком в зубах, неспешно ходил вокруг поставленного на полозья агрегата.

Холмики проходок чернели вокруг гулкой дыры шурфа. Дощечки с карандашными номерами проходок торчали, как маленькие памятники. Над долиной посвистывал мерзлый ветер. С верховьев реки доносились взрывы. Удивленный тундровый ворон неспешными галсами туда-сюда пролетал над дымящим бойлером, искал себе поживу.

...Промывка нижней линии ничего не дала. Шлихи оказались или пустыми, или с ничтожным содержанием пылевидного золота. Монголов дал об этом радиogramму Чинкову и приказал перетасщить бойлер на следующую по порядку линию. Монголов знал, что Чинкову во что бы то ни стало нужен результат. Для результата надежнее мыть на линиях, пробитых в котловине, где осенью намыл свое золото Куценко, а Седой с Менялкой нашли самородок. Но гоняться за фартом Монголов не хотел и не мог. Это было бы изменой принципам жизни.

Вторая линия также оказалась пустой, и бойлер методически переместили на третью линию, где первые промывки также оказались пустыми. В разведке уже притерпелись к этой странной процессии: трактор ДТ-54, за ним на прицепе чадающее сооружение бойлера, а позади неторопливо шагает Менялка с видом человека, знающего, что ничто не может изменить установленный в мире порядок, а главное, незачем его менять. Эту процессию окрестили «похоронкой», потому что она пока хоронила надежды на золото. На разведке жило тридцать пять мужиков, приехавших на Территорию не за романтикой, а за деньгами. И они зарабатывали деньги вне всякой зависимости от того, что дает промывка. Ни один из них не был материально заинтересован в золоте, никому не мерещились премии. Сделай дырку в земле — и ступай дальше. Но по общему закону всякого человеческого дела, в которое вложен труд, рабочие все-таки сильно жалели, что золота нет. В одной из палаток поставили бражку. Возникла пьяная драка, которую, как всегда, молчали-

во и вежливо разнял Малыш. Но, расшвыряв по койкам дерущихся, Малыш остался. Дыбился у входа в свей собачьей дохе и шумно сопел. Минут через десять, когда все стихло, Малыш поднял кулак и сказал: «Если еще драку замечу — больно поколочу. Того, кто бил, того, кого били, и тех, кто смотрел. Лучше живите тихо».

Малыш еще посопел и удалился. Он шел на верхнюю линию, чтобы проверить, все ли в порядке там. Дорогой Малыш обдумывал: те ли слова он сказал, чтобы поняли необходимость порядка. Дисциплина нужна. Прежде всего, когда невезуха. Чем больше неудач, тем сильнее должна быть дисциплина. Иначе — труха. Так лично ему сказал Монголов. А к Монголову Малыш после истории с золотом был привязан. Его личная жизнь приобрела на разведке Эльгая твердую основу. Письма из Астрахани шли регулярно. Даже вскользь задавался вопрос: не зазнался ли он, заедет ли в отпуск домой или сразу кинется по шикарным курортам? Заедет! Отпуск будет осенью. Если позволит Монголов. Малыш заедет и вернется сюда вместе с ней. Но, конечно, надо посоветоваться с Монголовым. Как Владимир Михайлович скажет, так он и поступит. Точка. Прием.

...Наконец Менялка намыл в одной проходке третьей линии хорошее золото. Так как эту пробу ждала вся разведка, он прямо в лотке понес ее на вытянутых руках за два километра к Монголову. Дорогой лоток заledenел, и когда Менялка ставил его на стол, то оказалось, что и руки примерзли, лоскут кожи остался на окованном жестью борту.

— Рукавицы не мог гадеть... твою душу? — спросил Монголов.

Менялка удивился. Раньше Монголов никогда не матерился. Даже и представить себе было трудно.

— Я в теплой все хорошо отогрелся, — утешил он Монголова. — Мой, прошу тебя, хорошо. Может быть, спирта хочешь?

— Нельзя, Владимир Михайлович, — горестно вздохнул Менялка. — Нет ни малейшей возможности. Закон старателей. Как выпьешь, так фарт спугнешь.

Менялка выпятился в тамбур палатки и всю обратную дорогу до бойлера что-то убедительно доказывал самому себе, размахивая забинтованной рукой.

Но все равно это была единственная удачная проба на третьей линии. Дальше снова пошли пустые. Над разведкой, над скопищем палаток с черным снегом вокруг них, над продырявленной шурфами землей, над долиной, в верховьях которой все так же вяло хлопали взрывы, нависло опасение, что работа идет впустую. Приближение весны мешало спать тем, кто вернулся со смены, и потому они лежали на нарах и вели вялые монологи: «Хорошо бы найти три ба-а-льших самородка и...». Но все понимали, что эти слова лишены смысла. Мужики, работавшие на Восточной разведке, были старыми кадрами, знавшими золото Реки или иных мест. Золото само по себе не вызывало у них никаких эмоций. Тусклый, грязноватый металл, имеющий дурную лишнюю ценность. Очень опасный металл, если у тебя мозги пойдут набекрень, как у такого-то и такого-то в таком-то и таком-то году. Разговоры о золоте затихали. Иногда кто-либо выходил из палатки и просто стрелял в воздух: «Душа громкого требует. Добьем разведку, рвеем в отпуск. Устроим шумный шорох под звездами, эх и устроим...».

В феврале кончилась полярная ночь. Над Поселком стало появляться бледное солнце, улицы изменились. Стало заметно, что пыльные зимние бури сорвали со стен побелку, обшарпали застрявшие с Ноябрь-

ских праздников лозунги. На обдутых улицах лез в глаза всякий хлам: выброшенные валенки, сапоги, консервные банки. С первородным изумлением жители смотрели на сугробы, соединявшие дома вровень с крышами, на пробитые в сугробах тоннели. Лица прохожих были болезненно белыми, как картофельные ростки. Поселок походил на старый, выдержавший штормы корабль.

Но уже в геологическом управлении всплыло слово «весновка». Пока оно употреблялось в прошедшем времени: «Помню, прошлый год на весновке мы...». Сам факт весновки возник из-за сугубого бездорожья Территории. Каждая партия забрасывалась в район по зацементированной морозами тундре, по льду рек и озер. Второй приметой весны был слух: «Бог Огня опять костер запалил».

Зимой Бог Огня работал на базе «Северторга». Каждую осень его охотно брали туда. В новеньком белом полушубке, низко загнутых валенках, в кожаной шапке, Бог Огня с плотничьим ящиком ходил всю зиму из склада в склад. Ремонтировал крыши—там, где в крохотные дырки протекал снег, сколачивал стеллажи для товаров, забивал приготовленные к отправке ящики, чинил загородки, вертушки и двери, врезал замки. Платили ему хорошо, и чего там еще желать?

Смутная волна неясных желаний накатывала на него в феврале. Солнечный свет тревожил. Бог Огня шел на берег бухты, смотрел на белую гладь, острый носик его вздрагивал. Он слышал запах талого снега, запах земли и влажного льда, хотя все это было еще далеко впереди.

Бог Огня разжигал на берегу костерок и затихал на какое-то время, глядя на прыгающее слабое пламя, на то, как оседает снег под костром. Когда ветер бросал дым в лицо, Бог Огня закрывал глаза и так сидел на корточках, лишь носик все вздрагивал. Но сидеть долго на месте он не мог и шел дальше. Шлялся, точно потерянный, между домами Поселка, неловко перелезал через короба, натякался на стены. Приткнувшись где-либо у короба, Бог Огня снова разжигал костерок. Щепки, газеты, ящичные доски как бы сами возникали у него в руках, и сам по себе загорался огонь. Бог Огня снова замирал у костра. Лицо его темнело, глаза превращались в щелки, и Бог Огня напоминал теперь дикого таежного жителя, неизвестно как очутившегося среди домов. Он вставал и двигался лунатической походкой. Ноги подгибались, уши кожаной шапки как бы оживали и странно топорщились, полушубок горбом вздувался на спине. Бог Огня затихал ненадолго у очередного костра, все больше и больше превращаясь в странное, не нашего мира существо, у которого ноги, руки, шапка, валенки, полушубок, рукавицы, голова жили отдельной и разобщенной жизнью. Где-то у очередного костра его находил милиционер и, отечески приговаривая, вел в КПЗ, где и запирали на ночь. Но и в КПЗ Бог Огня устраивался на корточках в темном углу и пошамански вытягивал руки, будто грел ладони над не заметным всем прочим костром.

...В прокуренный воздух управленческих коридоров проползала тревога. «Помню, прошлый год на весновке...». Взгляд, уставленный в угол или в окно, усмешка. Весновка была ежегодным откровением жизни, возвращением к ней после затхлого воздуха коридоров и комнат. Солнце, сверкающий снег, крики обезумевших куропаток, сиплое тьяканье песка. Мир заполнен выше краев. Белая мгла над тундрой, освещенная изнутри велением неизвестных сил. Вот что такое, братцы, весновка. Мотаешь неизвестно куда и зачем с ружьем, и в тебе не перегорает желание быть в одно и то же время повсюду: на закинутых в небо хребтах Азии, в гундере с темными проталинами по берегам мерзлых рек, в тех самых залах, где ходят чудесные, как сны наркомана, женщины, или, лучше всего, у се-

бя в деревне на лугу, залепленном, как ситец, цветами. Все это и есть весновка. Придешь в себя, база где-то сзади, в десяти километрах, — еще эту базу надо найти, — туман, размытые тени, усталость, и вдруг, верь не верь, трубный гусиный крик, тревожный, как долг, и ясный, как жизненная задача. Весновка!

Но до этого проза жизни: проект, защита отчета. Одним словом, когда-то еще прилетят пуночки. На доске приказов висели распоряжения Чинкова. График сдачи отчетов. График сдачи проектов. График выезда в тундру. Раньше выезжали без графиков, все было тихо и мирно. Все было путем, — посмотрим, как оно будет с графиками.

23

Чинков предвидел, что начальником центрального геологического управления бывшего «Северстроя» назначат Робыкина. Но все же, узнав, помрачнел и долго сидел у себя в кабинете. Взгляд в стол, идольская поза.

Конец «Северстроя» означил конец эпохи в истории Реки, Территории и, в какой-то степени, государства. В этой эпохе тесно сплелись жесткие законы освоения новых земель, государственная потребность в золоте и специфический образ жизни замкнутой организации, именуемой «комбинатом особого типа». После «Северстроя» остались десятки заброшенных в тайгу приисков, сотни километров автомобильных трасс, проложенных по следам легендарных маршрутов первооткрывателей золота. Остался Город, выстроенный на месте груды сваленных на морском берегу грузов. И еще остался след «Северстроя» в судьбах и душах сотен тысяч людей.

Правительственный указ о его ликвидации странным, может быть даже символическим, образом совпал со свойственным Городу климатическим феноменом, из-за которого он считался самым опасным для сердечников и гипертоников местом в стране. В конце зимы или в разгар лета в Городе вдруг начинала беситься погода: ветер сменялся снегом, снег — дождем, дождь — ветром противоположного направления и солнцем. Ртутный столбик барометра прыгал по шкале, точно регистрировал землетрясение. Машины «Скорой помощи» носились по Городу, как завывающие вестники грядущих служебных перемещений, уходов на пенсию и смертей. (Ритм и обычаи «Северстроя» быстро изнашивали сердца). Существовала строгая, хотя и никак не связанная с медициной и очередностью телефонной звонка иерархия вызовов: чей считается первым, чей — вторым, а кто может и подождать.

Именно такая сумасшедшая погода выпала на второй день после опубликования указа. Телефон в «Скорой помощи» звонил беспрерывно. Но иерархия и регламент были уже нарушены: неизвестно, кто звонит, — бывший или, наоборот, будущий. Торжествовали порядок и медицина. Эту ночь в устной хронике Города так позднее и окрестили: «Ночь инфарктов».

«Ночь инфарктов» миновала Робыкина, более того, вознесла. «Дело не в том, что я когда-то перебежал Коте дорогу, — думал Чинков. — Сила, слабость и опасность Коти — в традиции. Он целиком за Реку. Не верю я, что у Робыкина хватит ума подняться выше привычного».

Чинков вполне допускал, что в борьбе с ним Робыкин будет использовать все связи, любые средства. Чинков и сам действовал так. Но он считал необходимым в любую интригу вкладывать изящество и красоту. «Котя играет в «очко» или в покер. Я играю по шахматным правилам», — думал Чинков.

Всякий руководитель провинциальной службы «Северного строительства» имел в Городе свою агентуру, чтобы узнавать заранее проекты, решения и изменения. Агентурой Чинкова была Лидия Макаровна, у которой все секретарши, машинистки, стенографистки являлись подругами давних лет. Они сообщали ей новости посредством несложного кода в радиоразговоре, телеграмме или письме. Если из центрального управления приходила бумага, Лидия Макаровна просто клала ее на стол Чинкову. Если бумаге еще предстояло прийти, она сообщала об этом устно. Такова была их игра.

Так и сейчас Лидия Макаровна вошла, встала у порога и, самозабвенно дымя папиросой, сказала: «Телеграмма с вызовом в Город. Подпись Робыкина. Вопрос об ассигнованиях, в том числе и о тех, что получены целевым назначением в обход Города». Она еще раз пыхнула папироской, хотя знала, что Чинков, как и Робыкин, табачного дыма не терпит. Табачный дым также входил в игру. Лидия Макаровна знала, что Чинков, могучий Будда, боится попросить ее не курить. Боится, и все.

Чинков пошел на рацию. Управленческий радист долго вызывал базу Монголова, мешали разряды. Умформер рации тревожно гудел, прерывался и снова гудел. Чинков стоял рядом со стулом радиста, стоял, опустив руки по швам, и, сжав губы, смотрел в пол. Наконец радист ожил и, не снимая наушников, повернулся к Чинкову.

— Запросите результаты промывки, — глухо сказал Чинков.

Веснушчатая, с рыжими волосами рука выбила запрос; через минуту послышался короткий, как выстрел, писк ответа.

— Ничего нет. Все пусто, — сказал радист.

— Передайте. Приказываю немедленно перенести промывку в котловину. Немедленно. Приказываю. Чинков. — Чинков назвал номер линии. Именно тот, который указывал в докладной записке Сергей Баклаков.

База Монголова озадаченно замолкла. Радист скосил глаз на Чинкова. Тот коротко кивнул головой. Радист поспешно выбил «це эль» — «работу закончил» — и снял наушники.

Чинков покачался с пятки на носок, как меланхолический ванька-встанька, и вдруг громко спросил:

— Скажите, как часто бывает непрохождение при связи с Монголовым?

— Случается, — пожал плечами радист.

— Сегодня была отвратительная слышимость, не правда ли? — тихо произнес Чинков и утвердил печально: — Разумеется, на редкость отвратительная слышимость. Жаль!

Чинков неторопливо пошел по коридору усталой походкой задавленного заботами человека.

Радист нагнал его:

— Согласно положению, я обязан записать разговор в журнал.

— Вы, кажется, флотский? — спросил Чинков, в упор глядя на радиста. Он опять уже изменился: был насмешлив и весел.

— Так точно! — сказал радист.

— Насколько мне известно, все флотские отличаются остроумием и сообразительностью.

— Так точно! — весело и громко подтвердил радист.

— Ну вот... — Чинков улыбнулся поощрительно и пошел дальше по длинному коридору, оставив радиста с растянутой до ушей ответной улыбкой.

В середине дня состоялось заседание райкома. Идея этого заседания была подаана членом райкома Чинковым неделю тому назад. Заседание

посвящалось перспективам оленеводства, и доклад делал опять же Чинков.

— До сих пор,— сказал он,— оленеводство Территории было как бы внутри себя и не имело товарного выхода, кроме снабжения оленьей Поселка. Сейчас, когда в глубинах Территории организуются крупные разведочные экспедиции с сотнями людей, снабжение их мясом, оленьими шкурами, меховой одеждой должны взять на себя колхозы. Колхозы должны дать оленьи и собачьи упряжки, если это потребуется. Прежде всего, это выгодно самим колхозам, которые наконец-то найдут сбыт для лишнего стада оленей, сбыт для шкур, меховых изделий. Это выгодно и геологическому управлению. Задача в том, чтобы соответственно скорректировать планы колхозов, маршруты стад, предназначенных для забоя, количество свободной рабочей силы в колхозах и планы геологов.

Дельность доклада не могла вызвать возражений. Даже странно вдруг стало, что столь очевидный вопрос ни разу не обсуждался. Но Чинков, попросив еще раз слова, сказал:

— Нам будет очень необходима поддержка области, и поэтому, в виде исключения, я прошу сегодня же дать информацию в областную и окружную печать. Я уверен в благожелательной поддержке нашего начинания. Но напомнить о себе иногда не вредно.

Выходя из райкома, Чинков встретил Сергушову, которая уже шла по вызову. Знакомы они не были. Но оказалось, что Чинков отлично помнит вечер полевиков. С властной непринужденностью он взял журналистку под руку и стал водить перед зданием райкома туда-сюда. Ударился в экскурс об особенностях животного мира.

— Вид кота, который «ходил сам по себе», открыл, как вам, несомненно, известно, Киплинг, — лукаво улыбаясь, излагал Чинков. — Но биологический вид оленя, который ходит сам по себе и для себя, верьте не верьте, открыл я. Честь открытия я не уступлю. Чтобы олень ходил полезно, необходимо что? Чтобы мы, геологи, не дремали. В геологии — и только в ней! — ключ к освоению Территории. Вы это запомнили? Ключ к сельскому хозяйству Территории лежит в наших открытиях.

Чинков, все так же улыбаясь, простился и пошел прочь беспечной и тяжелой походкой ловеласа на пенсии. Сергушва долго смотрела ему вслед. Было ощущение, что перед ней разыграли с неизвестной целью мистификацию. Но вызов в райком? «Дура! — решила она. — Кто здесь способен на розыгрыш!». Чинков неожиданно оглянулся и так стоял — темный прямоугольник на светлом фоне. Сергушова быстро вошла в райком, чтобы убедиться, никакого розыгрыша не было и быть не могло.

Назначение Робыкина начальником центрального геологического управления озадачило не только Чинкова. Робыкин не совершал прославленных маршрутов или открытий, не имел странностей, не славился беспощадным азартом в работе. «Северстрой» же был избалован яркими личностями на руководящих постах. Все они прославились либо причудами, либо разного рода страстями, проявлению которых способствовали крупные северостроевские оклады и почти бесконтрольное положение. Но из всех приличных и неприличных свойств их натур всегда выделялись ум, сила воли, страсть и удача в работе. Сложившийся за двадцать лет ореол исключительности, которым обладал каждый начальник геологической службы «Северного строительства», был автоматически перенесен на Робыкина. Его автоматически окружили люди, которые занимали различные должности в управлении, но главной должностью которых была близость к начальнику управления. И так как Робыкин все-таки явных и внешних черт исключительности не имел, то молва решила, что

Робыкин чрезвычайно хитер. Что он обладает невероятным даром интриги, что прежнего начальника управления и всех возможных кандидатов на этот пост он переиграл в несколько ходов, что... Надо отдать должное Робыкину — никакими чрезвычайными интригами он не занимался, и его назначение на пост было, может быть, просто следствием его заурядности. Все предшественники, наряду с яркими достоинствами, обладали и яркими недостатками.

Очередное совещание главных инженеров Робыкин созвал потому, что от Города требовали увеличить добычу золота. Вопрос об угасании месторождений Реки как бы автоматически отпадал в точном соответствии с тезисом Чинкова: «Если месторождение требуется, оно должно быть обнаружено». Но все-таки Река была изученным районом и требовала очень крупные ассигнования на поиски замаскированных в глубинах земли россыпей. Робыкин хотел знать: сколько потребуется денег в новых условиях? Куда они будут вложены? Через какой срок можно обещать результат? Кроме того, он хотел окончательно проучить Чинкова, выбить «эти местнические настроения». Неожиданно появившиеся в областной печати статьи, где упоминался Чинков, где геологическое управление Поселка как бы выдвигалось в передовые ряды и, конечно, выдвигался Чинков, «государственно мыслящий человек», озадачили Робыкина. Это шло вразрез с тем, что наметил он. Робыкин даже позвонил областному руководству, чтобы прозондировать ситуацию. Но того, кто был нужен, на месте не оказалось. Будде везло, как всегда.

...Для Чинкова же все повторялось. Снова ожидание в гостинице, когда кого-то переселяли из его номера, тот же асфальтовый пятак, только такси стояли свободными — старатель затаился до осени, — и снова прогулка по Городу с черной папкой под мышкой. Но сейчас Чинков шел на несколько ходов впереди, в этом была прелесть и опасность его положения.

Робыкин начал сразу.

— Предыстория вопроса всем хорошо известна, и я не буду ее повторять. Задача нашего совещания — решить, как нам разместить средства, которые мы требуем у правительства. Это немалые средства, но в них включены те деньги, которые товарищ Чинков за нашей спиной ухитрился получить в министерстве геологии, используя недопустимые методы и личные связи. Таким образом, товарищи, пока мы, не жалея сил, готовили обоснованные прогнозы добычи золота, Чинков уже тратил предназначенные для этого деньги. Товарищи! Заметили ли вы странную аналогию? Чинков действует точь-в-точь как капиталистический аферист. Все вы знаете, что золото Территории искали с начала века. Искали и не нашли. Но Чинков, обманом добыв деньги, и дальше действует по рецептам буржуазной рекламы. Он направляет в печать статьи, прославляющие его. Даже в условиях капитализма его ждало бы банкротство и суд. В наших условиях Чинкову прежде всего придется ответить по партийной и служебной линии. Придется ответить и областной печати.

Взгляды корифеев золотой промышленности обратились к Чинкову.

— Позвольте, я не буду говорить с места, — сказал Чинков.

Он вышел вперед, встал рядом с креслом Робыкина и в упор встретил взгляды корифеев. Чинков был серьезен и даже задумчив. Он знал, что корифеям понравится лобовая атака, они уважали смелость.

— В отношении областной печати это недостойный укол, товарищ Робыкин, — Чинков говорил громко и медленно. — Статьи появились по инициативе партийных органов, и за разъяснениями прошу обращаться к ним. Тем более что вопрос идет не об инженере Чинкове, а о комплексном развитии Территории. Деньги, полученные мною в Москве, выделены министерством. Так как именно оно выделяет ассигнования, то оно

вправе решать, куда средства должны быть вложены. Принцип централизованного руководства никто не отменял. Деньги вложены в разведку долины реки Эльгай. Уже сейчас можно говорить, что там открыта россыпь. Наше совещание не только решает, куда вложить деньги, но и чем их оправдать. Можно сказать, что мы уже имеем первый актив — россыпь реки Эльгай. Конечно, о конкретных запасах пока говорить рано. Намеченную перспективу геологических работ на Территории полностью поддерживает министерство.

— Кое-кто в министерстве, — громко вмешался Робыкин. — Но далеко не все. Далеко не все!

— Эти «кое-кто» — министр и его заместитель, — глядя на Робыкина, сказал Чинков. — Тактичнее будет сказать, что «кое-кто» нас не поддерживает, товарищ Робыкин. В отношении капитализма, рекламы и прочего — вам лучше знать.

Краем глаза Чинков видел, как лица корифеев расплылись в улыбках: «Ну и нахал». В секретных архивах «Северстроя» фигурировал факт: какой-то двсюродный брат Робыкина имел в Англии ткацкую фабрику.

В это время на столе Робыкина зазвонил телефон. По тому, как Робыкин взял трубку, все поняли, что это Главный телефон. Чинков постоял мгновение, пожал плечами и неторопливо пошел на свое место.

— Да, совещание, — гсворил в трубку Робыкин. — Только что начали. Прилетел. Только что заслушали выступление. О перспективах говорить рановато. Я вам все доложу.

Трубка еще рокотала, но по тому, как Робыкин взглянул на Чинкова, все поняли, что Главный говорил о нем. Лица корифеев, повернутые к Чинкову, светились насмешливыми улыбками. Что бы там ни было, но они уважали силу и ум, они уважали удачу. И Чинков, прищутив глаза, ответил им дерзкой усмешкой: «Вот так-то, ребята, не вы одни мудрецы». Он выиграл.

Робыкин, окончив разговор, оказался в этой атмосфере безмолвного диалога. Кем-кем, но дураком Робыкин никогда не был и потому, улыбувшись, сказал:

— Мы отвлечлись. Перейдем к конкретным делам. Вопрос направления работ на Территории — частный вопрос. Мы вернемся к нему позднее, когда будет известен результат.

«Это означает: ты только споткнись, мы поможем, — думал Чинков. — Принцип дзю-до: падающего — толкни, нападающего — тяни».

В начале марта прибыл первый самолет с вербованными. С этого дня тонкая струйка новых для Поселка и Территории людей уже не иссякала до поздней весны.

Они сходили по самолетному трапу или просто прыгали в кузов аэрофлотского грузовика, подкатившего к борту, обалдевшие от полета, от перемены образа жизни, от вида диких краев, над которыми они пролетали. Встречали их одинокая изба аэропорта, тонкие мачты радиостанции, два—три оранжевых самолета полярной авиации, ровная белая гладь и где-то в безвоздушной недосыгаемости черно-белые горы, синие тени ложбин. Простор, пустота, холод. Они сходили в телогрейках, драповых пальто, легкомысленных куртках, полушубках, валенках, ботинках, кирзовых сапогах. Один, ослепительно рыжий, был в несерьезном пальтеце и лакированных туфлях, в каких выходят на сцену конферансье. Их всех одинаково охватывал едкий ветер с ледовой равнины губы, и у всех одинаково в этот миг поселялись в душе бесприютность и страх.

Всех их ждал крытый фанерный фургон без лавочек. Дорогой до

костного мозга пробирал холод, морозные слезы катились из глаз, и щеки будущих кадров синели. От аэропорта до Поселка было восемнадцать мучительных километров. Фургон качался, дрожал, прыгал через заструги. Сквозь щели фургона виднелись черные сопки. Прилетевшие попадали в «барак-на-косе» с его огнедышащей печью, и после всех передрыг барак этот казался уютным, как отчий дом.

Утром они попадали к столу Богоды, а вечером или еще через сутки тракторные сани везли их на разведку Монголово. Вербованные лежали в кукулях и смотрели, как исчезает за перевалом скопище домов Поселка. Впереди вырисовывалась все та же морозная мгла, белое пространство и неизвестность. Ветер все так же обжигал лица и души. В вербованных телах начинался в это время неизвестный науке процесс: слабость и страх выкипали, пережигались и возникали хоть туманные, но твердые горизонты. Территория обретала новые кадры.

Монголовская разведка втягивала в себя все больше людей. Но в Поселок постепенно возвращались и старые кадры, тундровые аборигены. О них не надо было беспокоиться. Сами все знали. Кадры лежали в санях, курили и вялыми голосами вспоминали развеселую осеннюю жизнь. Они знали, что сейчас ее не удастся продолжить, начальник партии найдет применение на круглые сутки. И каждый гадал, сколько же у него будет к осени на книжке, если работа не дает времени тратить деньги.

Копковские мужики дважды приезжали в аэропорт на том же фанерном фургоне. Они стояли у трапа и вглядывались в возникавшую из недр самолета расхристанную толпу. По неизвестным признакам они изымали из толпы двух-трех человек, и те сразу попадали под крыло опеки. В отделе перевозок их переодевали в ватные костюмы и валенки.

Лишь один раз вышла осечка с рыжим человеком в лакированных туфлях. Увидев отобранных, он сам отделился от толпы, заговорил растерявшихся мужиков Копкова, с ними переоделся, с ними переночевал и угром появился перед Копковым. У рыжего человека были затерянные в складках-морщинах глаза, точно у старого, отжившего свой век слона. Он глянул на Копкова и сразу сказал: «Н-ет! Ошибка! Я с ним работать не буду. Он же чокнутый на работе». У отдела кадров он растолкал очередь, вошел и сел перед Богодой. Оглядел кабинет, дружески улыбнулся Богоде и спросил фамильярно:

— А ничего у тебя работенка! Всегда под крышей, и полярные надбавки идут...

— Ты кто такой? — ошалев от такого нахальства, спросил Богода.

— Всемирный администратор, — скромно ответил рыжий.

— Т-ты почему такой нахал? — закипая, спросил Богода.

— Я не нахал от природы. Но если я не буду им, то я не буду тем, кем я должен быть, — резонно ответил рыжий.

— Кем же ты должен быть? Морда с тряпск! — уже отмякая, спросил Богода. Как всякий северстроевец, он любил лихих людей.

— Я должен быть при администрации. Пять дней на выяснение обстановки. После этого я могу все.

— Что все? Что именно, морда с тряпск?

— Продать, купить, привезти, увезти, сменять, украсть, добыть, отдать, уговорить, обмануть. Вобщем все!

— Иди к Рубинчику, — сказал Богода. — Пусть ищет тебе применение.

— Найдет! — уверенно сказал рыжий, а выйдя, скомандовал: — А ну-ка в строгую очередь! Работа не пиво, всем хватит.

...Чинков записал на узком листочке бумаги: «Великий математик Гаусс сказал однажды: «Мои результаты я имею давно, я только не знаю, как я к ним приду».

Очевидно, блестящие результаты Гаусса были результатом его способности интуитивно предвидеть результаты исследований.

Французский математик Пуанкаре в работе «Ценность науки» писал так: «Логика и интуиция имеют каждая свою необходимую роль. Логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства; интуиция есть орудие открытия».

Я непосредственно верю в золото Территории и знаю, что оно есть. Но я сделал стратегическую ошибку, поставив все на первый год поисков. Был необходим более глубокий план, рассчитанный на двух-или трехлетние неудачи. Тот же Пуанкаре писал однажды: «Все мои усилия сначала послужили лишь к тому, что я стал лучше понимать трудности задачи...». Теперь я вижу «трудность задачи», и необходимо спешить.

Чинков защелкнул свою черную папку на облезлую кнопчку и вышел в приемную. У Лидии Макаровны был опять приступ. Курила и смотрела на стенку перед собой. Машинка зачехлена, бумаги убраны, на столе ничего, кроме пепельницы.

— Весной вы собираетесь в отпуск? — спросил Чинков.

— Да. Списалась с подругой. Решили ехать в Бакуриани, две старые тощие дуры. Горы там. Водичка шумит. Белки по соснам скачут.

— Я попросил бы вас задержаться. Вы будете мне нужны в это лето.

— С этого бы и начинали, — Лидия Макаровна тряхнула стриженой, с проседью, головой и тяжело, с никотиновым запалом, вздохнула.

— Но если вы очень устали...

— Стареее вы, Илья Николаевич, — резко сказала Лидия Макаровна.

— Старею?

— Характер смягчает. Пять лет назад вы нажали бы кнопчку и между делом сказали: «В это лето никаких отпусков. Можете идти». — Лидия Макаровна очень похоже изобразила глухую интонацию Будды.

— Возможно. Старость подразумевает мягкость характера.

— Чего доброго, приблизитесь к своей кличке, — усмехнулась Лидия Макаровна. — Будете добрый и всепрощающий.

— Исключено, — обиженно сказал Чинков. — Глупая и невежественная кличка, не знаю, кто ее дал. Я, знаете, специально почитал жизнеописание Гаутамы, прозванного позднее Буддой. Мы с ним антиподы. Он был человеком высоких нравственных правил, а я, знаете, грешен. Нет заповеди, которую бы я не нарушил. Он проповедовал созерцание и невмешательство в суетные дела мира, а я вмешиваюсь и суетлив. Он был святым, а меня сочтет ли кто хоть за элементарного праведника?

— Не переживайте, Илья Николаевич. Никто и в мыслях не держит, что вы похожи на праведника. Не пригласить ли к вам Баклакова?

— Зачем?

— Докладная его уже месяц у вас. Он как встретит меня — в потолок смотрит. Чтобы независимость показать.

— Пригласите. Пожалуй, пора, — согласился Чинков и вернулся в свой кабинет.

Когда Лидия Макаровна заглянула в кабинет Баклакова и кивком головы показала вверх, что означало «к Чинкову», Баклаков вдруг испугался предстоящего разговора.

— Сейчас, — сказал он. — Через минуту буду.

Ладони вспотели. «Не трясись, — сам себе сказал Баклаков, — если напорол ерунды, так поправят. На го я и молодой инженер, клизма без механизма».

Он поднимался по лестнице медленно и еще постоял в клетушке Лидии Макаровны, размышляя, спросить или не спросить, зачем вызывают. Лидия Макаровна с ужасной скоростью стучала на машинке, пускала клубы дыма и демонстративно не обращала на Баклакова внимания. Баклаков, как во сне, подумал о том, что когда-то Лидия Макаровна была очень красива. Это чувствовалось. Была красивая комсомолка Лида, туманным утром сошедшая с парохода в бухте, залепленной диким скопищем бараков, палаток, землянок на месте предстоящих архитектурных излишеств. Строгий отбор ленинградского горкома направил ее в места, о которых ходила лихая слава. Была романтическая, известная на весь «Северстрой» любовь с одним из первооткрывателей золотых россыпей Реки. Но нет уже первооткрывателя, сорвавшего в длинных маршрутах сердце. Был муж, диктатор золотого прииска. Но нет уже мужа, сгоревшего от допинга — чифир пополам со спиртом — в бессонные годы, когда золото требовала война, и служебное порицание, если требовалось, было одним: высшая мера. Но страшнее и выше высшей меры был долг, ибо золото требовала война. И нет уже сына, морского летчика, сбитого где-то над Баренцовым. Есть Лидия Макаровна, ангел-хранитель молодых инженеров, страх и совесть местного комитета, верный адепт Будды, может быть, единственный человек, которому Будда полностью и безоговорочно доверяет. Есть усталая, ироничная женщина, всегда в измятом полувоенном жакете, всегда с папиросой в полуопущенном углу рта.

...Чинков сидел как положено: руки на подлокотниках тронного кресла, взгляд сумрачно уставлен в зеленое сукно стола. Баклаков поздоровался. Чинков молчал. Сергей сел на один из стульев, шеренгой стоявших у стены. Было очень тихо, и Баклаков отметил тяжкое, как у астматика, дыхание Будды.

— Вы курите, Сергей Александрович? — неожиданно спросил Чинков.

Вопрос был настолько неожиданным, что Баклаков вздрогнул.

— Летом. Курю махорку. В маршрутах.

— А курили?

— Я занимался лыжными гонками. Было нельзя курить.

— И не курите, — сурово произнес Чинков. — Яд! Гадость!

— Я мало курю. Только летом.

— Я, знаете, Баклаков, ужасно много курил. У меня в кабинете стояла роза. Простая роза в горшочке. И иногда в этот горшок попадали окурки. И вот представьте — роза засохла. От окурков. Когда обнаружилось это, я в тот же день бросил курить.

— Курить вредно, — согласился Баклаков.

Чинков снова уставился в поверхность стола. Было слышно, как к управлению подкатил грузовик. Хлопнул откинутый борт. Кто-то вполголоса матернулся, и в ответ послышалась яростная ругань шофера. Чинков нажал кнопку звонка. Вошла Лидия Макаровна.

— Скажите там, за окном... — пробормотал Чинков. Лидия Макаровна вышла, и тотчас шум за окном как будто обрезало.

— Я прочел вашу докладную записку, — тихо и тонко сказал Чинков.

— Ага, — на всякий случай согласился Баклаков. Ему было очень неуютно. Мешали руки, ноги, и сам он был лишним.

— В ваших соображениях есть безусловный смысл. Но не настолько

ко большой, как вам показалось. Статистика требует масштабного опыта. У нас нет для этого ни кадров, ни средств. Кроме того, статистика затемняет внутреннюю сущность предмета исследований. В наших условиях лучше по старинке полагаться на собственную интуицию, умение мыслить и обобщать. Вы согласны?

— Статистика не затемняет, а выявляет внутренние закономерности, — возразил Баклаков. Он как бы подлаживался под доверительный тон Будды. — Это обобщение опыта, который...

— Интуиция есть лучшее обобщение опыта. Я предлагаю вам, Баклаков, продумать маршрут и организацию рекогносцировочной партии. Условно назовем ее Кольцевой. Маршрут этой партии должен пройти по пределам земель управления. Задача партии — собрать данные по кольцу, внутри которого будут работать другие партии. Цель ее — увязать в единую систему все съёмочные разрозненные планшеты. Ожидаемый результат — отчет, в котором будет дан прогноз золотоносности Территории на основании всех предыдущих работ. Начальником партии во время полевого сезона предлагаю быть вам. Соавтором отчета буду я. В качестве промывальщика я дам вам Куценко. Съёмщиком советую взять Гурина. У Гурина светлая голова, если я, конечно, не ошибаюсь. Вопросы?

— У меня с Гуриным нет контакта. По личным причинам.

— Личные причины меня, Баклаков, не интересуют.

— Пусть начальником партии будет Гурин. Он старше меня по возрасту, опыту. Несомненно, он очень хороший геолог.

— Людям типа Гурина я не верю. Они не относятся к постоянному контингенту. Начальником партии будете вы, Баклаков. Еще вопросы?

— В докладной записке я писал о разломах. О возможном типе ловушек для россыпей...

— Нельзя сказать, что вы фундаментально знаете теорию россыпных месторождений. Случай, предложенный вами, известен. Но вы угадали. В долине Эльгая должен быть именно этот тип ловушки. Как видите, можно вполне обойтись без статистики. — Чинков, не поднимая глаз, скупой улыбнулся, фыркнул носом. — Я, кстати, думаю, что вы угадали для всей Территории.

Баклаков промолчал.

— Я предлагаю вам самую сложную и важную партию из намеченных на это лето. Через неделю мне нужен проект. Запомните, Баклаков: какой бы длительности маршрут по пределам земель вы ни наметили, он все-таки даст мало данных. Следовательно, не бойтесь риска, не бойтесь взять себе и другим нагрузку выше предельной. Так требуется. Но если проект партии будет сорван, отвечать придется вам одному. Я предлагаю вам задание с двойным дном, Баклаков. Хочу, чтобы вы сами догадались об этом.

«Для такого маршрута мне нужны специальные кадры, — думал Баклаков. — Все время в движении, все на себе. Куценко? Допустим, он. За шлихи я уже спокоен. Но будет ли мне подчиняться адъютант самого Будды? Адъютанты самолюбивы, так утверждает Монголов. Гурин? Головы у него не отнять. А личные взаимоотношения? С Гуриным никогда и ничто не ясно. Предстоит мужской разговор. Седой? Этот без вопросов. Сил у него не очень много, пжалуй, но самолюбия через край. Седого надо затребовать от Монголова. Личности есть, но нет коллектива».

«Возьми того самого газорезчика, Карзубина», — сказал из угла вятский болотный бог.

«А что? — думал Баклаков. — Работы не боится, водку по утрам не пьет. Жизнь вроде бы понимает».

«Не за этим он нужен», — пробормотал бог.

«Все правильно. Когда людей мало, нужен козел отпущения. В тундре он первый раз, — значит все будут его учить. А он будет терпеть. Закон общежития ему известен. Решено! Пять человек, больше не требуется».

Баклаков взял обзорную карту Территории и заштриховал обследованные участки. Заштриховал Лосиную — вотчину Жоры Апрятина, обвел контуром район Кетунгского нагорья, где побывал Копков.

Два варианта маршрута со всей очевидностью лежали на карте. Первый, как бы подсказанный Чинковым, — по пределам земель управления. Выполнить его в течение сезона одной партии невозможно. Баклаков гипнотизировал карту, стараясь вызвать в себе честолюбивый взрыв, веру в невероятное. Не получалось! Все-таки он инженер, а не романтический школьник.

Второй маршрут был очевиден. На юг от губы шла широкая долина реки Китама. По левому борту впадины тянулась отмеченная аэрофото-съемкой цепочка холмов Марау, Нганай и Тачин. Геолог на этих холмах не бывал. С верховьев Китама можно было перейти в нагорье и выйти в верхнее течение Серой Воды. Там уже рядом район Жоры Апрятина. Спуститься на лодках по Ватапу и выйти к океану. Вдоль берега океана, мимо мысов, заливов, тундры, где также не бывал геолог, вернуться в Поселок. Получался вытянутый косой овал, какая-то односторонняя груша. За пределами груши лежали маршруты Копкова и, совсем на востоке, звездочкой торчало месторождение «Огненное». Если бы Копков взялся сделать несколько радиальных маршрутов по Кетунгскому нагорью, то в принципе задание Чинкова можно считать выполненным. Жора Апрятин протянет маршрут на юг, сомкнет съемку. В этом он и сам заинтересован — завет Отто Яновича еще висит на нем. Но согласится ли Копков отложить дела со своей киноварью во имя общей задачи? Киноварь его открытие, его слава. Уговаривать Копкова бесполезно, он живет по собственной логике. Но он обязан помочь. Не тут ли спрятано «второе дно», о котором говорил Чинков? Убедить ребят в том, что они должны взять на себя еще одну задачу — помощь обзорной Кольцевой партии.

Баклаков поднялся наверх, в партию Жоры Апрятина. В кабинете сидел один Гурин.

— Чинков предложил мне и тебе выполнить обобщающий кольцевой маршрут, — без предисловия начал Баклаков. — Составь маршрутную карту. Я займусь текстом проекта и сметой. Проект нужен через неделю.

— Стари-и-ик! — насмешливо ответил Гурин. — Я ведь еще не дал согласия участвовать в твоих хитростях.

— Объясняйся с Буддой. Или иди к черту, — сказал Баклаков. Ему не хотелось словесной игры. Он не терпел пижонского обращения «старики».

— Стари-и-ик! — все так же насмешливо продолжал Гурин, поглядывая поверх очков. — Но я ведь и не отказываюсь. Я — японец в душе. Одиноким буддийским монахом под дырявым зонтиком — это я. Я также апологет миролюбивой секты Дзен. Кроме того, я самурай, который...

— Кончай треп. Да или нет?

— Как начальник ты не подарок. Нет у тебя такта, и руководящего ума тоже не видно.

— Иди тогда ты...

— Но с тобой работать можно. Не чесать языком, для этого ты не партнер, а работать. Я что-то зажил. И чувствую, что скоро мне на крыло. Хочу оставить память на Территории. Доктор Гурин — сподвижник безумцев. Согласен, начальник!

— Просто не мог согласиться?!

— Просто всегда скучно.

— Да, — ответил Баклаков. — Для таких, как ты. Интеллектуалов Я серый вятский инженер. Мускулы с высшим образованием и примитивным честолюбием. Даже до лапотцев и иконок, как всякий выскочка, не дорос.

— Ну что ты, нача-аль-ник! — Гурин смеялся.

— Давай договоримся, Доктор. Нам вместе работать, и об отношениях придется забыть до осени. Если очень припечет, потолкуй о том, какая я сволочь, со стальным мешком. Договорились?

Гурин открыл сейф. Вынул стаканчики и бутылку.

— Скрепим договор? — насмешливо спросил он.

— Если без этого нельзя, то давай скрепим. Нарушим дисциплину для будущей дисциплины. Никак все-таки не пойму, кто ты есть?

— Единичный философ, — серьезно ответил Гурин.

Когда начался очередной «южак», Баклаков забрал документы и ушел домой. Он сидел при свечке, так как электростанция не работала. Свечное пламя прыгало, и прыгали тени по стенам. Ночью ветер оборвал закрывавшую окно оленью шкуру, и между рамами плотно напессовался счег. За эти три дня Баклаков пришел к выводу, что намеченный им вариант — единственно возможный и правильный. Все остальное нерезально. Следовательно, нужен Копков.

В управлении Копкова не было. Баклаков пошел к нему домой. Копков, единственный из холостяков управления, имел свою комнату. Комната была в крохотном самодельном домике рядом с управлением. Когда поблизости проложили теплоцентраль, домик как бы исчез — можно было прямо с короба шагнуть на крышу.

Копков лежал на топчане, одетый. Из-под полушубка торчали валенки. Лицо Копкова заросло мятым пухом, на груди, как последнее причастие, как Библия, лежал толстый палеонтологический справочник в дореволюционном кожаном переплете. Копков читал его в перчатках — в комнате был мороз.

— Понимаешь, иду по коробу. «Южак» толкает, я упираюсь. «Юж-жак» сильнее ок-казался, — Копков начал заикаться, как всегда, когда волновался.

— Как сильней?

— Н-ногу мне в-вывихнул. Н-ни встать, н-ни ..

— Ты ел что-нибудь?

— От-ткуда? Третий день п-палеонтологией п-питаюсь.

— Сейчас! — Баклаков вышел в сени, набрал коротких полешек, затопил печку. Полешки были сухие, и печка сразу разгорелась.

— А я думаю: что-то тебя не видно. Может, заболел или что, думаю, дай зайду, — говорил Баклаков, открывая консервные банки.

— В-врешь, — сказал Копков. — Т-ты не за этим ш-шел.

...В комнате стало тепло. От консервных банок, вытряхнутых на сковородку, пошел сытный запах. Баклаков сел на грудку полешек у печи. Комната Копкова была всеобщей завистью. Топчан с медвежьей шкурой, книги на самодельных полках и фотография на стене — человек в кухлянке, без шапки, с винтовкой через плечо тянет след по свежевывавшему глубокому снегу, уходит в мгlistое, изрезанное, как на картинах Эль Греко, небо. Называлась она: «Последний маршрут», на фотографии был сам Копков.

В сенях затопали шаги, и вошли Жора Апрятин, Гурин и почему-то Люда Голливуд.

Они поздоровались и продолжали стоять. Баклаков видел, что Копков мается от своей небритой беспомощности, а может, и от того, что в его холостяцкой одинокой комнате слишком много людей.

Гурин вынул из кармана пуховки банку ананасного компота. Из другого — вместо неизменной пузатой бутылки французского коньяка вытащил бутылку спирта.

— Если, ребята, соб-брались в-выпить, выпейте в д-другом м-месте, — сказал Копков.

— Отто Янович умер, — бухнул Жора Апрятин.

Люда Голливуд протянула Копкову радиogramму.

Они долго и молча сидели за столом. Спирт так и стоял нераспечатанным. Трещали поленья в печке, над крышей вздыхал теряющий силу «южак», скрипел на уровне окна снег под ногами прохожих. Каждый думал о том, что тогда-то и тогда-то по такому-то случаю сказал ему Отто Янович. Каждый осознавал, что Калдинь жил напряженной внутренней жизнью, по сравнению с которой ежегодные страсти отчетов, проектов и экспедиций казались не столь уж важными. Но в чем был смысл его напряжения? Калдинь умел вести себя незаметно. Его немногословные замечания на защите отчетов всегда были дельными и доброжелательными. Калдинь двадцать лет жизни отдал Поселку, и потому память о нем давно уже была занесена в святцы. И если Семен Копков считался знатоком и начетчиком старообрядческого геологического устава, то Калдинь как бы давал взгляд на мир с неких горных высот то ли житейского опыта, то ли нравственных категорий. Может быть, потому и попал в святцы при жизни.

— Остались мы без корней. Летим, — нарушил молчание Жора Апрятин.

Гурин вышел и быстро вернулся. Он принес тубик какой-то мази.

— Как бывший фельдшер школы горноспасателей, — сказал он и стал растирать Копкову распухшую лодыжку. Люда Голливуд увидела драные и грязные копковские носки, ахнула и тут же принесла новые, домашней вязки.

Жора открыл спирт, выпил стопку и басом сказал:

— Главным геологом надо быть Семену Копкову. Никому другому я подчиняться не буду.

Ушел.

Гурин завернул тубик с остро пахнущей мазью и тоже вышел.

Люда Голливуд осталась мыть посуду.

Баклаков вернулся с охапкой дров, про запас. Семен брился, отвернувшись к стене. Люда Голливуд сгребала в одну тарелку остатки консервов. Вместо фартука она повязала клетчатую рубашку, и рукава рубашки, как руки, вперехлест обхватывали тонкую талию.

С внезапной и острой жалостью Баклаков смотрел на Люду Голливуд. На стильную юбку вокруг стройных ног, на очень белую, как у всех рыжеволосых женщин, почти прозрачную кожу, на морщинки вокруг глаз, на склоненную над грязными тарелками голову и медную тяжелую прядь, выбившуюся из безукоризненной прически. Он понял, что положение поселковой красавицы номер один вовсе не составило голливудского счастья. И сама Люда отлично все это знает и понимает.

Чтобы скрыть смущение, Баклаков с грохотом ссыпал у печки дрова и сказал:

— Присоединяюсь к мнению Жоры. Главным геологом быть тебе.

— Не переживай, Серега, — не поворачиваясь от стенки, пробормотал Копков. — Ту работу, о которой ты собирался меня просить, я тебе сделаю.

Было в этом нечто от безобидной иронии Отто Яновича: «ту работу, о которой ты собирался просить».

— Почему ты решил, что я буду просить?

— Из карты видно как трижды три.

— А твоя киноварь?

— Ты в шахматы играешь, Серега?

— Чуть-чуть.

— Ну, «вилку» знаешь? Так вот, я попал в вилку. Для маршрута я стар. Это одна сторона. Вторая: под старость начинаешь о совести мыслить, о смерти. Ты ведь, Серега, смертен. Значит, тебе надо спешить. Славу познать, удачу. Тебе нужен успешный маршрут. В этом году. А сопка моя как стояла, так и будет стоять. Никуда не убежит моя киноварь.

...Через три дня Баклаков принес Чинкову готовый проект. Чинков, не глядя на текст, взял папку, без интереса отодвинул на край стола.

— Должен предупредить, — сказал Баклаков. — Кольцо по предельным управлениям силой одной партии проити невозможно. Я наметил реальный маршрут и привлек в помощь Копкова и Жору Апрятина. Так сказать, коллективный проект.

— Я дал вам задание, Баклаков, — сонно произнес Будда. — Как вы будете его выполнять, меня не касается. Можете выписывать инженеров хоть из Австралии. В пределах отпущенных средств.

— Я понял.

— Совет. Если вам ясен маршрут, берите самолет и разбросайте продовольственные склады. Позднее это будет трудно.

— Я занят отчетом.

— И это ваше личное дело. Меньше спите или интенсивней работайте. Я просто даю совет использовать самолет, пока он свободен. Берите пример с Апрятина. У него большая шурфовка, и он спешит. Учел ошибки прошлого. Кстати, шурфовать он будет именно на пересечении долины реки разломами. Этот велосипед вы изобрели, Баклаков, не так ли?

25

Управление облетела весть о том, что Копков и Люда Голливуд поженились. Ставить штемпеля в поселковом Совете Копков ходил с костылем. Управленческий циник Саня Седлов сформулировал: «Потому что одна нога и костыль. Был бы на двух, убежал бы». Но шутка Сани Седлова не имела успеха. Слишком уж были все ошарашены. Для замкнутого по зимнему времени Поселка женитьба Копкова явилась потрясением основ большим, наверное, чем отмена самого «Северстроя». Копков был закоренелым холостяком. Даже и представить его женитьбы было нельзя. Традиции рушились. В взбудораженном общественном мнении всплыли разговоры о легкомысленном прошлом Люды, какие-то намеки на величину копковского счета в сберкассе и даже вовсе древние упоминания о случае, когда раненый лось врезал Копкову копытом выше колен, еще в бытность на реке Индигирке. Геологи единым строем встречали все эти разговоры, и они быстро заглохли. Осталось изумление и еще тревожное предчувствие перемен, которые, несомненно, будут, раз все пошло одно к одному. Заговорили об отмене полярных надбавок, о приезде трех тысяч девиц, специально завербованных в сугубо мужские места Территории, об отмене пенсионных северостроевских привилегий. В этой лавине слухов женитьба Копкова постепенно терялась. Для того, чтобы ее окончательно списали в архив, она должна была по поселковому обычаю кончиться смехом. Так и случилось, когда Алик

Жеребец, председатель поселкового спортобщества и бывший спартаковский футболист, обронил в одной компании мысль о том, что «все бабы хороши, пока спят зубами к стенке», и еще высказался, что женские и прочие особенности Люды Голливуд ему, Алику, известны лучше прочих и, может быть, лучше самого Копкова. Именно Саня Седлов, тощий, прокуренный, как тридцатая ночная сигарета, парень, сразу пошел в драку — шестьдесят килограммов возмущенной чести. Алик Жеребец вначале его отпихивал, потом сбил с ног, тогда Саня Седлов сорвал со стены ружье, загнал патроны в стволы, и Алик Жеребец постыдно бежал. Он мчался по коробам и сугробам на мускулистых ногах футболиста, а следом, потрясая ружьем, гнался Саня Седлов и кричал простые слова. Когда Алик все-таки оторвался от преследования, Саня Седлов вернулся. Он показал незаряженное ружье и продемонстрировал, как сунул патроны под обшлаг, вместо того чтобы пихать их в стволы. «Я не дурак, чтобы баловаться с оружием, — объяснил он. — А этот трепач отныне меня будет бояться всю жизнь». Теперь прочно установилось, что Семен Копков — человек женатый. Честь его жены в присутствии геологов лучше не трогать.

26

За громким названием «продовольственный склад» скрывалась простая железная бочка. Бочку взрезали, точно консервную банку, клали продукты, зашивали проволокой и ставили вверх дном. Она хорошо замечалась на местности, защищала продукты от сырости, а бензиновый дух отгонял медведей.

Бочками занимались Седой и Валька Карзубин. Валька относился к Седому с молчаливым почтением.

Они готовили бочки на складах управления. Склады находились на перевале, в четырех километрах от Поселка. Здесь, на высоте, свободно гулял ветер, и расположенная к югу котловина Поселка казалась им черной, заполненной едким дымом от трубы электростанции. На севере же в хорошую погоду можно было увидеть аэродром и даже различить оранжевые пятна самолетов. Такой был путь с этого перевала: обратно в Поселок или в синюю мглу трассы, которая в семидесяти километрах отсюда утыкалась в прииск «Западный». В другие стороны не было ничего: на восток яйцевидные сопки, «горы без выпендривания», как их называли. Запад отвесно обрывался в море.

Седой с Карзубиным гремели железом, оглушая нервного кладовщика Симоняна, который тут и жил, в пристройке к складам, вместе с женой и большеглазым отпрыском, зашитым в костюм из овчины. В смутные времена «Северстроя» сама жизнь Симоняна на отшибе от Поселка вызывала уважение. Продовольствие, снаряжение и женщина, и все это в стороне, откуда не дойдет никакая тревога, даже пожар не увидят. Смешно было думать, что щуплый Симонян сможет защитить все это даже с ручным пулеметом в руках. Но в прошлой своей жизни Симонян, известный под кличкой Красавчик, оставил достаточное число легенд, и легенды эти лучше колючей проволоки охраняли склады. Единственное условие, которое поставил Симонян, вступая на должность, — отказ от любого оружия.

— Я никого не боюсь, — сказал он. — Я только себя боюсь.

Гремело железо. Седой держал ручку молоткового зубила с выточенным на конце клювиком, Валька Карзубин весело лупил кувалдой по обуху. Симоняновский отпрыск визжал и бегал кругом, изображая быстрого зверя неизвестной породы. Сам Симонян стоял в стороне, курил,

морщился и молчал. Он и Седой были людьми одной биографии, одной жизненной школы, одних ошибок. Прошлое намертво зашито, опечатано, и вскрывать его незачем.

Пока Валентин и Седой готовили бочки, Куценко корпел над ученической тетрадью в клеточку. Баклаков поручил рассчитать ему продукты на каждую бочку. Куценко не делал подсчета по количеству дней, людей и переходов. Он писал список, руководствуясь здравым смыслом. Этот здравый смысл, сформулированный в непечатной северстроевской поговорке, сводился к тому, что запас, который не надо таскать на горбу, еще никогда и никому не мешал.

Шесть бочек с продовольствием и одна с резиновыми лодками для сплава по реке Ватап были заполнены, защиты проволокой и доставлены на аэродром. Куценко попал на почтовый самолет, раз в месяц доставлявший почту на мыс Баннерса. Он должен был арендовать или купить там вельбот, отправить его на тракторных санях к устью Серой Воды и законсервировать там базу с вельботом, мотором и бочкой бензина. Седой остался на аэродроме охранять груз. Валька Карзубин в одиночестве получал и паковал на складах остальные грузы. Гурин помогал с отчетом Жоре Апрятину. Жора также мотался между складами и аэродромом, ему предстояли большие разведочные работы, и он хотел начать весновку как можно раньше.

Трое суток Баклаков просидел в управлении. Отчет он закончил и сдал на машину, когда от кофе голова уже стала пухнуть и сильно звенело в ушах. Пришла радиограмма от Куценко: «Вельбот купил вывозу условленную точку жду транспорт». Баклакову предстояло разбросать по маршруту бочки и на обратном пути снять Куценко. Иначе он мог торчать на мысе Баннерса еще месяц.

Мела поземка. Только сейчас Баклаков вспомнил: сегодня воскресенье, и, значит, не будет попутных машин до аэропорта. Баклаков отправился в аэропорт пешком. Около магазина он заметил толпу мужиков, осаждавших крыльцо, на котором стоял директор и объяснял: кричать нечего, все равно никто ничего не получит. Будда настоял, чтобы в Поселке объявили «сухой закон» до тех пор, пока все партии не выедут в поле. Будда был Главный Человек, и мужики воевали попусту.

Баклаков шел берегом бухты по голому галечнику, на котором снег не держался. Воротник полушубка хорошо закрывал щеки. Ноги казались отрезанными до колен — их скрывала белая муть поземки. Он часто проваливался в ямы, вырытые напором льдин, в вымерзшие русла ручейков, стекавших в море. Ветер становился все сильнее, и Баклаков знал, что сейчас ему надо быть осторожным — немало людей вот в такую погоду погибло на дороге к аэропорту. Скоро должен был начаться обрыв, от него надо держаться подальше, так как там всегда свежие трещины и полыньи. После сбыва шла равнинная тундра, и там надо быть еще осторожнее, потому что море и тундра под застругами неразличимы и можно уйти вправо, пока не уткнешься в сопки в сорока километрах, или влево, где вообще ни во что не уткнешься, разве что в Северный полюс.

В белесой тьме мелькнуло темное. Избушка, сколоченная рыбаками-газетчиками из ящичных досок и толя. Как-то он заходил сюда вместе с ними. Избушка была не заперта. Он поднял подпиравший дверь обломок доски, отгреб снег от входа и зашел в темноту. Чиркнув спичкой, Баклаков огляделся. На нарах стоял огарок свечи. У печки лежали дрова. Баклакову захотелось посидеть в тепле. Он растопил печку. Тяга была очень сильной, и печь разгорелась сразу. Когда он на короточках разжигал ее, то увидел под нарами рюкзак. В нем было полбуханки замерзшего хлеба, кусок оленьей колбасы и на одну треть початая бутылка спирта.

В избушке уже стало тепло, печка накалилась вишневым цветом около трубы. Баклаков поднял кусок снега у входа, бросил его в железную кружку, растопил и положил в теплую воду еще снега. Другой кружки не было, он отложил на нары влажный кусок снега, долил в кружку спирт, выпил и зажевал снегом. Погрыз колбасы. Снег шуршал по толстым стенам. Было очень уютно. Он лег на нары, стал смотреть на краснющую печку. Идти никуда не хотелось. Баклаков почувствовал, что ему еще хочется выпить, поэтому заткнул бутылку, положил ее в рюкзак и спрятал его опять под нары.

Он прикрыл дверь, запер на цепочку. Из трубы вылетали последние искры. Сергей Баклаков повернулся к избушке спиной и зашагал к скалистому обрыву.

Пока справа темнели в разрывах снега скалы, он шел машинально, потом скалы снизились, берег здесь должен был загигать к западу. Он угадал черту берега по плавниковым бревнам и двинулся, различая дорожку по мелким штрихам — мерзлой веточке морской капусты, плоской гальке. Иногда он запутывался и тогда вынимал нож и шел влево, пока острие не натыкалось на лед, тогда он поворачивал вправо, пока нож не натыкался на камень или траву. Потом устанавливал курс по углу между плечами и ветром.

Он не смотрел на часы, ему было хорошо идти под короткие обрывки мыслей. Наконец он услышал моторный гул. Справа от него проскочило оранжевое пятно: какой-то «ледовик» — самолет ледовой разведки, которые шлялись в любую погоду. Мелькнул и сразу исчез. Гул мотора унес ветер. Баклаков повернул и наткнулся на фонарь аэродромной подсветки.

Из трубы над их палаткой срывался дым — значит Седой топил печь, и Баклаков пожалел, что не взял с собой выпить. С рабочими в партии пить нельзя, но Седому можно было принести спиртишку. Он дернул вход палатки, Седой встал с нар и помог ему снять полушубок. Потом посмотрел на лицо и зажег лампу. Огонек в лампе прыгал, потому что ветер дергал потолок палатки. Седой поднес лампу к лицу Баклакова и усмехнулся:

— Выпивши, что ли? — добродушно спросил Седой.

— А что?

— Посмотри на себя. — Седой извлек откуда-то обломок зеркала, и Баклаков увидел, что от виска к подбородку, там, где прилегал воротник полушубка, тянулся багровый шрам. Обморозился. Теперь неделю будет болеть и на месяц останется полоса, как будто располосовали ножиком.

— Есть будешь? — спросил Седой. — Я тут банку фарша, банку рассольника и банку тушенки перемешал. Ничего получилось.

— Давай пожуюем.

Сергей посмотрел на себя в зеркало еще раз, глянул на Седого и в свою очередь рассмеялся. Морозный след на его щеке и след ножа на лице Седого в точности походили друг на друга.

— Мы с тобой как будто из одной передраги вылезли, — сказал он.

Седой ничего не ответил. Залезая в спальный мешок, Баклаков смотрел на спину Седого, на его морщинистую короткую шею, на плечи, которые уже начали обвисать. Щека распухла и начала ныть. Но ему было хорошо и спокойно, потому что все шло правильно. А обморожение входит в профессию.

Когда они выворачивали с рулежной дорожки, Баклаков увидел мчавшуюся вдогонку машину и человека в кузове, который стоял, держась за кабину, и махал им рукой. Но в это время Боря Бардыкин, отчаянный первый пилот, дал газ и взлетел вкось взлетной полосы.

Круглолицый, веселый и шумный здоровяк Боря Бардыкин был любимцем геологического управления. Во-первых, потому, что он летал безотказно, было бы разрешение на полет. Во-вторых, рядом с Борей Бардыкиным всегда ясно ощущалась простота бытия: «Ничего, ёк-коморок, с нами случиться не может. Все, ёк-коморок, будет в полном ажуре. Хочешь, лучше расскажу, как прошлый год в Коктебеле я с одной балериной. Про имя, конечно, молчу. Не веришь, ёк-коморок? Ну и дурак! Я в тебе хочу пробудить интерес к жизни. Один раз живем и когда-то взлетаем в последний раз...». Вторым пилотом с Бардыкиным летал тихий, только что из училища юноша, получивший кличку Некто Юный. Самолет шел на юг к долине Китама. За эти бездельные дни Сергей перенес со своей карты на штурманскую карту Бори Бардыкина все места, где требовалось выбросить бочки. Седой заготовил длинные вехи с флажками наверху — с вехой надежнее. Убедившись, что бочек шесть и флажков шесть, Сергей перелез через бочки и сел в проеме кабины, устроив себе сиденье из привязных ремней от правого и левого кресел. Самолет вел второй, но Боря Бардыкин молчал, может быть, обдумывал, с какого анекдота начать. Штурвал перед ним чуть заметно шевелился от движения второго и казался живым.

Дымная котловина Поселка осталась внизу слева. Вправо белесым миражем виднелся равнинный остров Ай, олений рай, где кости оленей смешиваются с костями мамонтов, видно, избравших в свое время этот остров центральным кладбищем.

Через час должны были прилететь в район холмов. Баклаков вынул карту и напомнил Бардыкину, покрутив пальцем вокруг трех коричневых пятнышек. Тот кивнул головой и весело скосил глаз.

Мотор ровно гудел, по временам вспыхивал сверкающий круг пропеллера, вспыхивал на мгновение и исчезал, покачивался светло-зеленый самолетик авиагоризонта, и в стеклянном окошечке плавали на черном цилиндре светлые цифры курса. Внизу лежала залитая солнцем морщинистая равнина губы. Кое-где ее перерезали гряды торосов. Сверху они очень напоминали макет горных хребтов.

Было уютно, надежно и хорошо жить. Сергей прикрыл глаза. Впереди было часов шесть полета, и он хотел максимально использовать его, чтобы разведкой с воздуха заложить фундамент, который и ляжет первым кирпичиком в геологическую концепцию района.

В кабине немного потемнело, Боря Бардыкин опустил плексигласовый зеленый щиток.

Баклаков очнулся от не сильного, но ощутимого виража. Самолет пошел вниз, и Сергей увидел справа отдельную конусовидную сопку и вдалеке пятна — холмы Марау. Северо-западнее — начало его кольца. Бардыкин продолжал снижаться. Баклаков крикнул:

— Не надо! Просто осмотрим общий план!

Самолет выровнялся, и Сергей увидел, что Бардыкин берет курс чуть левее холмов, чтобы их можно было видеть сверху и немного сбоку. Именно то, что надо.

Вершины холмов чернели камнем, иногда можно было даже разглядеть крупноглыбовые развалы, и Баклаков с радостным возбуждением сказал себе: «Да-да, конечно, именно так». Он радовался, что сюда можно будет сделать зимний маршрут, как он и предвидел.

Холмы Нганай издали дыбились на тундре пологим, полностью заснеженным куполом. Баклаков попросил сделать над ними круг. Видимо, здесь разместился снежный оазис — холмы лежали, заваленные ровным, даже без застрогов, снегом. Самолет пронесся над самой вершиной, и Баклаков заметил два небольших бугорка — кучки оленьих рогов на том месте, где похоронен пастух. На юге холмов был обрыв, не отмечен-

ный картой. Самолет снова заложил вираж. Баклаков отметил, что скалистый обрыв шел почти от вершины и тянулся метров на триста. Как раз под обрывом сходились Малый и Большой Китам. Широкая заводь была ровной — идеальная площадка для посадки самолета на лыжах, если придется выбрасываться самолетом. Бардыкин крикнул в ухо Сергею:

— Гольцы! — и, бросив штурвал, показал размеры гольцов, которые тут водятся. Он подергал воображаемую блесну и показал большой палец.

Они легли курсом на юг, где темной стеной уже выступало Кетунгское нагорье. Первую посадку они сделали там, где Малый Китам выходил из нагорья. Бардыкин издали заметил галечную косу, пронесся над ней, высматривая камни, и на обратном заходе сел. Второй пилот помог Баклакову вкатить на невысокую террасу бочку и камнями укрепить веху. Было тихо, грело солнце.

— Так-то хорошо будет, — хозяйственно сказал второй. Чувствовалось, что ему нравится подобная работа.

— Ты вятский, что ли? — изумленно спросил Баклаков.

— Конечно, вятский. Из Котельнича, — сказал второй. Но Бардыкин уже запустил двигатель.

Они сбежали по снежному откосу. Баклаков не переставал удивляться: Котельнич был совсем рядом с его разездом.

В долине Трёх Наледей мела отчаянная поземка. Сверху долина казалась просто огромной трубой, заполненной жидкостью молочного цвета. Бардыкин что-то крикнул Баклакову, заложил круг, другой и пошел на посадку. Самолет отчаянно запрыгал по застругам, потом ткнулся, как в стенку, и встал. Сергей открыл защелку, снял резиновый амортизатор, запирающий дверную ручку, и дверь тут же стукнула по нему. Снежный вихрь ворвался в самолет.

— Закрывай, ёк-коморок!.. — сердито крикнул Бардыкин.

— Куда бочку-то выгружать? Ни черта же не видно.

— Сейчас люди придут. Скажут.

— Ты что, Боря? Свихнулся? Откуда тут люди?

Бардыкин вместо ответа закурил, натянул куртку.

Баклаков выскочил из самолета. Снежная муть на мгновение прояснилась, и совсем рядом мелькнул отвесный борт долины. «Погибнешь с ним ни за грош», — подумал Сергей и тут же увидел тонконогую фигуру, которая, наклонившись, шла к самолету. «Пастух, — удивился Сергей. — Значит, Боря стадо заметил. Какое тут стадо? Оленей унесет ветром». Человек подошел к самолету, Баклаков зашел за ветер и тут же узнал Кые.

— Ты-ы! Привет! — радостно сказал он. — Хе! Судьба — индейка, а жизнь...

— Здравствуй. Это ты? — без удивления откликнулся Кые.

— Откуда? Откуда тут стадо?

— Неправильно самолет посадили. Во-он там снег ровный, совсем тихо, — сказал Кые.

Они залезли в фюзеляж, Бардыкин запустил двигатель, они порулили по снежной мгле, и вскоре мгла кончилась.

Ветер шел по трубе, которая отворачивала в сторону от реки, и было странно видеть, как на расстоянии нескольких метров ст них — пурга, бешеный снег, а тут — почти штиль, снежинки искрятся в солнечном свете. Невдалеке стояла яранга и храпели привязанные ездовые олени.

— Давай! — сказал Боря. — Шевелись. Еще четыре посадки.

Бардыкин ушел в ярангу. Они выкатили бочку, и Кые пообещал закатить ее на террасу.

— Продукты не нужны? — спросил Сергей.

— Недавно нарты пришли из поселка. Все есть.

— Где другие? — спросил Сергей.

— У стада. Километров пять отсюда.

Сергей хотел спросить про внуку, но что-то остановило его, и он промолчал.

— Внучка в колхозе, — сказал Кые, точно читал мысли. — Будешь, увидишь.

На миг Баклакову томительно вспомнилось: запах дыма, звериного жира, шкур, узкая девичья спина, взгляд вполоборота, точно мелькнувший из-за деревьев свет ночного костра, острая грудь, подпрыгивающая в такт шлепков по желтому от соды тесту, и благостное чувство выздо-
вления.

Кые стоял перед ним еще более высохший и потемневший к зиме, узкие брюки из камуса, короткие торбаза — «плеки», старая кухлянка, подпоясанная под животом узеньким ремнем, на ремне нож в нерпичьих ножнах и нерпичий же кармашек для винтовочных патронов, мягкое, лишенное городской судороги лицо. Вот так бы, в проверенной тысячелетиями простоте, выбить себя из бега времен, как пловец, миновавший камни и стремнины горной реки, выбрасывает себя на узкий матрасик случайной отмели под утесом.

Баклаков отвел взгляд и улыбнулся криво, жалко и виновато. Не дури, Баклаков, не валяй ванечку.

— Спасибо тебе. Помнишь осень? — Он расстегнул ремень и протянул его Кые вместе с ножом. Тяжкое лезвие из подшипниковой обоймы, медь и желтая мамонтовая кость на ручке, деревянные в меди ножны. — Возьми, Кые, на память.

Кые взял нож, глянул на лезвие и протянул его обратно Баклакову.

— Очень тяжелый. Железо твердое. Пастух носит легкий нож с мягким железом. — Кые показал свой нож. Обычный кухонный, с деревянной ручкой, лезвие от частой точки почти как шило.

— Если можешь, отдай бинокль. Глаза постарели.

— Сейчас! — Сергей сбегал к самолету, где бинокль болтался на ремешке, прикрепленный к стойке. Шестикратный, цейсовский. Он нашел его в совершенно исправном немецком «тигре», который везли на переплавку. Внутренность танка была выкрашена гладкой краской «слоновая кость», пахло трупом, машинным маслом, и лежала груда тряпья, под которой был и бинокль. Он с ним не расставался.

— Совсем спасибо, — Кые радостно взял бинокль. — Зачем летаешь?

— Продукты разбрасываем. Летом пойдем здесь маршрутом.

— Как будешь идти?

— От холмов Марау вверх по Китаму, потом сюда, дальше к Синей реке, по реке на лодках до устья, потом на вельботе к Поселку.

Кые возбужденно переступал, пока Баклаков перечислял пункты маршрута. Какой-то мальчишеский румянец проступил даже на лице Кые, потом все погасло, опять стоял старый пастух.

— Очень хороший маршрут, — сказал он. — Очень много всего увидишь.

— Еще раз спасибо тебе. Знал бы, что встречу, взял бы выпить.

— Летом встретишь. Только опять будешь в плохой одежде. В твоей одежде в тундре всегда будешь больной.

— Знаю, что кухлянка лучше всего. Где ее взять?

— Скажи, сколько надо. Скажи, куда. Принесу. Отдашь продуктами, чтобы нам далеко не бегать.

— Пять кухлянок. Десять пар чулок меховых. На всякий случай, двое штанов. Для дальних маршрутов. Весну будем пережидать на холмах Нганай.

— Принесу, — просто сказал Кые. — На хороших оленях — день.

— Продукты я на вас захвачу. Чай, сахар, мука, папиросы. Так?

— Немного патронов к винтовке. Немножко выпить. Так!

Из яранги вынырнул Боря Бардыкин, догладывая на ходу кость.

— Давай, наука! — крикнул он. — Давай, ёк-коморок, полетели.

Они опять вырулили в снежную мглу, ветер даванул под крылья, и «Аннушка» взвилась, точно бабочка, подхваченная порывом ветра. На вираже мелькнула внизу фигурка с задранным вверх лицом.

Последние выброски прошли благополучно. Солнце уже шло к горизонту, когда они легли на длинный курс к мысу Баннерса.

— Посадка на одномоторном аппарате АН-2 разрешается только при незашедшем или, напротив, взошедшем светице, — бурчал Боря Бардыкин. — Ты НПП знаешь?

— Что-о? — крикнул Сергей.

— Не знаешь ты НПП, в переводе — «Наставление по полетам». Каждый пункт в оном, как утверждает замполит Савченко, вписан жизнью и кровью пилотов.

Баклаков дремал. Лента Серой Воды тянулась на север, еле угадываясь по снежным теньям обрывов, коричневым пятнам островов и темным, обметенным ветром галечниковым косам. Железные, зашитые стальной проволокой бочки остались далеко среди камня и снега нагорья. Здесь, на этой реке, геологи будут кормиться рыбой, зверем и птицей. Но что делать, если, например, медведь порвет, укатит последнюю бочку, в которой лежат не продукты, а резиновые лодки для сплава? Это называется непредусмотренной случайностью.

Баклаков проснулся, когда внизу была ровная равнинная тундра, широкая полоса реки, четко отмеченная кустарником, уходила на запад. Самолет шел к мысу Баннерса.

К колхозному поселку они прилетели, когда на снег внизу уже легли синие тени. Сверху виделось тупое острие низкого мыса, окаймленного синей грядой торосов. На самом конце мыса, как спичечные коробки, стояли игрушечные домики, а поодаль — округлые конусы яранг.

— Долго твоего кадра искать придется? — спросил Бардыкин. Уши уже притерпелись к самолетному гулу, и можно было говорить нормально.

— Нет, — сказал Баклаков. — Он опытный кадр. Должен ждать.

— Тень! Ёк-коморок, — сказал Бардыкин. — Гладко, ёк-коморок. На этом проклятом мысу никогда не угадаешь, есть ветер, нет ветра, какой ветер. Полированный этот мыс. Хоть флаг бы поставили, тунейдцы, рубаху бы на шест привязали.

Было видно, как от домов и яранг бегут люди, видно, к тому месту, где обычно садилась здесь «Аннушка».

Бардыкин заложил лихой вираж, опустил подкрылки и резко пошел на посадку. Лыжи коснулись снега, самолет запрыгал как по бревнам, в кабине резко потемнело, и Баклаков врезался лбом в приборную доску. Рука Бардыкина с силой отшвырнула его назад. И все стало тихо.

У Баклакова по лицу текла кровь. В фюзеляже грохотала, откатываясь назад, бочка с бензином, взятая на непредвиденный случай.

— Тень, ёк-коморок, — печально сказал Бардыкин. — Соображаешь, язви его в посадку? Глянь!

Сергей увидел нелепо торчащий покореженный винт.

— Такие дела, — миролюбиво сказал Боря Бардыкин. — Кукуем.

— Все-таки пешком надежнее, Боря, — зажав ладонью лоб, сказал Баклаков. — Лоб целее и вообще.

— За лоб ты сейчас спасибо скажешь. Тут медсестра... — и Бардыкин прищурил глаза, вздохнул. — На! Прижми, пока все не вытекло, ёк-коморок, — он протянул Баклакову платок.

Самолет окружили детишки в кухлянках, торбазах, потом подошли взрослые в унтах и степенных пальто. Бардыкин тут был своим.

— Иди, отбей эрдэ! — крикнул Бардыкин второму, который осматривал винт. — Наша с земли не возьмет. Или лучше я сам, а то сообщишь трагедию, ёк-коморок.

Бардыкин в окружении толпы ушел. Второй пилот вернулся в самолет, готовить его к ночевке. Голова у Баклакова кружилась, теплая кровь стекала за воротник. Он чувствовал тошноту. Кто-то потянул его за рукав. Он скосил глаза и увидел крохотного темноглазого пацана в росомашей шапке.

— Что тебе? — спросил Баклаков.

— На медпункт. Приказано, — почему-то шепотом сказал пацан и опять потянул его за рукав.

Баклаков покорно пошел за ним и увидел квадратную фигуру спешившего навстречу Куценко.

— Все сделал. Сегодня утром вернулись, — тонко крикнул еще издали Куценко. — Уже лег спать, думал, не прилетите.

— Прилетели, как видишь, — сказал Баклаков. — Прилетели и сели.

— Ай-те, жалость какая произошла! Разреши? — Куценко подтянул рукава куртки, отнял платок от лба Баклакова. — Глаз целый, кость торчит, распорол сильно. Лучше снег прикладывай. Кровь всосёт и охладит, — Куценко валенком вытоптал кусок снега.

Пацан опять потянул Баклакова за рукав, видно желал во что бы то ни стало выполнить приказ Бардыкина.

— Иди, Алексеич, на рацию. Сообщи, что застрял. Мутит меня что-то, — сказал Баклаков и пошел на медпункт. Пацан отпустил рукав и бежал впереди, поминутно оглядываясь. Он был очень смешон — в пальтишке, торбазах и большой росомашей шапке.

27

Жора решил забросить на самолете АН-2 Салахова и вынырнувшего из безвестности Ваську Феникса, чтобы выбрать хорошее место для лагеря шурфовщиков, поставить две капитальные палатки. Вторым рейсом он хотел отправить взрывчатку и продовольствие на весеннее время. Третьим рейсом — шурфовщиков, руководить которыми предстояло Салахову. А сам Жора с главным грузом и остальными рабочими должен был выйти на тракторе.

Когда погрузили брезент, деревянные рейки, спальные мешки и гвозди, Жоре Апрятину показалось, что места в самолете еще много. Взрывчатка находилась рядом с аэродромом на временном складе.

— Таскай, так-перетак, — скомандовал Жора, и они вдвоем быстро перетаскивали триста килограммов взрывчатки и ящик с детонаторами. Перевозить взрывчатку и детонаторы в одном транспорте категорически запрещалось. Об этом Салахов и сказал Жоре.

— Опасаешься раньше времени к богу попасть? — Жора сплюнул и поправил на поясе пистолет. — Давай я вместо тебя полечу. Так и эдак. Трусись?

Салахов ничего не сказал, только засунул детонаторы под брезент, чтобы их не заметил кто-либо из экипажа. Пришел бортмеханик. Перелезая через желтые бумажные мешки с аммоналом, он сказал Апрятину:

— Ты новенький, что ли, начальник? Самолет с ишаком путаешь? Это на ишака можно грузить все, что есть.

Пока бортмеханик «гонял газ», Жора отошел от самолета и тут увидел Ваську Феникса с рюкзаком.

— Что это?

— Жратва, — вытирая лоб шапкой, сказал Феникс. — В тундре всякое может быть. Прошлый год я этого самолета ждал, пока...

— К черту! — приказал Жора Апрятин. Он очень боялся, что экипаж начнет сам перекладывать груз и обнаружит детонаторы рядом с взрывчаткой. — Ты не жрать летишь, а палатки ставить.

Феникс послушно скинул рюкзак, но все-таки, опасливо косясь на Жору, сунул в карман полушубка три банки сгущенки и пачку галет. Салахов в это время сидел на ящике с детонаторами. Он отвечал за незаконную перевозку взрывматериалов по уголовной статье, так как был ответственным за взрывные работы.

...Самолет благополучно ушел, но второй рейс в этот день сделать не смог — кончилось световое время. Предчувствие беды охватило Жору Апрятина.

Из двух бывших на аэродроме самолетов АН-2 остался один, так как второй ушел «на форму» — смену двигателя, у которого кончился ресурс работы. Единственную оставшуюся «Аннушку» на второй день с утра забрали санитарным рейсом — где-то южнее мыса Баннерса в скалистой горной долине лежал пастух с переломанными ребрами — попал в пургу на обрыв. Самолет вернулся лишь поздним вечером: вначале искал стадо, потом ждал, когда пастуха вывезут в пригодное для посадки место. На третий день мертво задула пурга, и Жоре оставалось лишь ждать.

...Прошло восемь дней, как Салахов и Феникс были закинуты в тундру за триста пятьдесят километров по Поселка. Наконец наступил погожий солнечный день с хорошим прогнозом. Примчавшись на аэродром, Апрятин узнал, что единственную годную к полету «Аннушку» захватил Баклаков и что они уже вырулили на полосу.

Апрятину оставалось только молиться, чтобы Сергей на своем идотском маршруте с посадками в диких долинах не угробил машину, или чтобы вторая машина вернулась, сменив двигатель, чтобы у тех двоих хватило мужества ждать. В тундре морозы. Еды у Салахова и Феникса нет. Он сам приказал ее оставить. Есть печки, но нет топлива. И вообще ни черта нет, кроме спальных мешков. Все это подходило под рубрику преступного небрежения или, хуже того, зеленой тоскливой глупости.

Апрятин понимал, что, если Салахов и Феникс погибнут, ему остается лишь застрелиться из служебного пистолета. Жизнь в геологии ему будет навсегда закрыта. Из Арктики его выселят, дед выгонит из дому на Мойке и заставит сменить фамилию.

Почему-то он очень жалел Феникса, жуликоватого завхоза, который в жизни ничего не умел делать толком, лишь каждую весну возникал неизвестно откуда с всегдашней готовностью бежать, куда пошлют, ждать, если прикажут ждать, бить канавы и шурфы или стеречь ящики с консервами и снаряжением, ночевать возле них, если назначат завхозом. Жидкобородый, покореженный Севером, точно полярная лиственница.

Не в силах сидеть в управлении, Жора перебрался на аэродром. В палатку Баклакова он не пошел, а сидел в захлавленной комнате при

отделе перевозок, пугая нескольких терпеливых пассажиров диким взглядом и льняными патлами, торчащими из-под маленькой, не по росту, шапки. Над аэродромом висела метель, которая всегда бывает в конце марта — начале апреля. Апрятин сидел в углу и смотрел неотрывно на надпись, сделанную на стене красным карандашом: «Аня! Я жду тебя! Толик».

Вечером Жора узнал, что самолет с Баклаковым потерпел аварию на мысе Баннерса. Жора встал и деревянным шагом направился через бухту в Поселок. К утру он предстал перед столом Чинкова.

Чинков долго и томительно смотрел на стол перед собой. Темные с пухлыми пальцами руки его уперлись в кресло, как будто Чинков собирался встать, но не решил еще: вставать или быть в кресле.

— Так что же вы ждете? — наконец спросил он. Голос у Чинкова был тонкий, даже изумленный.

— Не было погоды. Сейчас нет самолета.

— Вы верите в бога, Апрятин?

— Не знаю. Официально, конечно, нет. Но в эти дни я молился.

— Молитесь и дальше. Я много думал о вас, Апрятин. По просьбе Отто Яновича Калдиня. И не мог решить, что с вами делать? Сейчас я проверяю вашу везучесть. Если вы человек везучий — я оставлю вас начальником партии. Если вы очень везучий — вы привезете мне осенью результат, и у вас есть шанс стать настоящим геологом. Если же вы неудачник и ваши люди погибли — я вас отдам под суд и вышвырну из геологии навсегда. Идите на рацию и передайте от моего имени радиограмму в Город о том, что срочно нужен самолет АН-2 на лыжах. И молитесь, молитесь, Апрятин, вашему богу.

На аэродроме все уже знали о случившемся, и шли жаркие споры: лежат ли эти двое в палатке или, плюнув на помощь, стали выходить на побережье. Западнее устья Лосиной стояла избушка охотника Малкова. Восточнее, в устье речки Лелю, была еще избушка охотника Атки. Но неизвестно, знал ли Салахов об этих избушках, а если знал, то все равно до любой из них двести километров. Без карты, компаса и лыж.

Самолет АН-2 перегнали с дальнего аэродрома Реки. Встречать его приехал Будда, в полярном меховом костюме, похожий на памятник самому себе. С ним прибыл Богда и еще незнакомый Жоре человек в полушубке с милицейскими погонами. Все четверо забрались в самолет. Прежде всего вывезли с мыса Баннерса пилота Бардыкина, потому что он высаживал людей и знал местность. Все четверо молчали два часа полета, молчали до тех пор, пока Бардыкин не заложил посадочный вираж. Все вышли в слепящую снежную тишину. Темное пятно палатки торчало метрах в трехстах от них. Они направились к палатке, проваливаясь между застругами, где снег был рыхлый. Со странной отрешенностью Жора Апрятин заметил, что Будда умело выбирает дорогу по гребням застругов и идет по ним, как умная старая лошадь по тонкому льду.

— Или ушли, или умерли, — громко сказал милицейский товарищ.

Снег около палатки был нетронут и чист. Вход замечен сугробом. Чинков подошел первым, но помедлил, уступая дорогу милицейскому человеку. Тот осмотрелся, не подходя к палатке, и в то же время сзади послышалось пыхтение и скрип снега. Махая унтами, в распахнутой куртке бежал Боря Бардыкин.

— Чш-ш! — сказал милицейский товарищ.

И все вдруг услышали нереальные до галлюцинации голоса, доносившиеся из палатки.

— Сил у меня нету, — говорил один голос. — Были бы силы, я бы тебе врзал за то, что...

— А я!..

Чинков рывком дернул палаточный вход, но полотнище оказалось плотно застегнутым изнутри. Он протянул руку назад, и Жора ручкой вперед подал ему финку. Будда просунул лезвие в щель и стал опускать его вниз, перерезая застегжки. В палатке ничего не было видно после яркого солнца.

— Свет! — сказал Чинков, и кто-то закинул наверх полотнище.

У дальней стенки палатки в разных углах лежали в кукулях две высохшие темные мумии. Из заиндевевших меховых опушек спальных мешков торчали только впалые, заросшие острые носы и жутко блестящие открытые глаза. Салахов и Феникс, видимо, были в бреду, потому что, не обращая никакого внимания на вошедших, продолжали переругиваться друг с другом, и, что было страшнее всего, они именно разговаривали между собой, а не бредили каждый по отдельности. Кто-то задрал второе полотнище входа, солнце ворвалось в палатку, и лицо Салахова стало осмысленным: он повернул взгляд, дернул головой и, уставившись на Будду, прошептал запекшимися губами:

— Мать твою... начальник. Где же ты раньше-то был?

Чинков ничего не ответил. Сзади просунулся Боря Бардыкин с литровым термосом в руках, отвинтил крышку и налил в нее темную дымящуюся жидкость.

— Давай, Саша. Кофе с коньячком. Изобрази аристократа, — сказал Бардыкин.

Жора Апрятин потряс Феникса. Тот узнал его, и по непутевому лицу Феникса потекла и затерялась мутная слезинка.

— Феникс! Живой, Васька Феникс! — сказал Жора Апрятин.

Чинков вдруг залился тихим смехом:

— Почему Феникс? — спросил он.

— Возрождаюсь из пепла жизни, как знаменитая птица, — шепотом ответил Феникс.

Чинков засмеялся теперь уже громко и вышел из палатки. На улице он все еще хохотал, потом поковырял маленькую кучку снега и вырыл куропаточки крылья, головы с красными точками бровей.

— Ага! — говорил, вырывая остатки куропаток. — Ага!

Салахова и Феникса в самолет пришлось отнести на руках вместе с кукулями. Боря Бардыкин по радио сообщил на аэродром о том, что нашли живых, оттуда позвонили в Поселок, и в «Скорой помощи» оказалось битком народа.

Салахов и Феникс во время полета выдули весь термос, в котором коньяка было, видимо, больше, чем кофе. Они оживились и совсем стали похожи на людей, если бы не шальные, ввалившиеся от истощения глаза и отсутствие координации движений. У Феникса почему-то валилась набок голова, и он поправлял ее рукой в рукавице.

«Скорая помощь» в сопровождении грузовиков, «газика», райкомовской «Победы» и еще каких-то машин прибыла в Поселок. У входа в больницу стояла густая толпа — все геологическое управление. Салахова повели под руки, но, когда он увидел, что его ведут в больницу, он уперся и сказал:

— Желаю в двадцать пятый барак, желаю к ребятам.

Феникс послушно, точно привязанный, стал загигать за ним, и вся толпа развернулась, так и не дойдя до больничного крылечка. На черном лице Салахова жутко сверкала улыбка. Сержант десантных войск, Салахов знал, что с этого дня он окончательно свой в управлении, срок испытания прошел и что он ввинчен в сей коллектив, как наглухо загнанный крепежный болт в металлическую конструкцию.

Когда проходили мимо дома, где жили семейные, кто-то сказал: «Зайдем, ребята, ко мне, вспырнем возвращение к жизни». Начальники

партий и Феникс с Салаховым заполнили комнатку. Толпа забила коридор, по рукам пошел спирт, блюдо с закуской, и уже стал раздаваться смех. Салахов рассказал эпопею. Оказалось, что он имел с собой нелегальную малокалиберную винтовку. Укороченная на бандитский манер, она пряталась под курткой. Патронов была неполная пачка, и они кормились куропатками. Потом патроны кончились...

После перешли в следующий дом, и там Феникс рассказал то, что забыл Салахов. К вечеру, на подходе к двадцать пятому барaku, Салахов, Феникс и сопровождающие достигли полной анестезии. Кончилось тем, что Феникс для очередного рассказа сел на включенную электроплитку, и это заметили только тогда, когда дым от горящих ватных штанов заполнил всю комнату. Так, в раскатистом хохоте здоровых и подпивших людей, кончилась история гибели и спасения Феникса и Салахова.

И лишь поздней ночью, когда уже расходились и шли в двадцать пятый барак, неизвестно кто сказал в темноту:

— Эта весна плохая, ребята. Вот увидите: Территория в эту весну свое заберет. Салахов вынырнул, Феникс вынырнул. Значит, будет кто-то другой.

Фразу запомнили.

28

О том, что Робыкин собирается быть на защите отчетов, Чинков не знал. В день защиты Робыкин с утра появился в управлении. Его сопровождала свита экономистов, плановиков и начальников отделов центрального управления. Отменять или переносить защиту на другой день было бессмысленно и опасно. Поэтому Чинков передал гостей начальнику управления Фурдецкому и тотчас вызвал к себе рыжего радиста. Бывший флотский, человек электроники и ключа, вылетел из кабинета Чинкова и бегом кинулся к радию. Еще через десять минут радист, одетый в черную шинель, стоял, раскинув руки, на главной магистрали Поселка. Весь его вид как бы говорил шоферам: «Ша, дрюг! Проезд дальше лишь со мной на борту». Так радист перехватил какой-то «газик», обменялся тремя словами с шофером и умчался в сторону аэропорта.

Пока Фурецкий показывал гостям строительство — два двухэтажных дома из архангельского сборного леса, — в его кабинете снабженцы, скинув кожаные пальто, со сноровкой бывалых официантов накрыли роскошный даже для «Северстроя» стол.

Защита началась ровно в двенадцать, как и было намечено. Гости заняли ближний к столу Чинкова ряд стульев. Было заметно, что кое-кто по командировочному обычаю хлебнул коньячку, но сам Робыкин был трезв.

Первым защищался Жора Апятин. Его партия по проекту была сугубо семейной, и никто не знал, что Жора Апятин еще бил и шурфы. Все сошло гладко, лишь один раз Робыкин задал вопрос:

— Как вы расцениваете перспективы золотоносности?

— Никак, — сказал Жора и в упор посмотрел на Чинкова.

— Хороший ответ, — вздохнул в пространство Робыкин.

Семен Копков быстро изложил суть рекогносцировки, но, перейдя к месторождению киновари, стал заикаться и даже рассказал, как выглядит месторождение в вечернем августовском освещении.

— Ближе к делу, — сказал кто-то из приближенных Робыкина.

Копков остановился и долго смотрел на сказавшего.

— Я в-вам разве ан-не-к-кдоты рассказываю? — спросил он.

Положение спас Саня Седлов. Он вышел и вернулся с охапкой образцов киновари. Киноварь пошла по рукам. Робыкин осмотрел всех сидящих в кабинете и многозначительно глянул на Генриха Фурдецкого. Видимо, осуждал дух вольнодумия. Впрочем, Копкова в Городе хорошо знали. Вопросы пошли по нормальному руслу: не встречались ли признаки самородной ртуты, как глубоко может залегать продуктивная зона, величина эрозионного среза.

...Вышел Баклаков. Он поймал брошенный из-под век взгляд Будды: «Спокойно, не зарывайся». Баклаков начал нарочито спокойно. Он описал геологическое строение долины реки Эльгай. С подробными петрографическими данными сообщил о двух типах гранитов — более древних, за пределами работы партии, и молодых, распространенных, видимо, по всей Территории. Вскользь упомянул о возможном делении на формации лав Кетунгского нагорья.

— Касситерита на территории партии не обнаружено, — сказал Баклаков. — Причина, по нашему мнению, заключается...

— Об олове мы знаем достаточно, — перебил его Робыкин. — Но странное дело! На реке Эльгай работает разведка. О ней мы не слышали ни слова. Или в Поселке не знают, сколько стоит день работы разведки и сколько стоит один шурф? — Робыкин обвел всех присутствующих колючим взглядом.

— Или нечего сказать, или засекречено, — сказал тот же приближенный Робыкину голос.

Баклаков опять поймал взгляд Чинкова, внимательный и настороженный.

— В приближении к отчету изложены возможные перспективы золотоносности. Данных по разведке просто пока нет, так как промывка шлихов приурочена на весну. Есть предположение...

— Об этом позвольте мне, — сказал Чинков. Он встал. — В отчете изложено мнение Сергея Александровича Баклакова о возможном для Территории типе ловушки для золотых россыпей. Эти ловушки приурочены к зонам пересечения разломов. По предварительным данным разведки...

В это время раскрылась дверь, и возник Монголов. На мгновение в проеме победным пламенем промелькнула шевелюра радиста, который за пять часов успел захватить самолет, поймать Монголова и доставить его в управление. Монголов был не брит и, как никогда, походил на кадрового армейского неудачника, который ждет не дожидается пенсии. За Монголовым топал Малыш с фанерным листом на вытянутых руках. На листе лежали пронумерованные мешочки со шлихами.

— Как подтверждение взглядов авторов отчетов на золотоносность, мы можем продемонстрировать пробы из долины реки Эльгай, — закончил Чинков. — Еще раз напоминаю, что пробы намыты именно в том месте, которое теоретически предсказал инженер Баклаков.

Баклаков поймал на себе фотографирующий взгляд Робыкина.

Малыш хотел положить фанеру на стол Чинкова, но передумал и сунул ее на колени сидящего рядом с Робыкиным представителя Города. Все мешочки были заполнены равномерным желтым песком с самородками. В нескольких лежали отдельно крупные яйцевидные, с вкраплениями кварца, куски золота.

Когда улегся шум, встал Робыкин, откашлялся и звучно, опять призывая в свидетели всех сидящих, сказал:

— Мы являемся свидетелями уникального, можно сказать, открытия, ознаменовавшего успех многолетних поисков. Мы видим, наконец, золото Территории. Вот оно — перед вами. Здесь все мужики, и я позволю себе непринужденную шутку: если люди из дерьма делают

конфетку, то неужели из золота Территории мы не сможем сделать Государственной премии? Но даже не в этом дело, товарищи. Всеобщее распространение золотых знаков на Территории позволяло предполагать, что существует хотя бы одно, пусть небольшое, промышленное месторождение золота. Оно открыто. Радостно, товарищи, сознавать, что ключевую роль в его открытии сыграл молодой инженер Сергей Александрович Баклаков. Мы видим кадры, которые сменяют нас, стариков. Специалист-геолог растет медленно, медленнее, чем в большинстве профессий, — он должен накопить огромный опыт изучения недр, прежде чем станет специалистом. Тем приятнее сознавать успех Сергея Александровича Баклакова, который как бы знаменует весну, пришедшую на смену традициям «Северстроя». Тем приятнее отметить, что он является учеником всеми уважаемого Владимира Михайловича Монголова, руководящего разведкой реки Эльгай.

— От имени всех присутствующих позвольте поблагодарить начальника управления за лестные слова. — Будда говорил ровно и даже несколько сонно. Лишь тонкая усмешка как бы застыла в углах рта. — Но до победных реляций еще весьма далеко. В отчете Баклакова изложены принципы быстрой проверки на золотоносность долин рек Эльгая, Ватап, Лосиной. Пока мы имеем лишь одну шурфовочную линию с хорошим золотом. В перспективе мы можем иметь все или ничего. Можно лишь утверждать, что деньги, вложенные в разведку долины Эльгая, будут оправданы.

Защита кончилась. В коридоре к Баклакову подошел Гурин.

— Поздравляю, стари-и-ик! — сказал он.

— С чем?

— Если ты немедленно перейдешь в Город, карьера твоя обеспечена. Из тебя сделают противовес Будде. Может быть, ты даже станешь лауреатом.

— Ты всегда меня дешево ценил, Доктор, — сказал Баклаков.

В коридор вышел Робыкин. Он шел, выпятив вперед округлый живот и смешно выбрасывая ноги с развернутыми носками. За ним плотным кольцом двигались его приближенные и Фурдецкий. Позади всех сонно шагал Чинков.

Поравнявшись с Баклаковым, Робыкин повернулся и пожал ему руку пухлой ладонью.

— Поздравляю, — сказал Робыкин. — Будем иметь в виду. Нам нужны молодые кадры, очень нужны.

— Все правильно, — сказал Гурин, когда процессия спустилась по лестнице. — Ничто не меняется в мире. Греция, Рим, Венеция, Территория.

— Пойду повидать Монголова, — сказал Баклаков. — Верить не веришь, не видел его небритым.

— Нет, не верю, — усмехнулся Гурин. — Не верю, потому что так не бывает. И не может быть.

— Что именно?

— Будда подумал, решил рискнуть и, используя связи, добыл деньги на разведку. Баклаков подумал и придумал тип ловушки для россыпей. Бац — золотая россыпь. Теперь мы побегаем лето по тундре — бац, золотоносная провинция. Лауреаты появляются пачками. Газеты пестрят портретами. Если это действительно так, мне пора бросать геологию и идти торговать пивом.

Баклаков не успел ответить. Снизу послышались шаги, и на лестнице показался Будда. Он, видимо, усадил приезжих в машину и поднимался к себе в кабинет. Он прошел мимо Баклакова и Гурина. Но вдруг стремительно обернулся и тихо, раздельно сказал:

— Если вы, Баклаков, поверили хоть единому слову, сказанному на техсовете о ваших талантах, я уволю вас по статье дураков. Начальник партии обязан верить только себе и природе.

29

Управление теперь походило на склад. По углам коридоров, у стен, на лестничной площадке копились связки ватных костюмов, выючные ящики, пачки кирзовых и резиновых сапог, кирки, напизанные на проволоку, точно бублики, тяжкие груды ломов, железные печи, трубы, казенного образца ящики с комплектами радиостанций, резиновые лодки в чехлах.

Первой к месту работы выехала партия Копкова. Она выезжала на тракторных санях. Загруженные доверху сани вел дядя Костя. Его, как всегда, извлекли перед рейсом из домика Тряпошной Ноги. Дядя Костя был очень тяжел в этот раз, поминутно доставал литровый китайский термос с чифиром и каждый раз с детским изумлением разглядывал красную розу, изображенную на синем фоне термоса. Проехав склады, дядя Костя остановил трактор в тихой ложбине и лег спать. Копков ему не препятствовал: если дядя Костя выезжал за черту Поселка, значит он уже в рейсе и теперь доставит партию до места назначения любой ценой. Старые копковские кадры тоже спали, забравшись в олений мех, лишь новенькие смотрели на белую мглу ложбины, на поземку, неотвратимо заметавшую их след, и на черное лицо дяди Кости, когда он через час вылез из кабины и сунул голову в снег. Умывшись снегом, дядя Костя хлебнул смеси из спирта и чифира и взялся за рычаги, чтобы теперь сутками не выпускать их из рук. Неизвестно, чему тут приходилось удивляться: выносливости машины или человека.

Сутки за сутками, оставляя за собой черневшие на снегу пустые бочки, они шли через темные от камня перевалы, заснеженные речные долины. Грохот одинокого дизеля вспугивал многочисленные заячьи стаи. На перевалах доверчивые горные куропатки чуть не попадали под гусеницы, а куропачи с налитыми яростной весенней кровью бровями бросались на сани в безумной самцовской отваге. Трактор пересекал песцовые, олени и росомашьи следы.

30

Дядя Костя погиб, возвращаясь с базы Копкова. В сани у него лежало только три бочки солянки для обратной дороги, тросами прикрученные прямо к полозьям из буровых труб, потому что рачительные мужики Копкова раздели сани до последней щепки. Дядя Костя хотел срезать крюк западного притока Серой Воды и выскочил в узкую расселину другого притока. С перевала он попал прямо на наледь. Наледь показалась ему надежной, так как весь март по ночам стояли большие морозы. По какому-то затмению души дядя Костя не учел, что именно морозы и опасны на наледи.

В верхней части ущелья река промерзла почти до дна, и, видно, гусеницы оказались последней каплей, нарушившей равновесие. Лед вверх лопнул с артиллерийским грохотом, и полоса воды валом помчалась к трактору. По бокам были отвесные борта ущелья, сзади шла вода, и оставалось только убежать вперед по скользкой, припорошенной снегом наледи. Втянув впалые щеки, со свистом прихватывая воздух, дядя Костя дергал рычаги, жал педаль газа, и грохот траков по льду был ему победной и спасительной музыкой. Но, видимо, последний час его наступил, потому что лед под трактором лопнул, и он попал в подледную пустоту,

откуда вода ушла по щели. Трактор сразу заглох. На поверхности этой пустоты с отвесными стенками торчала только крыша кабины. Дядя Костя закрыл глаза на секунду. И только два слова было в голове: «Спальный мешок». Копков чуть не силой втискивал в кабину теплый олений кукуль, но дядя Костя, как все трактористы старой северной школы, был суеверен. Поедешь с кукулем и продуктами — вернешься без трактора. Это была старая заповедь старых времен «Северстроя». Дядя Костя еще не сдался, хотя знал, что до базы Монголова ему оставалось километров сто пятьдесят. Он выскочил из кабины. В небе полозьями торчали вздыбленные сани, и холодно отсвечивал полированный на снегу металл. Дядя Костя вскарабкался на сани и ухитрился развязать трос на бочке с соляркой. Солярка означала огонь, а стало быть, и жизнь: В сани уже ударила вода и стала заливать ледяную яму, где был трактор. Дядя Костя еще успел прыгнуть в кабину за телогрейкой, проверил, в кармане ли спички, выпихнул на лед бочку и покатил ее вниз. Но сверху набежал новый вал, вода подняла бочку и быстро понесла ее. Дядя Костя еще рванулся, чтобы удержать солярку, но поскользнулся и упал в воду. И понял: это конец. Последней мыслью дяди Кости было: «Если бы раньше, то, может быть, лучше для всех. Справедливее».

Трактор дяди Кости нашли через две недели. Копков, после того как заработала рация, сообщил о дне его выхода. Из-за краткой оттепели в верховьях Лосиной и Китама в тундре начинался гололед. Вездеходы управления мобилизовали для поездки в стада, хотя и неизвестно было, чем они могли там помочь.

На поиски трактора дяди Кости выслали второй трактор управления, который должен был забрасывать партию Жоры Апрятина. Ему пришлось дойти до партии Копкова, затем по обратному следу дяди Кости до наледи. Трактор повторил ошибку дяди Кости и тоже пошел по наледи, но все обошлось, и поисковики увидели обледеневшую верхушку кабины, вздыбленные сани. Два дня они орудовали ломami, освобождая трактор и сани, пока не обнаружили, что кабина пуста, затем в конце наледи нашли солярную бочку. И уже когда собирались уезжать, заметили занесенный снегом бугор у края наледи — спина дяди Кости. Его похоронили на верху обрыва, а рядом памятником поставили — стоймя, как они были во льду, железные тракторные сани для перевозки тяжелых грузов. Можно думать, что этот необычный памятник простоит очень долго, потому что железо слабо ржавеет в климате Территории, а пурги зимой полируют его.

Чинков издал приказ, в котором трактористам запрещалось отправляться в рейс без палатки, примуса, спального мешка и недельного запаса продуктов. Геологам-съемщикам отныне категорически запрещалось ходить в маршрут в одиночку. Начальнику партии Апрятину объявлялся строгий выговор, и он переводился на два месяца на должность техника с исполнением обязанностей начальника партии. Семен Копков также получил переданный по рации выговор.

Приказ звучал бескомпромиссно и строго, но все, читая его, знали, что геологи-съемщики будут ходить в одиночку и не так-то просто выбить из людей традиции отмененного «Северстроя». Видимо, и Чинков понял это, потому что собрал у себя всех начальников партий, инженеров и техников, бывших в управлении, и кратко сказал:

— В сезон текущего года не должно быть никаких ЧП. Помимо того, что ЧП мешают работе, мне не нужны расследования. Совещание окончено.

— Мандражирует начальство. Боится гласности происходящего, — сказал Саня Седлов. — А давно ль наша жизнь была, как сигаретка на сильном ветру?

Сане Седлову назавтра предстояло вести два вездехода к реке Ватап, и он уже ничего не боялся. За лето забудут.

31

Накатившийся вал весны тревожил небритые души. Баржи на берегу вытаяли, и на их пригретых солнцем, все еще пахнущих смолой бортах снова стали собираться перебедававшие зиму бичи. Дни стали бесконечно длинными, темные зимние сумерки ушли, как будто минутное наваждение. На крышах бесились воробьи. На улицах Поселка снова возник дед Миша — возчик продовольственного магазина. Вместе с лохматой своей лошастью он был такой же достопримечательностью Поселка, как баржи на берегу, маленький цементный обелиск с надписью, что здесь будет памятник основоположникам.

Дед Миша появился здесь чуть ли не с первым парходом и с тех пор ухитрился ни разу не выехать на «материк». Отпуск он проводил в низовьях Китама, там, где стояла избушка бывшей фактории. Когда-то он сам был заведующим, уполномоченным по территории шестьсот на шестьсот километров. Он много кем был в прошлой жизни, пока не стал возчиком торгова. Когда лошадь и тележка с консервными ящиками двигались по залитой весенним солнцем улице Поселка, мимо раскисающих, подтаявших застругов, сосуллек, капли, мимо мощных грузовиков, снующих в порт и обратно, дед Миша казался олицетворением Всеобщего Окончательного Решения.

Первые пуночки, тележка деда Миши, свет и тревожные запахи рождали иллюзию гусяного крика. Гуси были еще далеко на юге, за горными хребтами и заснеженными пространствами, первые разведчики прилетали лишь в мае, но и сейчас, казалось, звенел в небе вековой крик гусяной стаи, и у всех мужчин в Поселке сжимались сердца, потому что Поселок все-таки был бродячим местом, — местом, где живут временно.

В вечерних тревожных сумерках люди думали о женщинах, о красивых, как на открытках, местах, которых нет на самом деле, но которые бывают в мечтах. И мысли снова возвращались к загорелым длинноногим и смеющимся женщинам. Весной вспоминали о забытых девушках на «материке», о бывших любовницах, с которыми разошлись, об утратах, встречах. Весной казалось, что «настоящая жизнь» впереди, а прошедшее было простой подготовкой.

Управление жило суматошной коридорной жизнью. У стенок на корточках сидели и курили работяги партий, бывшие «на подхвате» — погрузить, оттащить, получить, притащить. Уже выплыли на сцену пистолетные кобуры, ружья и винтовки. Уже слово «заброска», транспортное сумасшествие каждой весны, стало привычным. Каждая партия выковала свой основной, запасной и сверхзапасной вариант, как попасть в район.

Вечером Баклаков отправил людей на аэродром, куда должен был завтра пешком или на попутке добраться сам. Ему оставалось получить оружие и официальное техзадание, подписанное Чинковым.

Он ночевал в полуопустевшем бараке. В некоторых комнатах еще шумели, звякали бутылками, мелькали какие-то женские фигуры, у дверей стояли упакованные рюкзаки и болотные сапоги, но дух барака был уже не жилым.

Утром в управлении Баклаков встретил Монголова. Монголов поставил, загорел на весеннем тундровом солнце и как-то отяжелел. Не стало его прежней высушенной армейской легкости. Было похоже, что Монголова надломило золото, в которое он не верил, но отыскал.

— Пойдем, — сказал Монголов Сергею и взял его выше локтя. Так,

не разжимая пальцев, он провел Баклакова в отдел кадров, где Богода с красными от бессонницы глазами (шел переучет личных дел) маялся среди пыльных папок и картотек.

— Дай, — сказал Монголов.

Богода проскрипел протезами к высокому зеленому сейфу, заслонив собой замок, открыл сейф и вынул из глубины чехол из нерпичьей шкуры и тяжелый, нерпичий же, мешочек.

— Бери, — вздохнул Монголов, протягивая Баклакову свой короткий винчестер, зависть управления. — Бери, дарю!

И подал мешочек с патронами. Было в жестком лице Монголова нечто такое, что заставило Сергея просто сказать:

— Ага. Спасибо. Ты-ы! Ну, спасибо!

И уйти. Винчестер в руке как бы переводил жизнь на другую плоскость, теперь он был уже в поле, он уже был экспедиционник, и жизнь подчинялась экспедиционным, а не поселковым или городским законам. Баклаков открыл кабинет, заваленный обрывками кальки, миллиметровки, забракованными образцами прошлого лета, машинописными перечеркнутыми листами отчетов. Никто до осени не войдет в эту комнату.

Он вынул винчестер из чехла. Все честь по чести было щедро промазано маслом, поворонка не стерлась, и только на ореховом ложе местами прорисовались щербинки. Короткое, удобное, мощное оружие. Баклаков машинально заглянул в подствольный магазин — девять штук патронов влазит туда, как раз на маршрут. Он развязал мешочек. Маслянистые короткие патроны, чуть похожие на наши автоматные, — редкий тип винчестера, — там лежала отвертка, масленка и вишер. Военный человек Монголов, все в идеальном порядке.

Лидия Макаровна сказала: «Илья Николаевич просил тебя зайти». Баклаков вошел в кабинет Будды. Чинков, как всегда, сидел за идеально чистым столом в своем кресле-троне с медными гвоздиками.

— Садитесь, Сергей Александрович, — сказал Чинков, вынул из ящика стола фирменную папку «Северстроя» с листиками технического задания. Баклаков взял папку, сел, положив ее на колени.

— Весенняя погода. Скоро все развезет, — детским тенором сказал Будда и посмотрел в окно.

Баклаков молчал.

— Еще раз повторяю, — высоким голосом сказал Чинков, — что за результаты партии отвечаете вы. Личные мотивы и методы, которые вы будете применять для выполнения работы, меня не интересуют.

— Это моя забота, — согласился Баклаков.

— Прошу запомнить, что наши идеи и наша интуиция имеют ценность лишь в том случае, если они согласуются с реальностью. Мы живем под принудительной силой реальности, Баклаков. Ваша личная задача иметь раскаленный мозг, вырабатывать идеи и тут же согласовывать их с принудительной силой реальности. В просторечии это называется мудростью.

— Выше головы не прыгнешь, Илья Николаевич.

— Я не требую, чтобы вы были Спинозой. Вы и не способны им быть. Но я обязываю вас быть безжалостным и мудрым во всем, что касается золота Территории. Нам нужны перспективы, чтобы требовать деньги, и деньги, чтобы развивать перспективы. Россыпь реки Эльгай — мелочь. Ваши личные перспективы целиком зависят от этого лета.

— Вы говорили с Куценко?

— Он будет работать так, как это положено. И больше того.

— Спасибо.

— Идите, Баклаков. Идите и выполняйте. Желаю удачи. Не ставьте меня разочароваться в вас. В вашу силу я верю.

Будда протянул ему мягкую ладонь. Сергей вернулся в кабинет, забрал винчестер, пнул разодранный лист миллиметровки и запер за собой дверь. Повесив ключ от кабинета на щит, он зашел в «предбанник» к Рубинчику. Рубинчика не было, лишь тяжкий табачный дух висел в комнате. Сергей написал записку: «Из четырнадцатой благополучно отбыли Гурин и Баклаков. Ключ в двери, вещички завернуты в матрацы на койке. Не унывай, Рубинчик».

На другой день они без приключений двумя рейсами выбросились в район холмов Нганай. Они могли бы вылететь и одним, но хозяйственный Куценко наотрез отказался лететь без двух бочек солярки, которые он спер прямо на аэродроме.

— В солярку полезно обмакивать руки, когда моешь шлихи в холодной воде, — утверждал он. Когда Сергей предложил взять банку технического вазелина, то Куценко с обезоруживающей простотой сказал: — А топить чем? Весновку надо в тепле проводить. Если у примуса маленько отверстие рассверлить, он на солярке как реактивный фугует.

Под базу выбрали место там, где в устье Малого Китама скалистый обрыв переходил в тундровую ложбину. Холмы защищали их от ветра с севера, в ложбинке обещал быть ранний ручей, с высоты виднелось синее и белое Кетунгское нагорье. И целый день солнце. Прямо под ними находилось широкое ровное плесо, где, как утверждал бешеный рыболов Боря Бардыкин, голец хватает, если в лунку просунуть палец. Он обещал прилететь к ним в конце апреля, выбросить еще солярки, притащить ящик спирта и всемирные новости в обмен на мороженого голца.

Груда снаряжения казалась огромной из-за хаоса, где перемешались консервные ящики, рюкзаки, спальные мешки, примусы, рейки.

В первый же вечер Баклаков на лыжах вышел в маршрут на холмы Марау. Он взял кусок брезента вместо палатки, толстый кукуль из меха зимнего оленя и маленький примус в железной коробке. До холмов Марау семьдесят километров, и он надеялся обернуться в четыре дня.

Лыжи были плохие, он привык к шведским, норвежским, финским или фирменным лыжам марки «Эстония», к облегченным гоночным ботинкам. Но вскоре забытое с детства ощущение ременной петли и валенка вернулось, и он быстро пошел по застругам на северо-запад. Винчестер был с ним. Он решил не расставаться с подарком Монголова. Было хорошо идти по розовому, озаренному закатом снегу. Сзади морозно синели холмы Нганай. Редкие прутья кустов с детской весенней надеждой выглядывали из-под снега.

Баклаков заночевал в долине тундровой речки под надутым пургами козырьком снега. Он немного подкопал козырек, ножом вырезал пару снежных плит. Получилась пещера. Брезент он постелил на снег и залез в мешок, раздевшись догола. Есть и пить он не хотел, потому что тело после бездельной зимы просило работы, выкидывало лишние ресурсы калорий. В мешке было очень тепло и удобно. Он потрогал лежащий рядом на брезенте металл винчестера и сквозь незагороженный кусок пещеры увидел холодное отрешенное небо и бледные, равнодушные точки полярных звезд. Он знал, что болотный бог где-то рядом, охраняет его. И быстро заснул.

Еще не проснувшись, Баклаков почувствовал радость. Невысокое солнце вкось освещало тундру. Ночью выпал небольшой снег, снежинки лежали плоскими кристалликами на выстругах, и от их отражения вся тундра искрилась разложенным спектром света. Мягкий многоцветный сверкающий ковер шел, изгибался по холмам, впадинам долин, обвола-

кивал кустарники и заструги. Жизнь была не то что прекрасна и удивительна — она была сказочна. Если лето начинается так, значит оно будет удачным.

Ко второй половине дня он добрался до холмов Марау. Южная сторона их, как Сергей и ожидал, вытаяла, и он, скинув рюкзак и лыжи, с одним винчестером стал быстро подниматься по склону с нетерпением, которое можно было понять: ни один геолог еще не был на этих холмах. И откуда они взялись среди обширной равнины Китама? Все в мире взаимосвязанно и едино.

С первого взгляда Баклаков узнал знакомые триасовые сланцы. Но то, что они именно триасовые, требовалось еще доказать, значит опять колотить фауну, редкую, как сторублевки на тротуаре. Поднявшись к первым развалам камня, Баклаков долго и беспомощно топтался около них. Чего-то не хватало. И только теперь он обнаружил, что забыл свой знаменитый геологический молоток из вязкой марганцовистой стали с самшитовой ручкой. Плохая примета для начала сезона.

Баклаков ходил по южному склону холмов Марау до вечера. Тундра посинела, и оранжевое солнце катилось над ней, как чудовищных размеров прохладный апельсин. Похолодало. Баклаков спустился к своим вещам, ножом открыл банку и стал есть скользкие холодные персики. Запах консервированных фруктов был очень сильным. Лезвие ножа потемнело от кислого сока. Баклаков зажег примус, погрел над ним руки и, раздевшись, нырнул в холодный мех спального мешка. Через минуту уже стало тепло. Баклаков закурил свою трубочку с обломанным краем. Он лежал прямо на склоне. Перед ним была синяя тундра и тусклое солнце. Свет мешал спать.

...Баклаков проснулся с серым рассветом. Из-за Кетунгского нагорья уже лезло солнце. Баклаков, лежа в мешке, накачал примус, поставил банку, чтобы нагреть воды, и быстро оделся. Снег замерз, и по насту он успеет пройти на северо-западную сторону холмов. Потом двинет под углом обратно, пересекая их маршрутом. И тут же родилась концепция: долины рек Китама, Лосиной, Ватапа приурочены к раздробленным, ослабленным зонам земли, а холмы — останцы более монолитной, но той же породы. Когда лопнул гигантский земной шов и пошла лава, образуя Кетунгское нагорье, от главной трещины пошли перпендикулярные, более мелкие трещины, и они дали потом начало рекам. Значит, под толщей четвертичных отложений их ложе — тот же триас, и, значит, истоки золота надо искать не в той или иной необычной формации, а все внимание употребить на граниты. Он уже видел лист тектонической карты, красиво все получалось, и прав Будда с его нюхом большого поисковика, прав. Когда Сергей дошел к десяти часам до окраины холмов, все уже сложилось в стройную схему-гипотезу. К нему пришло «сосредоточенное состояние лета», в котором и надо пребывать до осени. «Держите мозг раскаленным».

Начался такой солнечный, жаркий день, что лицо Баклакова обгорело до мясо-красного цвета. Снег раскис и не держал лыжи. Сергей вернулся к своему лагерю, уложил образцы, еще поколотил камни в поисках фауны. Фауны он не нашел, даже намек на нее не было, и, таким образом, в стройной его концепции осталась неувязка. Баклаков решил возвращаться на базу ночью, когда подморозит.

Всю ночь он шел, проверяя курс по Полярной звезде, которая должна была находиться над левым плечом. Скрипел снег под лыжами. Баклаков дремал на ходу, сгорбившись, положив отяжелевшие кисти на винчестер, который висел на груди, как автомат. На базу он пришел к двенадцати дня. Было очень жарко, пот разъедал глаза.

Куценко выкладывал вокруг палатки защитную стенку из камня — каменный дворик. Гольцы, воткнутые в снег головами, торчали, как ча-стокол. По заполированному ветрами склону сопки взбиралась далеко вверх темная фигурка.

— Курорт, а не жизнь, — устало сказал Баклаков, скидывая рюк-зак.

— От выдает! — глядя вверх, ответил Куценко.

Гурин мчался по склону, выписывая плавные кривые. В вихре взмет-тенного снега он набрал скорость и, изящно сломившись в бедре, замер в метре от палатки. Яркая рубашка поверх свитера, темные очки — па-рень с рекламы.

— На горных, выходит, умеешь, — прикрыв глаза от нестерпимого света, сказал Баклаков.

— Можем, начальник. Король Кавголовских холмов — это я.

Гурин был весел. Баклаков подумал, что Гурин все-таки умница, и с ним можно поддерживать отношения, даже будучи в ссоре.

— Ты на юг ходил? — спросил он.

— Еще как ходил! Тебя дожидаюсь, начальник. Мудрого руководя-щего слова.

— Сейчас опомнюсь и выдам руководящие слова. Чаю нет, Клим Алексеевич?

— Как нет? — удивился Куценко. — Я вас-тебя за пять километров увидел, сразу термос залил. Во-он у стенки вас-тебя термос ждет. Это где же такое бывает: человек из маршрута, а чаю нет?

Гурин отстегнул лыжи, распустил шнуровку ботинок. Только теперь Баклаков понял, зачем Гурин ташил за собой всю эту ненужную в экспе-диции тяжесть. Ладно, черт с ним. Пусто как-то. Предчувствие, что ли? Какое, к лешему, может быть предчувствие после одного маршрута?

Гурин принес рюкзак с образцами. По его словам, на холмах Тачин он обнаружил небольшой гранитный интрузинчик. Может быть, просто верхушка не прорвавшейся вверх магмы, может быть, остаточный корень. Великолепный контакт. Готовая лаборатория.

— Значит, расчистки нужны. Возьми Вальку или Седого. Палатку, продукты. Изучи ее капитально.

— Валентин-то при деле. Шлихи учится мыть. Я ему задание вы-дал, — вмешался Куценко.

— Лучше Седой. Он горным работам обучен, — согласился Бакла-ков.

— Весна ранняя будет. Скоро снег развезет и объявится гусь, — сказал Куценко.

Ночь стояла ясная, светлая, снег подмерз. Гурин и Седой готовились к маршруту на холмы Тачин. Гурин отправлялся на горных лыжах, снял с крючков тростик креплений, чтобы можно было шагать.

— Плюнь ты на эту технику, — сказал Баклаков. — Замучаешься через километр. Возьми мои лыжи на валенках или иди как человек.

Баклаков злился. Всякие отвлекающие игрушки в рабочем маршру-те он считал недопустимыми, но не мог приказывать Гурину, потому что у них, видите ли, ссора по личным причинам.

Гурин бросил возиться с креплениями, выпрямился и с комическим сожалением воздел руки.

— Не ведаешь, что говоришь, начальник. Два года я не вставал на горные лыжи. Что скажут мне загорелые женщины, когда я с глупой пачкой аккредитивов приеду в Бакуриани или Чимбулак? Женщины на-зовут меня толстым и старым. Они скажут, что мне ничего не осталось,

кроме как сочинять диссертацию. А я не хочу быть диссертантом, я хочу быть мужчиной. Эти глупые куски дерева я прятал у Рубинчика целую зиму. Чтобы их не украли, не сожгли или не переделали на нарты.

— Ладно, — согласился Сергей. — Но доставь злобное удовольствие, я посмотрю, как ты будешь писать свои повороты с рюкзаком за спиной.

— Не доставлю, — хохотнул Гурин. — У меня тянь-шаньская школа.

И не доставил. С рюкзаком за спиной, описывая плавные дуги, он съехал на лед Китама и завершил все это длинной и плавной сверхпижонской дугой на слитых воедино лыжах.

— Гвадалквивир! Силен! — с неприкрытым восхищением сказал Валька Карзубин. Баклаков посмотрел на него. Он увидел, что парень, приютивший его когда-то в бараке, с суровой непреклонностью утверждавший, что не пьет по утрам, совсем еще мальчишка. Мир ремеслухи, электросварки, железных работ и барачников как бы законсервировал его, и вот теперь он открывал новые для себя горизонты, иной стиль жизни и поведения. Баклаков подумал, что Валька Карзубин пропал для металла, что управление приобрело еще одного верного и преданного кадра, которому нет уж обратной дороги в регламентированный мир заводов.

Седой уступами спустился вслед за Гуриным, и темные точки их быстро исчезли.

Снегопад пришел после трех жарких парниковых дней. Куценко и Карзубин обходили песчаные косы, намечали места будущих шлиховых проб. Баклаков лазал по склонам около базы и искал позарез необходимую фауну. Он все больше приходил к выводу, что на холмах Марау, Чанай и Тачин — так называемые «немые» толщи, слои, не сохранившие окаменевших остатков биологической жизни.

Со своей рекогносцировки Карзубин и Куценко принесли по большой вязанке кустарниковых веток.

— У живого огня посидеть, надоело примус обнюхивать, — бурчал Куценко, раскладывая костер.

Небо с полудня уже затянуло, на вершине холма струились вихри поземки. Но в долинке, где находилась база, было тихо. Снег пошел сразу крупными хлопьями. Где-то в стороне он крутился в струях ветра, но над ними затихал и падал почти отвесно.

— Чё хмурый, начальник? — спросил Валька Карзубин. — Скучаешь по грохоту жизни?

— Скучаю по фауне. Целый день, как олень, снег копытил. И ни одной ракушки.

— Давай напишу в деревню. Внутренний смысл! Там на речке у нас полно всяких.

— Напиши.

— Пробы-то заранее натаскать, так у первой забереги и мыть можно, — сказал Куценко. Он сидел босиком, поставив квадратные ступни на голенища валенок.

Снег падал все гуще, гуще, и спины стали уже намочать от него. И вдруг метрах в пяти от костра под снежный обрыв тяжело и обессиленно грохнулся один гусь, за ним второй, третий.

Гуси отбежали к краю обрывчика и настороженно стояли, готовые в тот же момент взлететь. Так прошло минут пять, встопорщенные перья гусей улеглись. Потом один мягко прикрыл собой лапки, и тут же улеглись все трое. Они лежали, прижавшись друг к другу, как серые валуны, только крайний неотрывно смотрел на людей круглым глазом.

— Правильно говорил Илья Николаевич — страна великих воз-

можностей, — тихо и тонко, вовсе как Будда, сказал Куценко. — Гуси прямо в костер падают. Надо тихонько в палатку перебраться, пушай отдохнут.

Снегу навалило за ночь около полуметра, и к утру он утих. От белизны его все заполнила слепящая мгла, небо казалось синтетически голубым. Гуси исчезли. Баклаков пошел на скалистый обрыв и безнадежно крушил молотком камни. Глаза даже в темных очках слезились.

Пришел Куценко с кружкой чая.

— Промой глаза. Лучше чая лекарства нет при таком снеге.

— Ничего.

— Снежной слепотой заболеешь, время терять будем, — сказал Куценко.

Баклаков взял кружку и стал промывать глаза крепким холодным чаем. Глаза слегка щипало — то ли от чая, то ли от пота, который попадал в них вместе с чаем.

— А гуси-то улетели, — вздохнул Куценко. — Этот снег к обеду солнце сметет.

Баклаков облегченно вздохнул. Его отношения с Куценко на это лето, кажется, установились. Он действительно может на него положиться.

— Спасибо, Алексеич, — сказал он. — Болесть сейчас невозможно. Как только Гурин закончит, будем уходить в горы.

32

Заместитель министра Сидорчук прилетел в Поселок в конце апреля. Чинков, встречавший его в аэропорту, радостно засмеялся, когда увидел Сидорчука в желтой канадской меховой шубе, в отчаянных каких-то меховых сапогах тоже желтого цвета и тяжелых темных очках. Иностранец, концессионер, прибывший осматривать свои владения. Дорогой Чинков подшучивал над Сидорчуком, объясняя: «Вот это торосы. Это тундра, покрытая снегом. Это так называемые сопки». Сидорчук все терпеливо сносил. В управлении он долго ходил по обшарпанным коридорам, заглядывал в захламленные и пустые рабочие кабинеты.

— Вы бы краску, что ли, какую повеселее нашли. А то с похмелья не угадаешь: в управлении ты или в камере предварительного заключения.

— К осени выполним указание. Сделаем, чтобы нашим героям-полевикам было радостно зайти в управление, — ответил ему Фурдодуй.

В тот же вечер Сидорчук и Чинков отправились на разведку Монголова. Вездеход гремел, лязгал, сотрясался, и в кузов забивалась снежная пыль. Сидорчук молчал и лишь однажды, видно продолжая внутреннюю беседу, сказал Чинкову:

— Вместо того чтобы про сопки и торосы рассказывать, лучше бы в мой портфель заглянул.

— Давай, Иван, загляну.

— Смотри! — Сидорчук открыл портфель, и даже сквозь бензинный дух и выхлопные газы в вездеходе запахло аптекой. Скляночки, пузырьки, тюбики, пакетики. — Может, выкинуть все это на дорогу? Вместе с портфелем? — с веселым отчаянием спросил Сидорчук, и так как Чинков не ответил, погрузился опять в недра оранжевой шубы канадского производства. К рассвету вездеход вышел в долину реки Эльгая. Тракторный след синел под лучами восходящего солнца, убежал вперед.

На разведке Сидорчук быстро и даже как-то небрежно просмотрел пробы, вынутые Монголовым из сейфа. Затем пожелал осмотреть шур-

фы. Монголов провел их к месту, где работал Менялка, теперь уж с другим напарником.

— Гиголов, — представил его Монголов. — Лучший шурфовщик. Именно он обнаружил самородок в шестьсот пятьдесят граммов, который заставил нас начать зимнюю промывку.

Менялка приподнял шапочку и приготовился что-то сказать Сидорчуку. Но напарник, судя по внешности, битый северстроевский человек, тянул его сзади за телогрейку. Менялка отбил руку.

— Шуба богатая, — сказал он Сидорчуку. — В такой шубе и по Бродвею. Ну-у! Все американские цыпочки лягут.

— Не на шубу надежа, — Сидорчук нагнулся к Менялке и быстро сказал что-то на блатном жаргоне. Менялка так и остался на месте, мучительно соображая хлесткий ответ.

Чинков смеялся, слушая, как напарник отчитывает за их спиной Менялку.

— Я издали понял, что это наш приехал, а не фуфло какое. Позорник ты и пустое трепло.

По дороге Монголова отозвал Малыш, и, пользуясь тем, что они остались вдвоем, Сидорчук спросил у Чинкова:

— Ты знаешь такого Катинского?

— Читал докладную записку, — неохотно сказал Чинков.

— Ты его докладной не читал. Она у меня в единственном экземпляре. На пятидесяти страницах всю золотоносность Территории разложил по полочкам. Три года готовил.

— Когда она поступила? — быстро спросил Чинков.

— В Казахстане сидел, а отчеты читал. Хорошая докладная, — продолжал Сидорчук. — А через месяц и ты подвалил со своим мешком золота. Ты вовремя его привез.

— Почему не сказал о записке Катинского?

— Ты бы тогда не был пупом земли. А ты гораздо лучше работаешь, когда именно пуп, — сказал Сидорчук. — Едем обратно.

— Зачем ты приезжал, Иван? Шубой похвастаться?

— Убедиться, что золото и разведка существуют в реальности. От тебя всякого можно ждать.

— Убедился? — Чинков размышлял о том, какую игру ведет Сидорчук, какие ветры вдруг стали дуть в министерстве.

— Не ломай голову, — сказал Сидорчук. — Кроме лекарств, у меня в портфеле разные полномочия. Высокий и полномочный ревизор, вот кто я. Я привез тебе деньги. Дополнительные ассигнования на разведку. Акт о ревизии ты сегодня напишешь сам. Завтра я улетаю.

— Где твои деньги были месяц назад? Я все полевые партии ограбил. Нищими их отправил. Они гипертониками вернутся.

— С каких это пор ты жалельщиком стал?

— Я о неиспользованных возможностях жалею. Гипертония должна быть оправданна. На Лосиной нужна большая шурфовка. На Ватапе есть куда вложить деньги. Кольцевой партии ничем не поможешь.

— Почему?

— Такой маршрут. Но там у меня честолюбцы. На честолюбии вытанут.

— А где твой промывальщик-гений? Хочу познакомиться.

— Там, в Кольцевой. Если привезет нужные результаты, я его в старшие инженеры произведу. Диплом нарисую об окончании вуза. Если привезет именно то, что жду, я его кандидатом наук назначу.

— Наместник! — вздохнул Сидорчук. — Император. Нерон с Калигулой тебе рукоплещут. В какой круг ада заявку подал?

— Лет через десять скажу, — серьезно ответил Будда.

— Едем обратно!

— Пусть водитель поспит. У него портфеля с лекарствами нет.

— Ничего. Чифир заварит. Не каждый день к вам высокие и полномочные ревизоры прилетают.

— Может, охоту прикажешь устроить? Коньяк, куропатка на вертеле?

— Не усердствуй. Твой трон пока прочен.

— Мой трон всегда прочен, — усмехнулся Чинков.

К вездеходу шел Монголов. В телогрейке, перетянутой офицерским ремнем, в армейской шапке и тщательно вычищенных сапогах, Монголов являл резкий контраст с монументальными, тяжело одетыми Буддой и Сидорчуком.

— Вы обещали отпустить меня в отпуск, как только разведка даст результат, Илья Николаевич, — сказал Монголов, остановившись в нескольких шагах от Чинкова.

— Плохо себя чувствуете? — Чинков осторожно скосил глаз на Сидорчука. Тот, вовсе не делая вид, что не слышит, с веселым интересом смотрел на Монголова и Чинкова.

— Не сплю. Желудок жжет. Не сдублировать бы Отто Яновича, — невесело усмехнулся Монголов.

— Устроим вас в санаторий, Владимир Михайлович, — сказал Чинков. — Северстроевский спецсанаторий. Его пока не отняли. Отдельная комната. Уход. Хорошие врачи.

— Нет, — все так же невесело улыбнулся Монголов. — Это не для меня. Что хорошо для генералов, то не годится для ваньки-взводного. Хочу поехать в деревню. Зайти к простому сельскому врачу. С удочкой посидеть. Подумать. Возникла необходимость подумать.

— О чем же, если не секрет, Владимир Михайлович? — весело спросил Сидорчук.

Монголов внимательно посмотрел на Сидорчука, на Будду и глухо сказал:

— О правилах. Всю свою жизнь я верил в определенные правила. В личный устав, если хотите. Почему-то все пошатнулось. А человек без правил не может жить.

— Удочки. Сельский врач. Лучше и не придумаешь, Владимир Михайлович, — дружелюбно сказал Сидорчук. — Я бы именно так поступил.

— Будем взаимно выполнять обязательства, — вздохнул Чинков. — Вы выполнили свое на Эльгае. Я выполняю свое и разрешаю вам отпуск. Подумайте о санатории. Я организую вам любой санаторий страны.

— Ни к чему ваньке-взводному, — начал было Монголов...

— Бросьте! В управлении организуется отдел разведочных экспедиций. Сейчас у нас две разведки: ваша и киноварь Копкова. Скоро разведок у нас будет много. Вы будете начальником отдела разведок и моим заместителем после отпуска.

— В кресле я... — снова начал Монголов.

— Не выйдет, Владимир Михайлович, — жестко перебил его Будда. — Вы единственная и окончательная кандидатура. Вспомните ваши правила. Хотите, чтобы я техника назначал в отдел разведок? Молодого специалиста? Слишком дорого это для государства, Владимир Михайлович.

— Хорошо, — сказал Монголов. — Как всегда, приказ и необходимо. Это я понимаю. Но пока прошу отпуск.

Монголов коротко кивнул и пошел прочь от вездехода — четкая фигура на ослепительно светлом снегу.

— Такого мужика укатать,—раздумчиво сказал вслед Сидорчук. — Людоед ты, Илья.

— Я, может быть, и людоед, но не юная школьница, — пробурчал Чинков. — Кроме эдакого героизма и разэдакой романтики, в людях еще кое-что вижу. Я в них как людоед кое-что понимаю.

33

Седой пришел на базу на пятый день. Лицо его было кумачового цвета, и белые волосы выглядели теперь как венчик. Седой молча вынул из кармана пистолет и протянул его Баклакову.

— Вышел немец из тумана, вынул ножик из кармана, — успел повторить поселковую присказку Валька Карзубин. — Дромадер с четырьмя горбами.

— Ты-ы, — сказал Баклаков. — Что произошло? Ну-у?

— Инженер ноги сломал. На этих своих агрегатах.

— Как?

— Надо идти. Песцы там шныряют, как крысы. Обгложут инженера.

— А пистолет?

— Отнял из предосторожности. Шибко орет инженер, плачет, — Седой покрутил головой. — Мне чифирнуть, и можно обратно.

Валька Карзубин уже шуровал примус. Куценко вытащил из складской палатки гри ящика со сгущенкой, подцепил топором доску и вывалил банки на пол палатки.

— Зачем? — спросил Баклаков.

— На горбу-то его не больно утащишь. На лыжи прибьем, получатся нарточки. На нарточках веселее, — неторопливо ответил Куценко.

По словам Седого получилось так: интрузив находился на самой верхушке холмов Тачин. Со стороны реки берег крутой, со снежным козырьком. Там они поставили палатку. Гурин каждый раз все рисковее и рисковее съезжал вниз. Когда он, Седой, сделал первую расчистку, задула поземка, потом пошел сильный снег. Гурин набил рюкзак образцами, чтобы рассортировать их в палатке, и поехал вниз, сказал, что вернется за другой партией. Через час не вернулся, через два тоже. Работать наверху стало совсем нельзя, и Седой пошел вниз. В палатке Гурина не было. Седой нашел его в двухстах метрах вверх по реке, прямо под обрывом. Гурин кричал все время, но ветер крик уносил. Лыжи вдребезги, ноги сломаны обе, хребет вроде цел.

...Они пошли к холмам Тачин втроем. Валька Карзубин остался охранять базу. Седой только просил заварить чифир в термос и сунул термос в карман. Идти было светло. В белесой прозрачной мгле они двигали лыжами по рыхлому снегу. Куценко ушел вперед. Седой отставал.

Сергей почему-то думал о горных лыжах. Можно было сделать из них грузовые нарты. И до паводка уйти в горы, потому что холмы ничего неожиданного не дали. Можно сделать еще одни нарты, а главный груз и гуринские тяжелые образцы оставить в палатке, чтобы зимой забрать самолетом. Седой отставал совсем сильно, и Баклаков остановился, поджидая его.

В бледном рассеянном свете Седой в своей коротко подобранной и туго подпоясанной телогрейке, загнутых валенках походил на лобастого, настороженно идущего зверя. Лицо его казалось очень темным, почти черным. Он блеснул зубами в улыбке:

— Не та дата жизни, начальник. Старею. Теперь мне ни от кого не уйти...

— Беда, — сказал Баклаков. — Беда к нам пришла, Седой.

— Главное, спасти-то его как? Пока самолет вызовешь, гангрена начнется, — вздохнул Седой.

— Сам виноват! Пижон проклятый! Он же партию нам сорвет. В проекте каждый день каждого человека — все учтено.

— Разве жизнь когда-нибудь совпадала с проектом? — устало сказал Седой. Он остановился. Дыхание у него было короткое, в груди что-то всхрипывало. Он вынул из кармана термос, отхлебнул. — Разве я проектировал, что в уголовники попаду? Пока на ногах — стой. Учитывая ошибки прошлого. Вот весь проект, начальник. Человек против всего устоит, если сам себя не предаст.

...Снег у палатки был покрыт песчовыми следами. Из палатки доносился веселый голос. Гурин бредил. И бредил, пока они вытаскивали спальный мешок из палатки и грузили на нарты — три ящика из-под сгущенки, приколоченные на лыжи.

— Лечу, — весело говорил Гурин. — Кувыркаюсь.

Лицо его было черным, и черной была невероятно быстро отросшая щетина.

— Лечу! Кувыркаюсь! — кричал Гурин и улыбался жутковатой улыбкой.

На половине дороги Гурин очнулся и начал кричать на одной ноте. Баклаков ненавидел его в эти минуты. Он ушел вперед, потому что принял решение: до рации должен бежать он. Расстояние за пару суток осилит, иначе на кой черт было накачивать мускулы, тренироваться и иметь звание мастера спорта. При хорошем заводе можно за полтора суток, чтобы сохранить ноги сокоешника. За это время Седой перевезет на нартах собранные на холмах Тачин образцы. Куценко шлифует долину Китама, и они сразу уйдут в горы. В эту долину, в крайнем случае, можно вернуться осенью. Как всегда, когда решение принято, Баклакову стало легче, и теперь уже он жалел Гурина и досадовал на собственную мягкотелость. Надо было запретить Гурину брать эти дурацкие лыжи. Баклаков жалел Гурина и думал о том, как тот переносит боль. Жизнь Гурина представлялась ему излишне благополучной. Благополучные люди плохо переносят боль. Если же Гурин потеряет ноги, то ему конец. Он не из тех, кто сможет остаться человеком без ног.

...У палатки Баклаков увидел Кые. Старик, еще более высохший за зиму, сидел прямо на снегу, вытянув сомкнутые ноги, и улыбался Баклакову. Кые был без шапки, и в вырезе кухлянки виднелась сморщенная коричневая кожа.

— Кые! — выдохнул Баклаков. — Тебя мне бог второй раз посылает.

— Разве за-а-был? — протянул Кые и подал, не вставая, сморщенную ладонь. — Зимой, когда ты на самолете летал, договаривались. Все привез.

— Ты на оленях? Где олени?

— Там. Они у меня умные. Ягель едят, далеко не уходят.

— Инженер у меня ноги сломал. Везут на нарте.

— Знаю, — сказал Кые. — Очень плохо. Я в тундру ходил. Я тут с утра сижу. В тундре травки нарвал. Помогает, чтобы не загнило.

Кые запустил руку за вырез кухлянки и вынул пучок желтой травы.

Гурин был в сознании, когда Куценко и Седой дотащили нарту на базу. Ему дали полстакана спирта и вытащили из спального мешка. Баклаков разрезал шнуровку на ботинках и выкинул ботинки из палатки. Разрезал штаны. Переломы были закрытые, ниже колен. Куценко

примотал ему на обе ноги дощечки от консервных ящиков, и Гурина снова затолкали в спальный мешок. От спирта он немного повеселел, и пот каплями выступил на черном заросшем лице.

— Извини, — хрипло сказал он, встретившись взглядом с Баклаковым.

— Брось, — сказал Баклаков.

— Извини, — настойчиво повторил Гурин. — Допрыгался я. Извини, если можешь.

— Брось! Держись.

Кые пригнал нарту, и Гурина положили в спальном мешке, примотали веревками. Нарта была беговая, и места для самого Кые не осталось.

— Ничего-о, я место найду, ничего-о, — сказал Кые.

Олени с места взяли разгон, и нарта исчезла за поворотом русла. Кые балансировал, стоя на полозе нарты.

Оставшись у палатки, они долго сидели молча.

— Мужики! — сказал Баклаков. — Умоляю не валять дурака. Если все начнем калечить себя, кто сделает маршрут?

Вопрос Баклакова повис в воздухе. Седой вздохнул, как бы отвечая на собственную мысль: сколько можно в жизни валять дурака?

— Илья Николаевич сказал... — тонко и наставительно начал Куценко. Но так никто и не узнал, что именно сказал Илья Николаевич Чинков.

— Чё делать, начальник? — громко произнес Валька Карзубин. — Лучше что-нибудь делать, чем без дела молчать. Насушно!

Но и ему никто не ответил. Валька Карзубин шумно расшуровал примус и стал набивать снегом чайник.

— Старик сказал, что три дня будет морозить, а потом снег и дождь, и все раскиснет, — сквозь рев примуса прокричал Валька. — Девальвация, а, начальник?

— Переходим в горы, — очнувшись, сказал Баклаков. — Отдыхаем до ночи, ночью переходим.

Кые не успел даже выехать за поворот, как нарта попала на заструги, и Гурин начал кричать. Олени, испуганные его криком, понесли еще сильнее, нарта прыгала, и Гурин кричал. Так Кые вез его километров тридцать. Когда Гурин окончательно охрип и посинел, Кые остановил нарту. Он быстро вырыл пещеру в снежном надуве под обрывом, положил туда оленью шкуру с нарты и волоком перетащил Гурина. Рядом он поставил бутылку с водой, которую всегда возил за пазухой, и тут же метнулся на нарты. Олени побежали, потом, успокоившись, пошли было шагом, но Кые издал короткую ноту волчьего воя, и олени рванули как сумасшедшие. Они невесомо бежали по тундре, а нарта сзади прыгала и исчезала между застругами, как лодочка в бурном море. Кые не давал им успокаиваться и в нужный момент издавал все ту же ноту волчьего воя.

Где-то в предутренний час олени остановились. Кые спрыгнул с нарты. Правый олень подогнул ноги и тяжело рухнул на снег. Кые загнул веко у оленя и отвернулся. Ездовые олени всегда умирают сразу. Второй стоял, широко расставив ноги, вывалив язык. Бока его вздувались и опадали. Кые развязал упряжь, неторопливо отнес нарту на берег, на обрывчик, где ее не смоем водой. До метеостанции осталось километров тридцать или сорок. Кые оглядел мертвого оленя и второго, лежащего рядом с ним, и побежал. Он бежал по твердому, еще не подтаявшему снегу, и бег его все еще по-юношески был легок.

...Ночью сильно подмерзло. На самодельную нарту, в которой перевозили Гурина, погрузили спальные мешки, меховую одежду. Седой впрягся в нарту и пошел на холмы Тачин. Они решили переправляться двумя этапами. Баклаков набил рюкзак консервами, сидя влез в рюкзачные ремни, затем поднялся на четвереньки и встал. В рюкзаке было килограммов пятьдесят, но Баклаков мог идти всю ночь.

Куценко и Валька Карзубин остались вдвоем. Куценко долго укладывал карзубинский рюкзак, чтобы груз был на спине и затылке, потом вдруг оставил его и вытащил резиновую лодку, взятую на всякий случай. Он заставил Карзубина накачать ее. Когда лодка была накачана, Куценко полил ее водой, заморозил, положил на дно распоротый мешок и снова полил водой. Мешок примерз, и Куценко бережно нарастил на нем тонкий слой льда. В эту импровизированную нарту они положили канистру с соляровкой, ящики с консервами, лотки и палатки. Лодка легко скользила по снегу, и они на десятом километре догнали Баклакова. Проблема транспорта была решена. Обратным рейсом они забрали все образцы. Баклаков остался документировать расчистки. Был жаркий день, и, сидя в одной рубашке на вершине холма Тачин, Баклаков все пытался понять, почему Гурин считал этот крохотный гранитный массивчик «готовой лабораторией». С вершины холма было видно сверкающую тундру, уже испещренную темными проталинами. Стена Кетунгского нагорья казалась совсем рядом. Баклаков описал зону контакта. Сбоку нахально тявкал и негодовал песец, уже потемневший, в грязной клочкастой шерсти. Баклаков кинул в песка камень, песец отскочил, поскошачьи фыркнул. Баклаков рассмеялся. История повторяется. В прошлом году он швырял камни в зайцев и переправлялся через Ватап.

Сосредоточенность вернулась к Баклакову, и он забыл о Гурине. Принудительная сила реальности в том, что теперь ему придется изменить план работы. Отказаться от кольцевых маршрутов и ходить в одиночку длинным пилообразным ходом. Седой и Карзубин будут в группе Куценко. Теперь главное — сбить границы с маршрутами Семена Копкова и Жоры Апрятина.

«Не суетись, не суетись, — внушал себе Баклаков. — Главное — работать методично и без рывков, тогда тебя хватит на целое лето. Главное — работать ежеминутно, не расслабляться, и тогда ты выдержишь это двойное лето».

Дополнительная партия рабочих, которых отправляли к Жоре Апрятину, уже сидела в самолете. Неожиданно вышел пилот, открыл защелки двери и стал смотреть на рулежную дорожку. Подкатила «Скорая помощь», вылез врач с чемоданчиком.

— Отбой. Отсрочка на три часа, — скомандовал пилот работягам. Боязливо переговариваясь, те вышли из самолета, обступили «Скорую помощь».

Они поняли все, когда через два с половиной часа самолет вернулся и из него вынесли в спальном мешке стонущего, заросшего щетиной человека.

— Ваш черед! — скомандовал пилот, и работяги, сутулясь, оглядываясь на завывающую по полосе машину с красным крестом, пошли на посадку.

Кые опять остался один. Был лыжный след самолета, пещера в снегу. Кые потоптался на месте, вслушиваясь в исчезающий гул, и нерешительно пошел к тому месту, где остались олени. Хотел забрать упряжь и

шкур. Но, не пройдя и километра, Кые изменил решение и повернул направо, по направлению к стаду. Идти туда пешком было трое суток. Чем дальше, тем большую усталость чувствовал Кые, и поэтому он изменил решение еще раз. Пошел к базе Баклакова. До базы он надеялся дойти часов за десять. Кые шел неторопливой перевалистой пастушьей походкой и грыз галеты, которые ему дали на метеостанции. Кые было тяжело. Он понимал, что совершил грех, нарушил главный обычай «настоящих людей» — никогда не бросать ничего, что может пойти в дело. Тем более оленей, с которых можно снять шкур. Но он шел и шел, медленно, но безостановочно, зная, что упорная тихая ходьба лучше, чем быстрая с передышками. Он очень жалел оленей. Ездовых оленей тщательно выбирают и долго учат. Они дорого стоят. Конечно, за оленей колхозы заплатят геологи. Но деньги все же никак не олени.

Базу Баклакова Кые застал пустой. Палатка была застегнута и привалена снегом. Кые расстегнул застегжки и увидел, что в центре палатки стоит ящик со спиртом, цинка винтовочных патронов, мешок сахара, коробка с пачками чая и еще несколько пачек галет. «Хороший человек. Держит слово», — подумал Кые о Баклакове. Ему стало легче, и он перестал думать об оленях.

Он набрал веточек полярной березки, разжег крохотный костерок и поставил на него консервную банку со снегом. Кые подряд выпил банок пять очень крепкого и очень сладкого чая и заснул в палатке прямо на полу. Проснувшись, он еще попил чая и тщательно застегнул палатку. Теперь он мог идти к стаду. За продуктами на оленях приедет Канту. Подумав о Канту, Кые выругал себя. Он опять вернулся к палатке, вытащил ящик со спиртом и отнес его в камни. Заложив ящик камнями, Кые придирчиво осматрел место и остался доволен. Одну бутылку спирта он взял с собой. Теперь все было сделано окончательно правильно, и Кые шагал и легонько улыбался на ходу. Он думал о том, как перехитрил Канту или других, кто за выпивку отдаст все, даже ум.

35

Едва Баклаков, Куценко, Седой и Карзубин успели выбраться в горы, как пришла пора теплых туманов. На тундру, на сопки, на речные долины лег пронизанный солнцем и влагой парной воздух. Снег исчезал на глазах. В тумане все казалось искаженным и невероятным: пуночка была величиной с барана, палатка выглядела скалой. Всюду журчала невидимая вода и мягко вздыхал оседающий снег.

От новой базы до ближайшей бочки с продуктами было шестьдесят километров. Отсюда Баклаков решил сходить на запад, в верховья Лосиной. Куценко готовился шлиховать верхнее течение Китама.

Собираясь в маршрут, Баклаков извлек свою трубочку с обломанным краем и пачку махорки.

— Начальник! — изумился Валька Карзубин. — Ты разве куришь?

— Летом курю.

— Правильно, начальник. Я так считаю, что если мужик не пьет и не курит, лучше к нему не поворачиваться спиной. Такого лучше перед собой иметь, на глазах. Эскуриал!

— Летом можешь спокойно иметь меня за спиной.

— Я не про н а ш и х.

Подул легкий ветер, и мимо них понеслись клочья тумана. Они были желтые и оранжевые от солнца. Из палатки вылез Куценко и протянул

Баклакову рогульку с леской. На крючок были насажены разноцветные кусочки изоляции.

— Где водичку встретишь, кинь да подергай. Один-то харюз все равно не выдержит, схватит. Ты у него мясо вырежь и насади. После этого таскай харюзов, сколько влезет. Будут хватать.

— А если не будут?

— Я об рыбе думаю много, — серьезно ответил Куценко. — Зачем консервы таскать, если еды под ногами полно?

— Проверим. Возьму чай, галеты и сахар. Вместо мешка меховую одежду. С таким грузом бегом бегать можно.

— А то! — согласился Куценко.

— Инженер вот наш не курил, — разрабатывая неизвестную мысль, сказал Валька Карзубин. — Отрежут ему ноги или оставят? Эх, не жизнь, а кантата!

И вдруг сверху раздался посвист крыльев и тревожный гусиный гогот. Весь этот день и всю ночь гуси сваливались к ним с перевала. Шел «главный гусь». И всю ночь они слушали крик, тревожный, как долг, и ясный, как жизненная задача.

Снова Баклаков засыпал под похлопывание палаточного брезента. Снова ему хватало нескольких часов, чтобы быть готовым к маршруту. Каждое утро Баклаков благословлял мех северного оленя и старика Кыяе. Он вспоминал о нем часто и с нежностью.

«Может быть, легенды о просветленных мудрецах и святых кудесниках имеют в основе такого вот Кыяе. Чего проще?» — думал Баклаков.

Снова зрение и слух по-звериному обострились, и Баклаков издал слышал стук камня под копытом барана, слышал вздохи ветра и даже запах камней. Куценко оказался прав. Хариус дуриком шел на хлорвиновую насадку, и Баклаков времени на рыбалку почти не тратил. Остатывался у ручья, ловил, ел и отправлялся дальше.

На пятые сутки он вышел в верховьях Лосиной. Здесь его съемка должна была сомкнуться со съемкой Жоры Апрятина. На стыках всегда возникают споры. Баклаков оставил весь груз и налегке, с одним винчестером и молотком, решил как следует обходить окрестности.

Баклаков шел вниз по Лосиной. Целью его были скалы, последний раз сжимавшие реку перед выходом на равнину. Вода прыгала по черным камням, но шум ее был отличен от медлительного и грозного рокота реки Ватап, Серой Воды, которую ему еще предстоит в это лето увидеть. Неожиданно Баклаков услышал четкий стук металла о камень. «Может быть, Жора? Неужели так повезло?» Но стук исчез. Баклаков заспешил вниз по реке и метров через двести увидел Жору. Тот сидел на камне у самой воды и что-то доставал из полевой сумки. Молоток валялся рядом, отблескивал на солнце. Жора согнулся над книжкой или дневником. Баклаков решил было подкрасться незаметно, ошеломить. Но вспомнил, что Жора всегда таскает на поясе расстегнутую кобуру с пистолетом.

Баклаков пошел нарочито шумно, на самом виду. Но Жора не замечал его. Вблизи он очень напоминал удалившегося от мира отшельника. Баклакова он заметил, когда осталось шагов пять. Рука Жоры метнулась к поясу.

— Не дури! — крикнул Баклаков.

Жора встал, и Баклаков с удивлением заметил, что пистолета-то у Жоры как раз и нет.

— Какой ты, к черту, ковбой! — сказал Баклаков. — Тебя связать, как сонного, можно. Где пистолет?

— В рюкзаке, — смущенно ответил Жора.

— Разоружился в связи с отменой «Северстроя»?

Жора Апрятин ничего не ответил, лишь с неловкой торопливостью стал засовывать в полевую сумку книгу.

— В маршруте? Книга? — удивился Баклаков.

— Это так просто, — пробормотал Жора.

Баклаков бесцеремонно протянул руку. Но Жора книгу не дал. Положил на колени названием вниз.

— Дед прислал. Пишет: полезно.

— Вроде как витамины? — жизнерадостно улыбнулся Баклаков.

— Для совершенствования души. Я деду написал про главного инженера. Оказывается, дед в Буддины времена им курс геоморфологии читал. А дед прислал мне сборник поучений Гаутамы. Пишет, что студент Чинков, если он правильно его помнит, кличку Будда носить не может. Это противоречит истине. — Жора оживился, взял книгу и открыл ее наугад. — Ты только не смейся, Серега: «Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она», — утробным голосом прочел Жора.

— Иногда полезно и сдачи дать, — прокомментировал Баклаков.

— «Серьезные не умирают. Серьезность — путь к бессмертию. Легкомыслие — путь к смерти. Легкомысленные подобны мертвецам», — покраснев от натужной торжественности, читал Жора.

— Так, между прочим, и есть. Сильная мысль, — вздохнул Баклаков.

— «Хорошо сказанное слово человека, который ему не следует, столь же бесплодно, как и прекрасный цветок с приятной окраской, но лишенный аромата...»

— Не трепись про высокие цели, а действуй личным примером. Об этом каждый начальник партии должен знать...

— «Трудно стать человеком, — зазвенел голос Жоры. — Трудна жизнь смертных, трудно выслушивать истину...»

— Ты в бога, что ли, ударился? — спросил Баклаков.

— При чем тут бог?

— Ну-у! Я не Гурин, я парень простой. Но вроде религию ты мне излагаешь.

— Для всякого человека одна религия: не дешеви, не лукавь, не пижонь, работай, — сурово отвечивал Жора.

— Знаешь, Гурин ноги сломал?

— Как?

— По-пижонски. Глупо и жаль очень.

— Все идет, как положено быть, — печально сказал Жора.

— Давай съемку смыкать, — вздохнул Баклаков. — Мне на восток спешить надо. Река Ватап меня ждет.

— Давай, — согласился Жора. — Душа душой, события событиями, а работа остается работой.

С нагорья в долину Лосиной ползла полоса тумана. Через час она накрыла их, и листы карты, металл винчестера и камни сразу покрылись каплями влаги.

...Через неделю Баклаков вышел на базу своей партии. Все повторялось, и он чувствовал привычное состояние утомимости. Баклаков был очень доволен маршрутом и тем, что повстречал Жору Апрятина. Конфликта на западной границе маршрута не будет. Может быть, ему повезет, и он встретит Семена Копкова. «Но если в начале маршрута везуха, то невезуха будет в середине или в конце», — думал Баклаков.

Палатка стояла в долине, один борт которой был голубым от цвета составляющих его лав, второй — зеленым. Сидя на склоне, Баклаков профессионально вглядывался в контуры этой смешной долины. Он увидел Куценко, Карзубина и Седого. Они шли с верховьев ручья. Судя по нагруженным рюкзакам, ходили в многодневку. Они подошли к палатке, заглянули в нее, и все трое стали смотреть на горы. Видимо, ожидали, что Баклаков уже вернулся. Баклаков сидел неподвижно, и заметить его на фоне камня было нельзя. Куценко разулся. Обостренным зрением Баклаков видел его квадратные ступни. Куценко всегда разувался после маршрута. Валька Карзубин с чайником пошел к ручью, из палатки донесся шум примуса. Была предвечерняя тишина, и звуки доходили очень ясно и четко. Баклаков поднялся и бегом на легких ногах стал спускаться по склону.

«Мы все обреченные люди, — думал он на ходу. — Мы обречены на нашу работу. Отцы-пустынники и жены-непорочны, красотики и миллионеры — все обречены на свою роль. Мы обречены на работу, и это, клизма без механизма, есть лучшая и высшая в мире обреченность».

— Эпиталама! Начальник идет, — громко сказал у палатки Валька Карзубин.

Им еще предстояло, матерясь, проклиная судьбу, разыскивать во время июльского снегопада третью продуктовую бочку. Вальке Карзубину еще предстояло стонать ночами от ломоты в непривычных к мокрой работе руках. Им еще предстояло выбраться в верховья Ватапа, Серой Воды и месяц плыть по реке, пересекать в маршрутах тундровые урочища. Им предстоял выход в пустынное устье Серой Воды и переходы по штормовому осеннему морю. Им предстояли маршруты в глубь побережья и работа в гиблой губе Науде, насквозь пропахшей сероводородом. Им предстояло запомнить багровые, на полнеба, закаты и колебание одинокой метлицы на галечных косах. Предстояло неделю сидеть у Туманного мыса, ежедневно пытаясь его обогнуть. Каждый раз шквальный ветер отшвыривал их обратно, они молча выбирались на берег, жгли костер из плавника, сушились и снова сталкивали вельбот на воду. И снова ветер заливал их и отбрасывал обратно за скалы. Лишь ярость давала им в это время силы. Им предстояло удержать в памяти это лето до конца дней, потому что оно напоминало о себе переборами сердца, ночной испариной тела. Может быть, это было последнее лето по старой методике «Северстроя»: «делай — или умри».

36. От автора.

С тех пор прошли годы. Предвидение Чинкова сбылось: они открыли узел золотоносных россыпей Территории с очень сложными условиями залегания и с богатым содержанием. Для этого понадобилась удача, кадры и еще раз удача. Для этого понадобилось упорство, безжалостный, рискованный расчет Чинкова. И сумрачный нюх Куценко. И свойственный сердечникам страх смерти перед рассветом у тех, кто вынес на себе тяжесть первых работ. Для этого понадобились мозоли и пот работяг под кличками и без них.

...Если б была в мире сила, которая вернула бы всех, связанных с золотом Территории, погибших в маршрутах, сгинувших в «сучьих кутках», затерявшихся на материке, ушедших в благополучный стандарт «жизни как все», — все они повторили бы эти годы. Не во имя

денег, так как они знали, что такое шальные деньги во время работы на Территории, даже не во имя долга, так как настоящий долг сидит в сущности человека, а не в словесных формулировках, не ради славы, а ради того непознанного, во имя чего зачинается и проходит индивидуальная жизнь человека. Может быть, суть в том, чтобы при встрече не демонстрировать сильное оживление, не утверждать с широкой улыбкой, что «надо бы как-нибудь созвониться и...». Чтобы можно было просто сказать «помнишь?» и углубиться в сладкую тяжесть воспоминаний, где смешаны реки, холмы, пот, холод, смерть, усталость, мечты и святое чувство нужной работы. Чтобы в минуту сомнения тебя поддерживали прошедшие годы, когда ты не дешешил, не тек бездумной водичкой по подготовленным желобам, а знал грубость и красоту реального мира, жил, как положено жить мужчине и человеку. Если ты научился искать человека не в гладком приспособленце, а в тех, кто пробует жизнь на своей неказистой шкуре, если ты устоял против гипноза приобретательства и безопасных уютных истин, если ты с усмешкой знаешь, что мир многолик и стопроцентная добродетель пока достигнута только в легендах, если ты веруешь в грубую ярость твоей работы — тебе всегда будет слышен из дальнего времени крик неизвестного работяги: «А ведь могём, ребята! Ей-богу, могём!».

День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создается сегодня. Так почему же, допустим, вас не было на тех тракторных санях и не ваше, а чье-то другое лицо обжигал морозный февральский ветер? Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

